

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

А.Д. Васильев

**ПИСЬМЕННОСТЬ,
АЛФАВИТЫ, ОРФОГРАФИЯ:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Учебное пособие

КРАСНОЯРСК
2018

ББК 81.2 Рус
В 191

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор

Т.М. Григорьева

доктор филологических наук, профессор

Л.Г. Сомотик

Васильев А.Д.

В 191 Письменность, алфавиты, орфография: история и современность: учебное пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – 164 с.

ISBN 978-5-00102-203-9

Учебное пособие адресовано студентам, изучающим дисциплину «Основы науки о языке», предусмотренную Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки: 440305 Педагогическое образование, профиль «Русский язык и литература», «Русский язык и иностранный язык», квалификация (степень) бакалавр, очная и заочная формы обучения.

Может быть использовано аспирантами при изучении ДВ «История лингвистических учений» по направлению подготовки 45.06.01 «Языкознание и литературоведение; направленность (профиль) программы «Русский язык». В текст пособия входят главы теоретического характера, содержащие сведения о письменности древнейших эпох и современного периода, сопровождаемые вопросами для самостоятельной работы студентов, а также приложения, предназначенные для применения в практике учебного процесса в его аудиторной и внеаудиторной формах.

Одобрено на заседании кафедры общего языкознания 06.03.18, протокол № 6 и научно-методического совета филологического факультета 20.03.18, протокол № 7.

ББК 81.2 Рус

ISBN 978-5-00102-203-9

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018

© Васильев А.Д., 2018

Содержание

Введение	4
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НОРМЫ	6
ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПИСЬМЕННОСТИ	15
АЛФАВИТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ.....	21
КИРИЛЛИЦА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	27
ЭКСПАНСИЯ ЛАТИНИЦЫ В ОФОРМЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ ВЫВЕСОК.....	33
РЕФОРМЫ И НОВОВВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ.....	42
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПИСАНИЯ.....	58
ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКСТУАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ АЛФАВИТА.....	69
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В ТЕКСТЕ	74
Заключение	83
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	85
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	155
Специальные издания.....	155
Справочные и лексикографические пособия	158
Литературно-художественные и публицистические тексты.....	159

... *грамота* не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение.

А.С. Пушкин

Всеобщее предание даёт древнейшему периоду письменности характер чудесного и сверхъестественного.

Ф.И. Буслаев

Введение

Письменность – одно из величайших изобретений безусловно непреходящего значения. Сколько бы ни совершенствовались технические средства коммуникации, среди них постоянно присутствуют устройства, предназначенные для передачи и приема письменных сообщений. Правовые установления, религиозные заповеди, хроникальные документы, деловая и частная корреспонденция, учебные пособия, научные трактаты, инженерно-технические проекты, беллетристические произведения и многое другое, насущное для построения социума в цивилизационном и культурном аспектах, обрело материальное воплощение и стало долговременным благодаря бытованию именно в письменной форме.

Значимость письменной фиксации устных высказываний получила высокую оценку во многих речениях, ср.: «*verba volant, scripta manent*» (лат.: слова улетают – написанное остаётся, вариант: слова летучи, письмена живучи), «написано пером – не вырубешь топором» и т.п.

«Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена»

[Бунин 1981, 1: 287].

Знаки систематизировались и кристаллизовались у разных народов в различные упорядоченные множества, в том числе и алфавиты.

В свою очередь, по мере развития этносоциума возникла потребность в стандартизации использования письменной речи, то есть в выработке правил ее единообразного употребления и их кодификации. С течением времени такие правила получают общеобязательный характер для всех носителей конкретного языка, санкционируются государственной властью, распространяются через обучение в школах и проч.

Можно сказать, что своды орфографических и пунктуационных правил, выступая в качестве кодификации норм, принимают тем самым своеобразно сакральный статус.

Однако поскольку они регламентируют письменное употребление живого языка, то в соответствии с его динамикой могут меняться, или, точнее, быть изменены (иногда – даже без особой необходимости). Обычно подобное происходит в периоды (и как результат) социально-политических катаклизмов. С точки зрения семиотики, прежняя сакральная микросистема утрачивает свой доминирующий характер, и на смену ей приходит другая, новая, вовсе не обязательно более совершенная, но в силу ряда обстоятельств становящаяся всё же такой же, как и предыдущие, сакральной для языкового коллектива.

Причем часть его, иногда – весьма значительная, отторгает нововведение, считая его изначально профанным. Вследствие этого происходят довольно сложные социокультурные процессы. Краткому описанию и анализу некоторых связанных с ними явлений и посвящено данное учебное пособие.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НОРМЫ

Понятие нормы многообразно, или, точнее, многообразны её воплощения в различных сферах человеческой деятельности. При этом наиболее существенно, что именно принимается за общеобязательное образцовое установление. Очевидно, что отправные «точки отсчёта», изначальные ориентиры, утверждаемые в качестве базовых, могут обретать вариативные конкретные выражения.

Можно сказать, что традиция употребления (массовая и регулярная воспроизводимость) играет в судьбе возникающей нормы весьма значительную роль. Однако важно и то, что изначально принимается за норму.

Так, в фантастическом романе, действие которого происходит после некоей «Великой Кары» (по-видимому, ядерной войны), уцелевшие остатки планеты заполнены многочисленными мутантами: растениями, животными, людьми. Большая часть человечества («нормальные») истово исповедует новую религию, основанную на неких «Откровениях». В этих заповедях говорится, в частности: «И создал Господь человека по образу и подобию своему. И пожелал Господь, чтобы у человека было одно тело, одна голова, две руки и две ноги. Каждая рука должна оканчиваться ладонью, и каждая ладонь должна иметь пять пальцев, и на конце каждого пальца должен быть ноготь...» и т.п., при этом «любое существо, которое имеет человеческий облик, но устроено не так, как здесь сказано, не есть человек <...>. Это богохульство, издевательство над истинным подобием Господа, и оно ненавистно взору Господа...» Жилища так называемых полноценных людей украшены изречениями вроде: «Норма – желание Господа», «Лишь воспроизведение нормы есть творение Господа», «Любое отклонение – от дьявола» и т.п. [Уиндем 1993: 214 и др.].

В другом фантастическом произведении, действие которого происходит после «Второй [!] атомной войны», при проведении медицинских обследований обнаруживается, что некий гражданин США – самый что ни на есть средний гражданин по всем показателям (физическим, социальным и проч.). Он был провозглашен воплощением великого национального мифа, начало которому столетие назад положило детское движение «Стать Нормальным Полноценным Американским Парнем», и под лозунгом «Назад, к Норме, с Нормальным Человеком!» до конца жизни избирался президентом Штатов, а затем и мира. «Человечество быстро и бессознательно сводилось к среднеарифметическому уровню, после чего деградировало окончательно» и исчезло с лица Земли [Тенн 1992: 324 и др.].

Приведенные примеры демонстрируют, что нечто, принимаемое за норму, может быть сакрализовано, сколько бы вариативными ни были исходные представления о норме.

Одним из наиболее наглядных примеров проявления своеобразной нормативности может служить мода, понимаемая, например, как «господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, в особенности в одежде» [МАС₂, 2 1982: 285].

Весьма любопытными оказываются факты конкуренции различных систем модных установок. Вот беллетристический пример из исторического романа, в одном из эпизодов которого за пиршественным столом собираются завоеватели-норманны (они же – и хозяева торжества) и побежденные ими саксы. «Седрик и Ательстан были в старинной саксонской одежде. Их костюмы <...> вовсе не были безобразны. Хотя по своему покрою они так отличались от нарядов остальных гостей, что принц и Вальдемар Фиц-Урс насилу смогли удержаться от смеха при виде этих двух фигур. Однако, с точки зрения здравого смысла, короткая и плотно прилегающая к телу

туника и длинный плащ саксов были красивее и удобнее, чем костюм норманнов, состоявший из широкого и длинного камзола, поверх которого надевался короткий плащ. Плащ этот не защищал ни от дождя, ни от холода и только на то и годился, чтобы на него нашивали столько дорогих мехов, кружев и драгоценных камней, сколько удавалось уместить здесь портному <...>. ... Короткие плащи всё еще были в моде в то время, в особенности при дворах принцев из дома Анжу <...>. Понятно, что длинные мантии, составлявшие верхнюю одежду саксов, казались тут очень смешными» [Скотт 1980: 131].

Кстати, то же относится здесь и к ритуализированным светским манерам: «С лукавой важностью <...> норманнские рыцари и дворяне взирали на бесхитростное поведение Седрика и Ательстана, не привыкших к подобным пирам. Эти необразованные саксы несколько раз погрешили против условных правил, установленных для хорошего общества. Седрик после мытья рук обтер их полотенцем вместо того, чтобы обсушить их, изящно помахав ими в воздухе» [Скотт 1980: 131–132] и т.п.

И в последующие эпохи соблюдение требований моды как своеобразной нормы выступало в качестве социально значимого элемента публичного поведения: «Прелестнейшая Ванда, или, как она называлась в паспорте, почетная гражданка Настасья Канавкина, выписавшись из больницы, очутилась <...> без приюта и без копейки денег <...>. Не купишь ни модной короткой кофточки, ни высокой шляпы, ни туфель бронзового цвета, а без этих вещей она чувствовала себя точно голой» [Чехов 1955, 4: 221]. – «Впрочем, на другой день она уже была в «Ренессансе» и танцевала там. На ней была новая громадная, красная шляпа, новая модная кофточка и туфли бронзового цвета. И ужином угощал ее молодой купец, приезжий из Казани» [Чехов 1955, 4: 224].

Иной пример: «... Этот чертов Хаас [директор частной школы] ходил и жал ручки всем родителям, которые приез-

жали <...>. Но не со всеми он одинаково здоровался – у некоторых ребят родители были попроще, победнее <...>. Если у кого <...> отец ходит в костюме с ужасно высокими плечами и башмаки на нем старомодные, черные с белым, тут этот самый Хаас только протягивал им два пальца и притворно улыбался...» [Сэлинджер 1979: 874–675].

Надо заметить, что мода возникает, существует и меняется вовсе не стихийно. См.: «Если перед вами идет аскетический спор о женской красе и собравшиеся поделились на два лагеря – одни за стриженных американок, другие за длинноволосых, то это не значит еще, что перед вами бескорыстные эстеты. Нет. За длинные волосы орут до хрипоты фабриканты шпилек, со стрижкой сократившие производство, за короткие волосы ратует трест владельцев парикмахерских, так как короткие волосы у женщин привлекли к парикмахерам целое второе стригущееся человечество» [Маяковский 1979: 637–638]. Понятно, что и междоусобная борьба «домов высокой моды» – это совсем не состязание за право создать некий высший эстетический символ, а конкурентная схватка за вполне материальную прибыль.

В области морали и культуры в течение долгого времени функционируют нормы поведения человека и общества, предписываемые доминирующей религией. Однако известно, что вероучение может приобрести главенствующий статус за счет влияния разных факторов, не в последнюю очередь – как результат действий светской власти.

Так произошло на Руси с принятием христианства, которое было насаждено, так сказать, «сверху», то есть по решению князя Владимира. Несомненно, что, с точки зрения политической (особенно – в области международных отношений), такой шаг был вполне оправданным и целесообразным. Но «на Руси христианство появилось не в том первородном виде, в каком оно было в первые века своего существования; оно давно уже перестало быть религией бесправных и угне-

тенных, ожидавших компенсации в потустороннем мире <...>. Силу такого государственного христианства составляло сочетание принципа неизбежности и безграничности власти, взятого из Библии, с принципом покорности и смирения, взятым из евангельского учения» [Рыбаков 1988: 456]. Укрепившись в положении верховенствующей конфессии, православие на протяжении многих веков официально оставалось государственной религией Российской империи.

Казалось бы, после Октябрьской революции типологически совершенно новая, атеистическая власть должна была бы радикально отрешиться от «поповского мракобесия». Вроде бы так и произошло. Поскольку, однако же, и в обществе, строительство которого было затеяно, необходимыми естественно оказались некие иные культурные и моральные стандарты, их довольно быстро сформулировали. Например: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру – без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда <...>. Я здесь остановлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали <...>. В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедовала её буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога <...>. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата <...>. Нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов» [Ленин 1976: 415, 418–420].

Довольно предсказуемым оказалось, что вскоре аксиологические установки, подобные вышеприведенным, стали идеологическим цементом, долженствовавшим духовно связывать социум воедино. Таким образом, была сформули-

рована квазирелигиозная система ценностей, которым был придан сакральный статус и за счет которых обеспечивалась деятельность изначально атеистического государства (см. «Моральный кодекс строителя коммунизма» и проч.); см. об этом, например [Васильев 2015], [Васильев 2016].

Понятно, что и в послесоветское время неизбежно должно было появиться хотя бы какое-то подобие системы идеологических ценностей, принимаемых (выдаваемых?) за сакрализируемую норму. Однако, несмотря на пропаганду мифических «общечеловеческих ценностей» и тупиковые поиски мертворожденной национальной идеи (см. [Васильев 2013: 186–201, 148–152]), эта система так и не была откровенно эксплицирована. Между тем она очевидно существует: «Философия социал-дарвинизма <...> актуальна как никогда. Мало того, она и есть – наша государственная идеология. В качестве идеологии социал-дарвинизм не озвучивается, но, безусловно, подразумевается» [Прилепин 2009: 37]. Лишь очень немногие примеры культурного обеспечения (или продукта?) этой идеологии из телепередач: «В Москве режиссер Роман Козак приступил к репетициям пьесы американского драматурга Ив Энцлер «Монологи вагины» [Намедни. НТВ. 03.03.02]. – «Не пропустите [выставку картин]! Художник вместо красок использует экскременты» [Афиша. СТС-Прима. 02.12.02]. – «Красноярский художник [...] пишет картины своим членом [...]. Он уже получил из Франции грант» [Новости. Афонтово. 18.01.06]. – «Если вы не консервативны и не пуритане, приходите, увидите всё сами... Эта постановка «Чайки» пронизана эротикой» [Новости. Афонтово. 18.01.08]. – «Порнозвезда Натали считает себя счастливой женщиной, у которой есть любимая работа» [Детские истории. RenTV. 07.02.07] – «Шествие в центре Москвы фриков [англ. a freak – уродец] – свободные художники, артисты, просто безумцы... [Организатор:] «Что делать с десятками полусумасшедших?.. Вот в Нью-Йорке! [Корреспон-

дент:] Ощутить себя полностью свободными русские люди пока не могут» [24. RenTV. 25.08.08] и т.д., и т.п., и мн. др. Всё это, и прочее в том же духе, навязывается не в меру простодушной аудитории как некая норма – а она ведь д о л ж н а б ы т ь сакрализована по определению.

Получается, что «и в дерьме можно жить [см., например, «Черепашки-ниндзя» – про персонажей, обитающих в канализации] – ничего страшного не происходит. Мы должны только отказаться от веками сложившегося в нашей культуре чувства безобразного <...>. Нагнетается всеми способами «эстетика безобразного» <...>. Идеологи реформы ставят <...> задачу – приучить к безобразному как к норме» [Кара-Мурза 2002: 556]. Действительно, «в России произошла странная трансформация самого понятия «нормальное», «норма» [Прилепин 2008: 197].

Современный исследователь, полагающий, что российское общество **уже** вступило в фазу политкорректности (как и западные «цивилизованные» страны, сомнительный опыт которых навязывается, в дополнение к прочим тягостным «инновационным трендам», нашему отечеству), предупреждает: «В рамках общества меньшинств именно эти [политкорректные] ценности стали обретать статус абсолютной идеологической нормы, оказываясь при этом противопоставленными <...> ценностям «большинства» [Ионин 2012: 107].

Достаточно вспомнить лишь о том, насколько активно, приблизительно с начала «перестройки», началась широкая пропаганда – якобы высочайшего достижения в области изобразительного искусства – произведения Малевича «Черный квадрат», являвшегося в действительности не чем иным, как образчиком шарлатанского абсурда. Тем не менее, с подачи некоторых искусствоведов (?), будто бы прозревших великую истину, всему остальному обществу через каналы СМИ стала буквально навязываться максимально положительная оценка этого псевдоше-

девра. Несогласные же с такой позицией рисковали быть обвиненными в рутинерстве, консерватизме и даже (!) в приверженности к соцреализму (в общем, см. сказку Г.-Х. Андерсена «Новое платье короля»).

Примерно таковы были вновь внедряемые нормы и характер их инфильтрации чуть ли не во все области жизнедеятельности социума (ср. пропаганду т.н. рыночных реформ и огромного комплекса связанных с ними деструктивных явлений).

Необходимо учитывать, что признание «нормативности языкового явления или факта основывается на наличии по крайней мере трех признаков: на соответствии данного явления структуре языка; на факте массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации; на общественном одобрении и признании соответствующего явления нормативным. Наиболее эксплицитной и «объективированной» формой такого одобрения является кодификация» [Семенюк 1990: 338].

Рассуждения же некоторых отечественных лингвистов о якобы самоуправляемости некоей «языковой моды», о полной непредсказуемости «языкового вкуса эпохи», конечно, в большинстве своем имеют мало общего с реальностью. Многие факты речевой коммуникации легко объяснимы не какими-то мифическими случайными поветриями, но усилиями творцов публичного дискурса (политиков, политтехнологов, идеологов и проч.), транслируемыми через СМИ, – и, конечно же, их владельцев-распорядителей, во все не заинтересованных в повышении интеллектуального уровня аудитории. «Задача новояза – сузить горизонты мысли <...>. С каждым годом всё меньше и меньше слов, всё уже и уже границы мысли <...>. Мышления в нашем современном значении вообще не будет» [Оруэлл 1989: 52]. По-видимому, приблизительно это происходит в современной России (см., например [Васильев 2014: 138–179]).

Лингвисты определяют норму различно. Например: «*норма* – принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих совокупность употребления языковых средств в речи индивида» [Ахманова 1966: 270]; «*норма языковая* – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [Семенюк 1990: 337].

Обобщенное определение нормы предлагает энциклопедический словарь: «*норма* – законченное установление, строй чего-нибудь» [СЭС 1983: 898].

В толковом словаре «*норма* – законченное установление // обычный общепринятый порядок, состояние чего-н. // образец, правило» [МАС₂, 2 1982: 508].

Таким образом, норма применительно к речевому употреблению элементов языка выступает как некая ценностная категория высшего порядка, обладая в аксиологической шкале сакральным статусом.

Вопросы для самоподготовки

1. Почему категория нормы присуща самым различным сферам человеческой деятельности?
2. Сформулируйте, в дополнение к имеющимся, собственное определение понятия «норма».
3. Как соотносятся понятия «норма» и «мода»?
4. Какими могут быть обоснования иерархии участков аксиологической шкалы?
5. Почему малоубедительны суждения о стихийности «языкового вкуса эпохи»?
6. Чем объясняются современные представления о норме в области культуры?
7. Какие определения языковой нормы можно предложить, кроме уже известных?

ОБЩЕКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПИСЬМЕННОСТИ

Ореол сакральности от ранних исторических эпох окружал графические элементы, служившие для обозначения реалий и отношений между ними, а также для трансляции каких-либо сведений, с течением времени становившихся тематически и жанрово всё более разнообразными. Собственно, уже само изобретение письменности позволило человеку в значительной степени преодолеть противодействие таких фундаментальных категорий, как пространство и время, – по крайней мере, относительно передачи актуальной информации на значительные расстояния и консервации её, адресованной грядущим поколениям, ставшим теперь способными учитывать в своей деятельности накопленный ранее опыт далеких предков. Поэтому и трудно переоценить значение письменности в формировании культуры, возникновении и развитии цивилизаций.

Совершенно естественно, что сакральная аура, изначально осеивавшая многие древние виды письменности, по-своему логично объяснялась их происхождением, ставшим возможным якобы исключительно благодаря воле богов. Так, «древнеегипетский Тот и вавилонский Набу были богами-писцами, покровителями писцов и в известной степени властителями человеческих судеб, которые записывались «палочкой рока» [Топоров 1988: 315]. Кстати: полагают, что «слово «писец» в египетском языке означало не только профессионального писаря или переводчика, но и вообще имело значение «грамотный» или образованный человек <...>» [Коростовцев 1978: 16].

Кроме того, божественное происхождение письмен признаётся и утверждается также рядом других распространённых религий. Например, согласно исламу, «аллах создал буквы и сообщил их Адаму <...>. В древнеиндийской традиции <...> существует особое божество <...> Сарасвати; которое <...> изобрело санскрит и создало буквы алфавита деванагари» [Топоров 1988: 315]. В позднейшей древнегреческой традиции «роль изобретателя письменности была присвоена Гермесу <...>. Древнееврейская традиция настаивает на сакральности письменного текста (торы), более того – на его предвечном бытии <...>. Буква, согласно позднеиудейской традиции, сакральна сама по себе и, более того, бессмертна <...>. В иудейском мистическом трактате «Книга творения» обсуждается вопрос о том, что мир состоит из чисел и букв. В известном смысле, перебрать весь алфавит значит пройти всю вселенную – от алефа до тава (от альфы до омеги)» [Там же].

И в Древней Греции, и в Древнем Риме образование детей начиналось именно с обучения чтению и письму [Винничук 1988: 193, 195, 205].

Впоследствии включение христианством грамматики, риторики и диалектики в состав «тривия» – трёх первых и основных предметов изучения – можно понимать как попытку трансляции духовности не только с целью подготовки кадров для церкви [Петров 1991: 56], но и шире – как стремление распространить духовность, представляемую в координатах религиозного мировоззрения, на гораздо большую часть общества, прежде всего – посредством внедрения грамотности (ср.: «... До эпохи церковного раскола XVIII в. грамотность среди крестьян была очень высока, а в среде старообрядцев даже самого простого общественного состояния, крестьян, и в наши дни церковная грамотность – обычное явление» [Степанов, Проскурин 1993: 112]).

Усвоение грамотности позволительно трактовать и как некую разновидность инициации, перехода из числа «профанов» в группу «посвященных». Издавна известно понимание необходимости первоначального овладения минимумом знаков как обязательного условия для дальнейшего обучения и затем успешного вхождения (введения) в социум. Средневековый христианский мыслитель говорил об этом так: «Знаки, установленные с целью означивания произвольно, становятся понятны не знающим этого установления только благодаря искусству или обучению. Поскольку все знаки, посредством которых надо передавать знания, должны быть известны и учителю, и ученику, первое обучение будет направлено на знание этих знаков; потому, что без него ничего невозможно преподать и в его полноте заключено всё, что только может быть преподано и передано <...>. Человек относится к животному, как грамотный к неграмотному» [Кузанский 1980: 321, 327]. Таким образом, грамотность выступает как некий сакральный рубеж, отделяющий человека от животного, мир людей – от живой, но бездуховной фауны и т.п.

Действительно, письмо по праву причисляется к феноменальным культурным изобретениям человечества. Весьма объективным следует считать разделение народов по признаку наличия или отсутствия письменности на родном языке [Фролов 2011: 8].

Уместно напомнить исторический факт, который сегодня усиленно пытаются предать забвению: уже в первые годы советской власти успешно создавались алфавиты, кристаллизовались и кодифицировались основы грамматики и научной лингводидактики для языков многих народов и народностей СССР, собственной письменности ранее никогда не имевших. Ведь в досоветскую эпоху «население Средней Азии, Крайнего Севера и других отдален-

ных районов было сплошь неграмотным <...>. Языки многих народностей еще нужно было открывать, по словам А.С. Макаренко, как Колумб открыл Америку <...>. Казахи, киргизы, туркмены до революции не имели своей письменности и школ преподавания на родном языке. До 1917 г. на территории десяти современных [1986 г.] союзных республик (Белорусской, Узбекской, Казахской, Азербайджанской, Таджикской, Литовской, Молдавской, Туркменской, Армянской, Киргизской) не было ни одного высшего учебного заведения (по одному высшему учебному заведению было в Грузии и Латвии). <...>. На таких языках, как молдавский, киргизский, туркменский, башкирский, калмыцкий и другие, не издавались книги» [Иванов 1986: 124]. Понятно, что эта культурная отсталость преодолевалась прежде всего подвижническими усилиями таких русских лингвистов и лингводидактиков, как Е.Д. Поливанов и многих других [Королёва 2011].

Полагают, что на обиходно-бытовом уровне грамотность традиционно связывают с умением читать и писать, основанном на знании определенной системы знаков, принятой в данном языковом коллективе. Поэтому «грамотный человек – тот, кто овладел навыками чтения и письма, т. е. усвоил формы и значения знаков <...>, а самая грамотность считается одним из важнейших необходимых условий нормального функционирования человека в обществе» [Кравченко 2008: 268].

Можно добавить, что таким образом тоже может быть выражена исконная сакральная значимость грамотности.

Нередко высказываются и суждения, предлагающие до некоторой степени расширить представления о роли грамотности в процессах жизнедеятельности индивидуума и социума. По мнению генерального директора ЮНЕСКО К. Мацуура, «грамотность – это не просто когнитивная спо-

способность читать, писать или считать, грамотность помогает в приобретении важных образовательных и жизненных навыков, которые, закрепляясь через использование и применение на протяжении всей человеческой жизни, способствуют непрерывному индивидуальному, коллективному и общественному развитию» [Там же].

Собственно, такая формулировка ни в коей мере не противоречит представлению об изначальном и константном статусе грамотности как культурно-цивилизационного феномена.

Однако стоит заметить, что приблизительно с 1970-х годов первоначально на материале употребления (прежде всего в деловой письменности) американского английского было установлено наличие феномена так называемой «функциональной безграмотности» (functional illiteracy). Это явление, получившее широкое распространение, стало обнаруживаться в многочисленных письменных жанрах, при оформлении таких документов, как заявления с просьбой о приеме на работу, должностные инструкции, служебные распоряжения, требования по соблюдению безопасности и проч. Иными словами, формально грамотный носитель языка оказывается не способным без посторонней помощи четко и внятно выразить свои мысли в письменном виде либо адекватно понять чужие тексты. Очевидны в таких случаях негативные последствия хотя бы на уровне межличностных производственных отношений.

Потому, в частности, считают, что степень развития интеллектуальных способностей индивидуума зависит не столько от владения грамотностью как таковой, сколько от способности носителя языка «устанавливать значимые отношения между вербальным знанием, приобретенным в результате образования, и собственным жизненным опытом» [Кравченко 2008: 268].

Впрочем, и при таком подходе грамотность остается существенно важным для человека орудием познания мира и самого себя. Иначе говоря, грамотность как довольно сложный инструмент имманентно требует совершенствования при обращении с собой от пользователя, то есть носителя языка.

Вопросы для самоподготовки

1. Почему письменность изначально была окружена ореолом сакральности?
2. Приведите примеры того, как объясняется происхождение письменности в разных религиях.
3. Почему усвоение навыков чтения и письма может быть приравнено к обрядам инициации?
4. Как создавалась письменность для народов СССР, ранее её не имевших?
5. Почему значение грамотности является столь высоким?
6. Что такое «функциональная безграмотность»?

АЛФАВИТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Высокая сакральная значимость грамотности, предназначавшейся изначально для повышения эффективности ориентации общественного сознания на религиозные ценности, очевидно была непрерывной и повсеместной – вне зависимости от конкретного вероисповедания: «Как во времена христианские переписать книгу считалось делом богоугодным, так и во времена языческие чтение и письмо сопровождалось понятием о колдовстве» [Буслаев 1941: 172]. Отсюда и – в продолжение древнейшей жреческой традиции – глубочайшее уважение к овеянным многими легендами именам создателей алфавитов. Их творцов нередко возводили в ранг святых; таковыми стали Месроп Маштоц, Ульфила, Кирилл и Мефодий и др.

Среди различных дефиниций понятия ‘алфавит’ присутствуют, например, следующие: «*алфавит* – совокупность расположенных в определенном порядке графических знаков, сложившаяся в определенный исторический период и используемая для фиксации и передачи на письме данного языка или языков» [Ахманова 1966: 41]. – «*Алфавит* – это совокупность букв какого-либо фонографического письма, расположенных в исторически установленном порядке» [Кодухов 2012: 145]. – «*Алфавит* – система письменных знаков, передающих звуковой облик слов языка посредством символов, изображающих отдельные звуковые элементы» [Иванов 1990: 29]. Нетрудно заметить, что в последнем из приведенных определений совершенно отсутствует один из ключевых для понимания высокой культурной и культуuroобразующей роли описываемого феномена момент, а именно – указание на исторически закреплён-

ный состав алфавита и устойчивую последовательность расположения входящих в него букв. Благодаря этим важнейшим имманентным свойствам алфавит обладает очевидной способностью к объединению разных поколений этноса, к трансляции культурных ценностей, необходимых для выживания социума (если он, конечно, не оказывается подверженным воздействию губительных радикально-революционных трансформаций).

Фундаментальная непреложность набора букв алфавита и их порядковых мест в нем, собственно, и позволяют характеризовать алфавит как мощную классификационную систему, в которой, «во-первых, каждый элемент (буква) связан с другим; во-вторых, он сопоставлен с неким утверждением, формулой, сакральной ценностью которой он является; в-третьих, он соотнесен с другими смыслами-классификаторами» [Топоров 1988: 315].

Некоторые специалисты считают, что письмо (и алфавитное в частности) можно рассматривать как целостную семиотическую систему, в которой есть «план содержания», «план выражения», и «синтагматика», и «парадигматика»... Мы относим к плану содержания ещё и семантические ассоциации между самими знаками (буквами) и их именами, с одной стороны, и различными явлениями культуры – верованиями, обрядами, мифами и т.п., – с другой. Синтагматика письма – это последовательность знаков в тексте, а парадигматика письма – это соотношение графических знаков в системе и их расположение в системе относительно друг друга (порядок перечня)» [Степанов, Проскурин 1993:30].

Представляется, однако, иногда довольно проблематичным приложить эти небезынтересных теоретических суждений к практике рассмотрения конкретных алфавитов. По данному поводу известно мнение А.С. Пушкина: «Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют ни-

какого смысла. *Аз, буки, веди, глаголь, добро* etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука. У нас Грамматин¹ первый, кажется, вздумал составить апофегмы [греч. *Аporhegma* – изречение] из нашей азбуки. Он пишет: «Первоначальное значение букв, *вероятно*, было следующее: аз бук (или буг!) ведю – т. е. я бога ведаю (!), глаголю: добро есть; живёт на земле кто и как, люди мыслит. Наш Он покой, рцу. Слово (логюц) твержу...» (и прочая, говорит Грамматин; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла. Как это всё натянута!)» [Пушкин 1978, VII:355] (хотя далее приводит гораздо более ему нравившуюся «трагедию, составленную из азбуки французской» [Пушкин 1978, VII:356]).

С другой стороны, вряд ли сто́ит подвергать сомнению то обстоятельство, что письменность (а следовательно, и сами различные графические системы) в начале истории своего существования была окружена ореолом сакральности – по крайней мере, в глазах неграмотных, – который всячески культивировался жрецами разных религий. Кроме того, на протяжении долгого времени грамотность была далеко не одинаково доступной для представителей разных социальных слоёв. В этом отношении, например, крепостной человек Чичикова Петрушка – скорее, исклю-

---

¹ Грамматин Николай Федорович (1786—1827) – филолог. Литературная деятельность Г. началась еще во время пребывания его в московском университетском пансионе переводами и стихотворениями в «Цветнике», «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества». В 1809 году Г. получил степень магистра словесных наук за рассуждение «О древней русской словесности» (Москва, 1809). Был директором костромских училищ. Напечатал: «Досуги» (СПб., 1811, сборник стихотворений); «Суд Любуши» (перев., М., 1823); перевод «Слова о полку Игореве» с подробными историческими и критическими примечаниями (М., 1823); критическое рассуждение о «Слове о полку Игореве» (в «Вестн. Европы», 1822, ч. V). Лучшая сторона последнего труда, над которым Г. работал около 15 л., заключается в том, что он искал разъяснения непонятных слов и выражений исключительно в русском языке и дал очень много весьма удачных объяснений. Некролог – в «Северном архиве» за 1827 год.

чение из общего правила; впрочем, его восприятие текстов было довольно своеобразным: он «имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно всё равно, похождения ли влюблённого героя, просто букварь или молитвенник, – он всё читал с равным вниманием. Ему нравилось не то, о чём читал он, но больше само чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чёрт знает что и значит» [Гоголь 1956:17] (его позднейшая литературная модификация – чеховский дворник Филипп, проповедовавший среди прислуги «просвещение» и застигнутый полицейским на часах в состоянии глубокого сна, в которое он погрузился после прочтения двух страниц книжки «Разведение корнеплодов. Нужна ли нам брюква» [Чехов 1954,2: 63–65]).

Вышецитированные авторы напоминают, что в отношении глаголицы «Н.И. Толстой, В. Кипарский и некоторые другие видные слависты разделяют существующую в славянской филологии гипотезу, согласно которой первая буква этой азбуки, имеющая подобие креста, и является прямо и непосредственно знаком креста, символом Бога» [Степанов, Проскурин 1993:79], а это, конечно, подтверждает предположение о сакральности азбуки вообще как семиотической микросистемы.

Надо сказать также, что и само графическое оформление печатных текстов оказалось в определенный период русской истории объектом противоборства двух разных идеологических систем. Известно, что Петр I явился инициатором и настойчивым проводником в том числе заметных изменений типографского оформления изданий (см. Приложение). Считают, что это нововведение логично стало составной частью одного петровского общего и широкого пла-

на – «образить (ср. *образование* [Васильев 1993: 132–139]), облицевать русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов» [Ключевский 1989, IV: 229]. Понятно, что в осуществлении такого грандиозного замысла попросту не могло оказаться мелочей: ведь реформы должны были быть всеохватывающими, включая и решительную секуляризацию общества. С этой стороны подробности, кажущиеся сегодня маловажными, несомненно обретают значение. «С 1709 г. по его [Петра I] указу книги недуховного содержания стали печатать новым, «гражданским» (т. е. не церковным – А.В.) шрифтом, сближенным по начертанию букв с латинским, как старый славяно-русский церковный шрифт имел сходство с греческим. Первой напечатанной новым шрифтом книгой, понятно [!], вышла *Геометрия, славенски землемерие*; она печаталась с рукописи, испещренной собственноручными поправками Петра, находившего досуг для цензурных и корректурных занятий <...>. На одной печатной азбуке, в которой буквы нового начертания также поправлены самим Петром, он отметил: «Сими литерами печатать исторические и мануфактурные книги». Так и типографский шрифт, подобно покрою платья, становился показателем известного порядка идей и знаний, символом миросозерцания» [Ключевский 1989, IV: 229–230].

Совершенно понятно и то, что радикальные и многоаспектные петровские реформы не могли не породить ожесточенного сопротивления приверженцев прямо противоположных аксиологических установок, то есть так называемой старой (или исконной) веры – традиционного русского православия. Среди них, не просто настороженных, но чрезвычайно напуганных преобразованиями (в том числе и даже в религиозной сфере), укреплялись суеверные толки о скорой гибели древнего благочестия и, соответственно, близком конце света. Решающую роль, по-видимому,

сыграл перенос начала летоисчисления с библейского момента сотворения мира на Рождество Христово. Неудивительно поэтому широкое распространение легенды о царе антихристе, каковым стали считать Петра I [Ключевский 1989, IV: 211–214]. Потому же возникло раскольничье суждение: «Гражданская грамота от антихриста» [Даль 1984, I: 326]. Конечно, такая оценка нововведенного шрифта была по-своему легко объяснима.

Вопросы для самоподготовки

1. Чем объясняется возведение создателей различных алфавитов в ранг святых?
2. Сопоставьте разные определения понятия «алфавит» и попробуйте предложить собственное.
3. Почему алфавит может рассматриваться как своеобразная семиотическая система?
4. Всегда ли грамотность была одинаково доступной для всех слоёв социума?
5. С какой целью Петр I активно занимался разработкой «гражданского» шрифта и почему возникло суждение староверов о его антихристианском характере?

КИРИЛЛИЦА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обратимся к тем чертам кириллицы, которые на протяжении весьма длительного времени обеспечивали и продолжают обеспечивать её буквально зримое преимущество перед иными алфавитами при письменной фиксации русской устной речи.

Известно, что «степень самостоятельности любой буквенно-звуковой системы определяется не столько оригинальностью её графики, сколько степенью соответствия звукового состава алфавита звуковому составу данного языка. А в этом отношении кирилловский алфавит был вполне оригинален» [Истрин 1988: 60–61]. И не только оригинален; ведь возможности латиницы оказались гораздо более скромными, поскольку «в результате <...> механического заимствования алфавита классической латыни различными народами Западной Европы возник разрыв между звуковым <...> составом западноевропейских языков и буквенно-звуковым составом их алфавитов <...>. Это обусловило необходимость широкого применения в западноевропейских системах письма различных надстрочных и подстрочных знаков (например, во французском письме – *è, é, ê*), а также двух-, трёх-, четырёх- и даже семибуквенных сочетаний. Так, например, согласные звуки и аффрикаты, близкие к русским *х, г, ш, щ*, передаются в западноевропейских системах письма (из-за отсутствия особых букв для этих звуков) следующими сочетаниями:

	Х	Ч	Ш	Щ
По-немецки	ch	tsch	sch	schtch
По-французски	kh	tch	ch	stch
По-английски	kh	tch	sh	sch
По-польски	ch	cz	sz	szcz»

[Истрин 1988: 61–62].

Напротив, в результате «тщательного учёта фонетического состава старославянского языка кирилловский алфавит имел все буквы, необходимые для правильной передачи этого языка. Пригоден был кирилловский алфавит и для точной передачи русского языка, хотя в IX–X вв. русский язык уже несколько отличался в фонетическом отношении от старославянского <...>. За тысячу с лишним лет <...> понадобилось ввести лишь две новые (по звуковому значению) буквы: «й» (при реформе 1735 г.) и «ё» (в современной её форме впервые в 1797 г.); не нужны и почти не применяются в русском языке многобуквенные сочетания и надстрочные значки. Именно это и определяет оригинальность кирилловского алфавита <...> как одной из наиболее самостоятельных, творчески и по-новому построенных буквенно-звуковых систем» [Истрин 1988: 62].

Если обратиться всё же, пусть и очень кратко, к историко-культурному аспекту подвига Кирилла и Мефодия, то при оценке их просветительской деятельности «следует иметь в виду, что они не были миссионерами в общепринятом смысле слова: они не занимались христианизацией населения как таковой (хотя и способствовали ей) <...>. Кирилл и Мефодий, составив азбуку, осуществляя переводы с греческого, обучая грамоте и приобщая местное население к богатой по содержанию и формам христианской и энциклопедической литературе, были именно учителями славянских народов» [Жуковская 1988: 6].

Среди основных причин, побудивших господствующие классы славянских стран к принятию христианства, называют также то, что на новой ступени социального развития возникла настоятельная необходимость замены прежних языческих культов более адекватной существовавшим условиям и перспективам их развития религией, способной стать действенным инструментом для зарождения власти феодалов и обеспечения повиновения социальных ни-

зов. «Принятие христианства было своего рода завершающим актом в создании идеологической надстройки феодального общества у славян» [Флоря 1981: 5].

Кроме того, «принятие христианства укрепляло международное положение ранее языческой страны, позволяло её правящей верхушке на равных правах войти в круг феодальной знати соседних «христианских государств Европы...» [Там же].

К итогам трудов Кирилла и Мефодия можно отнести и упрочение и развитие славянской государственности, что обеспечивалось в том числе возникновением официально-деловой корреспонденции и зарождением системы образования, и удовлетворение нужд новой по тем временам оригинальной культуры, и успешное противостояние западноевропейской (прежде всего – немецкой) псевдорелигиозной экспансии, имевшей своей целью (под флагом католического миссионерства) в первую очередь порабощение славянских земель, а потому в основном выступавшей в форме военной агрессии.

«Константин составил специальный славянский алфавит. Этот алфавит, по единодушному мнению нашей и европейской науки, представляет собой непревзойденный образец в истории новых европейских алфавитов и является результатом необычайно тонкого понимания составителем фонетической системы того языка, для которого он был составлен. Он далеко оставляет за собой добропорядочный готский алфавит, составленный епископом Вулфилой, и не идет ни в какое сравнение с латинообразными европейскими алфавитами, в которых латинские буквы неуклюже приспособлялись для передачи звуков различных европейских языков» [Якубинский 1953: 83].

Следует, однако, отметить, что в различные периоды российской истории неоднократно провозглашались предложения о замене кириллицы латиницей. Так, в 1862 году в Санкт-Петербурге состоялся ряд совещаний по вопросам

орфографии, на одном из которых «некто Кадинский <...> предложил воспроизводить звуки русского языка при помощи не русских, а латинских букв» [Евнин 1957: 739]. В 1917 году вопрос о латинизации русского алфавита вновь обсуждался [Григорьева 2004: 124].

К проблеме «престижности» латинского алфавита, во многом искусственно гипертрофируемой, неоднократно обращались и специалисты.

Так, член-корреспондент РАН С. Арутюнов (специалист по языкам Юго-Восточной Азии) в 2001 г. заявлял: «Я полагаю, что глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном счёте приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдёт и русская письменность <...>. Я считаю: всеобщий переход на латиницу – неременное цивилизационное требование общемировых процессов глобализации <...>. И если Россия хочет идти в ногу с прогрессивным миром, хочет быть частью Европы, Россия должна полностью перейти на латинский алфавит, и рано или поздно она к этому придёт» (цит. по: [Трубачёв 2004: 212–213]).

Однако данная точка зрения не является единственно возможной, а главное – она аргументируется совершенно не лингвистическими, но, скорее, сугубо псевдополитическими соображениями. По словам выдающегося отечественного слависта академика РАН О.Н. Трубачёва, «коллеге Арутюнову уже заявлялось, что он начал не с того конца. Будучи армянином, он почему-то не начал с пожелания транскрибировать своё древнее армянское письмо на ту же самую латиницу <...>. И насчет древнего грузинского алфавита тоже молчок – в смысле его транслитерирования на латиницу» [Трубачёв 2004: 213]. Далее говорится о том, что следовало бы «знать о несовершенствах именно латиницы при передаче фонетического строя <...> далеких, иноструктурных языков [китайского и японского – А.В.]. ...Передача японского письма средствами нашей русской кириллицы-гражданки гораз-

до точнее <...>. В японском языке и, соответственно, письме есть фундаментальное фонологическое различие между «т» и «ть» – «т» твёрдым и «т» мягким. Оно совершенно доступно средствам кириллицы и вовсе недоступно, скажем, той же английской латинице. Не управляется последняя и с японскими фонемами «с» и «сь» <...>. Конечно, существует <...> учёная латинская транскрипция, но она в немалой степени основана на чешской гусовской¹ графике, где есть диакритики, или «гачеки», то есть дополнительные надстрочные знаки, придающие новые фонетические смыслы тем или иным буквам старой латыни. Но ведь диакритики совершенно несъедобны ни при какой компьютеризации, неприемлемы ни для какого интернета <...>. Остаётся старая малознаковая латиница, которая слишком убога, чтобы передавать реальное множество буквенных знаков современных языков. Латиница не выдерживает здесь соперничества с кириллицей <...>. Все западные, в том числе и западнославянские языки, с давних времен перешедшие на латинскую графику, вынуждены развивать свои варианты латиницы, – то с диакритикой, то путём комбинирования разных букв, как в английском, немецком или польском... Нет единой, всех равно устраивающей латиницы, а есть великое множество её национальных вариантов» [Трубачёв 2004: 214–216].

Между тем и специалистам, и широкой публике следовало бы помнить о том, что ч. 6 ст. 3 гл. 1 Федерального закона о языках народов Российской Федерации гласит: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами». Другими словами, букваль-

---

¹ Гус Ян (1371–1415) – национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации. Вдохновитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви [СЭС 1983: 351].

но в любой момент может быть принят закон, который способен радикально изменить сознание коренного русскоязычного социума, его картину мира и самоидентификацию, отменив кириллический алфавит и избрав в качестве его якобы «более цивилизованной» замены, например, алфавит латинский. Понятно, что при этом (как и во многих других случаях) рациональные возражения не будут приниматься в расчёт, поскольку (опять же – как и во многих случаях) их объявят популистскими (читай – заведомо вредными).

Особого внимания несомненно заслуживает очевидная экспансия латинского алфавита в современной России. Но пока что совершенно не прояснен вопрос о возможных изменениях индивидуального и общественного сознания носителей русского языка под влиянием почти равноправного сосуществования кириллицы и латиницы, причём некая «престижность» последней хотя и не прямо, но постоянно подчёркивается (например, в лавинообразно распространяющихся сегодня рекламных текстах). Многие примеры такого псевдотворчества см. в [Григорьева 2004: 238–240], а также в следующем разделе.

Вопросы для самоподготовки

1. В чём усматривают достоинства кириллицы?
2. Каковы культурно-исторические заслуги Кирилла и Мефодия?
3. Почему латиница малоприемлема для письменной фиксации фонетических систем славянских языков?
4. Попробуйте записать латиницей следующие слова: *борщ, ёжик, жёлудь, жук, чай, чемодан, шитьё, шляпа, щит, щука.*
5. Почему неоднократно выдвигались предложения о замене кириллицы на латиницу?
6. К каким последствиям может привести замена кириллицы латиницей?

ЭКСПАНСИЯ ЛАТИНИЦЫ В ОФОРМЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ ВЫВЕСОК

Сегодняшнее массивованное вторжение латинских элементов в кириллические тексты, будучи рассмотренным с чисто семиотической точки зрения, может быть представлено как замена «своего» на «чужое» (пусть пока еще и не в полном объеме), иначе говоря – как замещение «сакрального» «профанным» и, собственно, как сакрализация профанного. То есть латинские элементы выступают в подобных случаях в качестве символов другой культуры, если даже и не более высокой по отношению к исконной, то наверняка более «престижной», а следовательно – и более притягательной для усвоения и освоения.

Предварительно целесообразно отметить, что стереотип привлекательности феноменов «чужого», разного рода экзотических явлений широкого спектра (от фасона одежды и манеры поведения в быту – до брачных союзов с иностранцами), конечно же, возник вовсе не сегодня и даже, скажем, характерен не только для нашего отечества. Ср., например, что «галломания не была прерогативой русского дворянства» [Биржакова 1981:104], но захлестнула уже с начала XVII века высшие страты ряда европейских стран, в особенности, несомненно, их молодое поколение [Там же]; или сегодняшнюю американизацию многих национальных культур (ношение бейсболок – и даже в помещениях, употребление кока-колы, увлечение голливудской кинопродукцией и мн. др.). Конечно, этому немало способствуют технические возможности средств массовой информации, но и в прошлом модные поветрия экзотичности легко преодолевали государственные границы, властные запреты и комплексы устоявшихся традиций.

Однако в отечественной истории иностранное влияние на развитие государства и на целый комплекс культурно-цивилизационных процессов занимает, по-видимому, совершенно особое место.

Здесь можно вспомнить и об обстоятельствах христианизации Руси, и о петровских реформах... Несколько позднее превратно понятая российской дворянской верхушкой, но активно воспринятая ею философия французских просветителей XVIII в. (её «популярную силу составляли не столько планы построения нового порядка, сколько критика существующего, приправленная насмешкой» [Ключевский 1990, IX: 33]) на нашей почве принесла плоды национального негативизма и нигилизма: «Люди считали несчастьем быть русским и, подобно Иванушке Фонвизина (комедия “Бригадир”), утешались только мыслью, что хотя тела их родились в России, но души принадлежали короне французской» [Ключевский 1990, IX: 37–38]). Эти-то мироощущения и самооценку они так или иначе – доступными им средствами – распространяли в обществе, точнее, в российских социальных верхах, от которых уничижительный автостереотип различными путями перекачивал и в низшие страты.

Потребительские предпочтения доминирующих словес были ориентированы исключительно на импортную продукцию: «Всё, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный... Всё, что в Париже вкус голодный, Полезный промысел избрав, изобретает для забав, Для роскоши, для неги модной...» [Пушкин 1978, V: 16]. Такая ситуация способствовала, в частности, робким попыткам отечественного производителя противостоять потоку зарубежных товаров любыми доступными способами, прибегая, в том числе, и к своеобразной мимикрии – «трогательному смирению, с которым наши русские мастеровые придают иностранные ярлыки домашней своей работе... Где-то, кажется на Арбате, была следующая вывеска: «Гремислав, порт-

ной из Парижа» [Вяземский 1982, 2: 143], или: «Попадались почти смытые дождем вывески... кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров» [Гоголь 1956: 9].

Антипатриотизм нашел свое крайнее беллетристически оформленное выражение в позиции лакея Смердякова, который «всю Россию ненавидит» и считает, что «хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе» [Достоевский 1958,9: 282].

Свою лепту в подобное просвещение широких масс внесли затем чеховские интеллигенты («начиная с предводителя и кончая подслеповатым пасынком надзирателя Воночкина» [Чехов 1955, 4: 155]); ср. разговор их obsługi: «[Дуняша:] Всё-таки какое счастье побывать за границей. [Яша:] Да, конечно. Не могу с вами не согласиться. [Епиходов:] Понятное дело. За границей всё давно уж в полной комплектции» [Чехов 1955, 4: 574]).

Казалось бы, утвердившийся затем советский интернационализм, да еще на первых порах с устремленностью к «мировой революции», должен был бы нивелировать подобные гетерофильские настроения. Но... они не утратили своего константного характера. Этого не могли не заметить многие авторы того времени. Среди них, в частности, внимательнейший бытописатель М.М. Зощенко. В его произведениях такие наблюдения неоднократны.

Например: «Любит русский человек побранить собственное отечество. И то ему, видите ли, в России плохо, и это не нравится. А вот, дескать, в Европе всё здорово. А что здорово – он и сам не знает» [Зощенко 1986, 1: 152]. – «Ах, до чего все-таки американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы «Жиллет», вращение Земли во-

круг своей оси – всё это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами» [Зощенко 1986, 1: 203]. – «...А когда уезжал тот немец [«настоящий германец из Берлина»], то много чего оставил хозяевам. Цельный ворох заграничного добра. Разные пузырьки, воротнички, коробочки. Кроме того, почти две пары кальсон. И свитер почти не рваный <...>. [Гусев] после две недели ходил с кальсонами в руках. Всем показывал, невозможно как гордился и хвалил немецкое качество» [Зощенко 1986, 1: 365–366]. – «Вот, говорят, в Европе часы очень уж дешевы. Там их прямо чуть не задаром отдают. Если на наши деньги перевести, то часы сорок восемь копеек стоят <...>. А у нас за сорок восемь копеек секундную стрелку и то навряд ли купишь» [Зощенко 1986, 1: 388] и т.д. и т.п.

Те же тенденции продолжились и позднее: «...Он [голландец] рассказал [советским таможенникам], что деньги на покупку большинства вещей <...> приобрел, выгодно распродав каким-то молодым людям около гостиницы все, даже самые поношенные вещи из своих чемоданов и, что можно, сняв с себя» [Адамов 1992: 38]¹.

Кроме столь стабильного спроса на импортные потребительские товары, следует учитывать и роль западных стереотипных представлений о России и русских, доминирующих на протяжении весьма длительного времени, – представлений, чрезвычайно негативных. Более того: славистка Э. Эндерляйн в 1996 г., «изучив соответствующую русскую литературу, посвященную вопросам немецко-русского культурного контраста, с удивлением отмечает самокритичный, приниженный автостереотип русских. Она объясняет это тем, что русские запечатлели в себе традиционный образ русских у немцев, т.е. в русском автостереотипе отразился в определенной степени немецкий стереотип о русских» [Рёш 1998: 492]. Круг замкнулся...

---

¹ Роман публиковался впервые во второй половине 1950-х гг., когда существовали т.н. «стиляги».

Можно вспомнить также и о всепланетарном, включая, конечно, и Россию, агрессивном распространении английского языка в его американском варианте [Васильев 2003: 103–134]; для нас же здесь одним из главных обстоятельств контрастного характера является проникновение элементов чужого алфавита в исконно кириллические русские тексты, в том числе – публичные, но при этом минимального объема, то есть рекламные лозунги, вывески с названиями предприятий и заведений и т.п.

Приведем здесь лишь некоторые примеры реальной практики названия объектов частной собственности в г. Красноярске (фактологический материал любезно предоставлен В.А. Карлиной).

С лингвистических позиций они могут быть дифференцированы по крайней мере на 5 групп:

1. Русские слова, полностью транслитерированные латинским алфавитом²: «VERANDA» (кафе), «MOLOKO» (бар), «OBLAKA» (ночной клуб), «Farfor» (ресторан доставки суши), «RiS» (служба доставки суши), «Olivka» (ресторан доставки пиццы), «WkusnO» (кафе быстрого питания).

2. Иноязычные слова, переданные с помощью кириллицы: «Милки Микс» (чайно-молочный бар), «Кебаб-Хауз» (кафе быстрого питания), «Сити Фуд» (столовая), «Рэд Чили» (кафе), «Бэнди» (бар), «Аква-лайф» (гостиничный комплекс).

3. Сочетания русских и иноязычных слов, в том числе и служебных: «Океан Grill» (ресторан), «The Градус» (дисконт-бар), «Братья Grill» (гриль-бар), «Саяны Royal» (ресто-клуб), «Суши SELL» (служба доставки суши), «Махі Пицца» (служба доставки пиццы), «Sky Центр» (гостиничный комплекс), «Абрикос City» (гостиница), «Disk сервис» (автомобильная мастерская), «IL Патио» (ресторан).

---

² В данном случае не рассматривается вопрос, обсуждаемый лингвистами уже в течение длительного времени, а именно о четкой и бесспорной квалификации слов с учетом их этимологии: исконно русское, освоенное иноязычное, варваризм, экзотизм и проч.

4. Слияние русских и иноязычных слов: «Повар'ОК» (столовая), «Ролл & FILS» (суши-бар), «Play-Пой» (караоке-клуб).

5. Вкрапления элементов латиницы в русские слова: «Скрипка» (гастрономический театр), «ШашлыкоFF» (гриль-бар), «BeerЛога» (магазин разливного пива), «Пауза» (кафе), «Зажигалка» (ночной клуб), «АвтоR» (автокомплекс), «Светофор» (автосервис).

Нетрудно заметить, что в ряде случаев очевидно предпринимались попытки смыслового наполнения новообразованных графических мутантов. Так, «ШашлыкоFF» перекликается с типичной русской моделью фамилии (ср. «Шашлыков»), а удвоенное f – принятый в иноязычной письменной практике способ транслитерации русской фамилии; «Братья Grill», по всей вероятности, призвано вызывать ассоциации (ср. «братья Гримм»); «BeerЛога», где англ. «a beer» – «пиво», может быть воспринято как русское «берлога»; «Повар'ОК» – вроде русского «повар» с уменьшительным суффиксом -ок; «Play-Пой» явно напоминает «плэйбой»; «АВТОR» – ср. «автор» и т.п.

Можно предположить, что создатели вышеперечисленных и аналогичных им по конструкции именовании (а ведь по всей России их сегодня многие сотни, если не тысячи) преследовали какие-то цели, о которых, конечно, позволено судить лишь гипотетически.

Допустимо высказать некоторые версии.

1. Несомненно, главная интенция здесь – любыми способами, в том числе с помощью необычного названия, увеличить количество потенциальных клиентов, а следовательно, и рентабельность предприятия. Однако, по мере широкого распространения таких графических приемов, они становятся обыденными, привычными (то есть происходит приблизительно то же, что случается с активно используемыми коннотативно нагруженными словами – их экс-

прессивность постепенно утрачивается, или с жаргонными лексико-фразеологическими единицами, входящими вследствие социальных катаклизмов во всеобщий речевой оборот и становящимися стилистически нейтральными). А значит, манипулятивный эффект воздействия на возможного потребителя товаров либо услуг существенно снижается.

2. Наличие элементов латинского алфавита призвано подчеркнуть незаурядность и оригинальность самого предприятия. Впрочем, как уже было сказано выше, таких именований становится всё больше. Следовательно, претензии на уникальность оказываются несостоятельными.

3. Наверное, наиболее оправданно предположение о попытках вызвать у клиентуры хотя бы смутные ассоциации о некоей связи с миром исконных владельцев латиницы, иначе говоря – творцов якобы заведомо более высокой культуры и создателей как будто бесспорно совершенной цивилизации (о российском перестроечно-реформаторском пропагандистском штампе *цивилизованное государство* см., например, [Васильев 2013: 210, 225 и др.]). Отсюда же – зачастую излишне преувеличенные представления о качестве производимых там товаров и оказываемых услуг. Если же принять во внимание многолетнюю традицию самоуничижения русских, то становится понятно, потенции каких мыслительных процессов в сознании российских потребителей пытаются реализовать отечественные предприниматели.

Нельзя, собственно, совсем исключать из поля зрения то, что они и сами находятся во власти тех же стереотипов.

4. Наконец, с учетом вероятного среднего культурно-образовательного уровня российских предпринимателей возможно дополнительное объяснение. Напомним суждение, хронологически далеко не сегодняшнее и относящееся к представителям совсем иного социума давно минувшей эпохи: «Полуграмотный класс любит без <...> надобности щеголять» [Грот 1873]. Понятно, что в глазах рече-

деятеля, слабо владеющего иностранным языком или вообще его не знающего (помнится, некоторые советские малоуспешные школьники фиксировали иноязычные тексты для устного изложения с помощью кириллицы), латинские литеры окружены чем-то вроде священной ауры: непонятное не только пугает, но и своеобразно привлекает непрофанированного (профана). Отсюда прогнозируется предполагаемый эффект воздействия на поведение желанного потребителя, предположительно столь же сведущего в области иностранных языков.

* * *

Присутствие элементов латиницы в кириллических по определению текстах любого объема, и при этом не беллетристических, но повседневно предназначенных для весьма широкой аудитории, можно было бы рассматривать в аспекте невинной языковой игры. Однако с точки зрения семиотической оппозиции «свой»/«чужой» («хороший»/«плохой», «сакральный»/«профанный» и проч.) подобные графические упражнения выглядят совсем иначе.

С одной стороны, это переход гетерогенной литеры через некий рубеж (из «чужого» – в «свое»), что, как правило, обуславливает некоторую трансформацию исконной языковой картины мира путем введения в нее экзотических минифрагментов, диалектически обретающих всё более значимую функционально-смысловую нагруженность. А ведь «глубочайшей сущностью этнических (будь то этнопсихических, этнокультурных или этнолингвистических) противопоставлений является сама граница <...>. Пересечение всякой грани, разделяющей людей <...>, сознаётся как акт сакральный» [Поршнев 1973: 12].

Существующая ситуация в области именований рассматриваемого типа позволяет говорить как о некоем подобии этнокультурной интервенции (хотя проводниками её являются носители автохтонного, «своего» языка), так и о не-

котором нарушении извечного соотношения универсальной оппозиции «свой»/«чужой».

С другой стороны, замещение исконных графических элементов чужеродными, вытеснение первых вторыми, причем всё более интенсивное, заставляет серьезно задуматься над проблемами социализации, когда «чужое» становится «своим» – и наоборот.

Происходящее в области российских наименований фигурально можно уподобить явлениям, сопряженным с бурным потоком афро-азиатских мигрантов в Западную Европу, которая исторически быстро наверняка и окончательно утратит свой привычный облик и статус.

Если вспомнить о различных модификациях компонентов фундаментальной семиотической оппозиции («свой»/«чужой», «хороший»/«плохой», «сакральный»/«профанный»), то в данном случае допустимо говорить о сакрализации профанного.

Вопросы для самоподготовки

1. В чём заключается семиотический аспект вторжения элементов латиницы в русскоязычные тексты?
2. Как возник уничижительный автостереотип русских?
3. Каков современный уровень распространения английского языка в мире и в частности – в России?
4. Каковы структурные разновидности соединения кириллицы и латиницы? Приведите свои примеры.
5. В чём состоят наиболее вероятные причины контаминации кириллицы и латиницы в названиях предприятий?

РЕФОРМЫ И НОВОВВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Неоднократно высказывались предложения об усовершенствовании русского правописания за счет изъятия из алфавита некоторых букв, отказа от употребления в конце слова **ь** и т.п. (подробное описание таких проектов и дискуссий по этому поводу см. [Григорьева 2004]).

Остановимся здесь прежде всего на одной из наиболее известных, в своё время осуществленной реформе, а именно – реформе русского правописания 1917 г.

Надо в первую очередь заметить, что она не была всецело изобретением злокозненной советской власти. Мысль о необходимости упрощения правописания высказывалась уже в XVIII в.; Орфографическая комиссия для подготовки реформы была создана в 1862 г.; вопрос о реформе «единогласно был решен в утвердительном смысле» Орфографической комиссией в 1904 г. – под председательством Августейшего президента Императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича (и тогда же были предложены основные пункты упрощения русского правописания), а практическое введение изменений началось почти за полгода до событий Октября в соответствии с циркулярами Министерства народного просвещения Временного правительства от 17 мая и 22 июня 1917 г. Как свидетельствуют многочисленные документы, советский декрет от 23 декабря 1917 г. предписывал, в отличие от этих циркуляров, не постепенный, эволюционный, а немедленный, революционный переход к новому письму (см. [Григорьева 2004: 124 и далее], а также Приложение).

По-видимому, следует пытаться по возможности адекватно оценить причины такой поспешности советской власти.

Во-первых, наверное, это стремление как можно скорее манифестировать абсолютное торжество воцарившегося нового государственного устройства, проявлявшегося буквально во всём; продемонстрировать совершенный разрыв с прошлым («отречемся от старого мира» и т.д.).

Во-вторых, желание сделать процесс освоения грамотности широкими массами (как правило, весьма недостаточно для этого подготовленными) по возможности более простым и малообременительным.

В-третьих, в скором времени в соответствии с декретом Совнаркома 1919 г. и последовавшим за ним созданием комиссий при Наркомпросе и на местах активно развернулась кампания по ликвидации неграмотности («ликбез»), в свою очередь преследовавшая как минимум две стратегические цели. Одной из них было достижение максимальной доступности официальной пропаганды, а значит, широчайший охват ею аудитории и повышение возможностей манипулятивного воздействия власти на общественное сознание (см. о необходимости ликвидации неграмотности для регулярного обучения так называемой политграмоте [Романенко 2003: 158] – то есть для довольно примитивной, но при этом весьма интенсивной агитации; ср. эпизод «культурной революции», может быть, и несколько шаржированный – проведение занятий активистом¹ с колхозницами: «Какие слова начинаются на «а»? <...> – «Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист! Твердый знак везде нужен, а архилевому не надо!» <...>. «Зачем они твердый знак пишут?» – сказал Воцев. Активист оглянулся. «Потому что из слов обозначаются линии и лозунги и твердый знак нам

---

¹ Активист (полит., нов.) – лицо, принадлежащее к активу.

Актив (от латин. *actīvus* – действительный, деятельный) (полит, нов.) – наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или другой общественной организации. Партийный актив. Профсоюзный актив. Беспартийный актив (передовые рабочие и колхозники, привлекаемые партией к борьбе за проведение политики партии и к активному участию в социалистическом строительстве) [Ушаков 2008].

полезней мягкого. Это мягкий нужно отменить, а твердый нам неизбежен: он делает жесткость и четкость формулировок <...>. Пишите далее понятия на «б». Говори, Макаровна!» <...> – «Большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, браво-браво-ленинцы! Твердые знаки ставить на бугре и большевике и ещё на конце колхоза, а там везде мягкие места!» – «Бюрократизм забыла», – определил активист» [Платонов 1988: 148]).

Кроме того, ликбез был направлен и на повышение общекультурного и технического уровня большинства населения: «... В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя <...>. ... Скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя <...>. Задача Союза [комсомола] состоит ещё в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности» [Ленин 1976: 423–424].

Конечно, эта кампания проходила не без издержек и бюрократических изощрений; см. об этом, например, едкие рассказы и фельетоны М.М. Зощенко (речедейателя гораздо более высокого образовательного уровня, нежели основная масса носителей русского языка того времени) 1920-х гг.: «Ошибочка», «Туман», «Стихийное бедствие», «О пользе грамотности» (соответственно [Зощенко 1986,1: 276–277; 291–292; 480–481; 504–505]).

Тем не менее, согласно советскому справочному изданию, если в дореволюционной России грамотным по переписи 1897 г. было лишь 28,4% населения в возрасте от 9 до 49 лет, то в СССР грамотные составляли в 1926 г. – 56,6%, в 1939 г. – 87,4%, в 1970 г. – 99,7%, в 1979 г. – 99,8% [Советский энциклопедический словарь 1983: 709]. А такой феномен следует с исторической точки зрения оценивать как беспрецедентный.

Надо сказать, что, как и многие другие революционные нововведения, директивное утверждение орфографической

реформы стало легкой мишенью для нападков со стороны так называемых реакционных кругов широкого спектра, рассматривавших это событие прежде всего не с точки зрения нормативизации письменной речи, а в качестве явления сугубо политического характера, направленного на ниспровержение всех предшествующих русских культурных достижений.

Такова позиция, которой последовательно придерживался И.А. Бунин. См., например: «В “Известиях”, – ох, какое проклятое правописание!..» [Бунин 1990а: 103]. – «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [Бунин 1990а: 117]. – «Я в одной из своих статей сказал, что не могу принять эту [«советскую»] орфографию уже хотя бы потому, что по ней написано всё самое злое, низкое и лживое, что только было написано на земле», и в совершенно естественной горячности обозвал её «заборной, объявленной невеждой и хамом» <...>. Но как же она не заборная, когда именно забор и в точном и в переносном смысле этого слова так долго служил ей? <...> Но как же она могла явиться «результатом» [учёных работ], когда работы эти *не были закончены* к началу революции? <...> Она была объявлена не большевиками, а Мануйловым² <...>. Всегда очень сожалел и продолжаю сожалеть, что Мануйлов так поспешил в своем революционном усердии на счет вопроса, который был ещё далеко не решен и остается спорным и донныне (даже и для больших ученых в этой области), но дело-то, повторяю, совсем в другом: в том, что всё-таки именно «невежда и хам» большевик приказал под страхом смертной казни употреблять только эту орфографию» [Бунин 1990б: 380].

И. А. Бунин, как и многие другие представители русского образованного класса того времени, отчетливо пони-

² Министр народного просвещения во Временном правительстве.

мал, что введение нового правописания – лишь часть обширного комплекса мероприятий т.н. «культурной революции». Сюда относятся и переименования, как бы документировавшие и закреплявшие победу большевиков: «Вместо Немецкой улицы – исторического, давнего названия – улица Баумана! О! И этого простить нельзя!» [Бунин 1990а: 62]. «Художественный театр имени Горького». Да что! Это капля в море. Вся Россия, переименованная в СССР, покорно согласилась на самые наглые и идиотские оскорбления русской исторической жизни: город Великого Петра дали Ленину, древний Нижний Новгород превратился в Горький, древняя столица Тверского Удельного Княжества, Тверь, – в Калинин, в город какого-то ничтожнейшего типографского наборщика Калинина...» [Бунин 1990в: 176].

Ср. пример художественно осмысленного столкновения прежнего и нововведенного именованый одного и того же городского объекта: «Начало драмы возвестил кондуктор [ленинградского трамвая] церковным возгласом: «Бывшая Благовещенская площадь – площадь Труда!». В этом возгласе символически уже раскрывалась основная коллизия: с одной стороны – труд, с другой стороны – явно нетрудовой элемент в виде архангела Гавриила, с неожиданным известием представшего деве Марии» [Замятин 1989: 461].

В общем, « в связи с тем, что деятельность советского правительства в проведении реформы заслонила собой предшествующий, до советских декретов, период, антибольшевизм русского зарубежья стал определяющим в отношении и к реформе, и к дореформенной орфографии» [Григорьева 2004: 139]. Собственно, многими деятелями русского зарубежья дореволюционное правописание фетишизировалось как некий ностальгический символ, как семиотическая микросистема, позволявшая консервировать и тиражировать традиционные духовные и культурные ценности, как последняя зримая манифестация прежнего миропорядка.

Любопытно, между прочим, что реформированная орфография позволяла подчас художнику слова конкретизировать хронотоп беллетристической ситуации. Так, в фантастическом рассказе В. Набокова «Посещение музея» (1939 г.) его герой совершает некое чудесное перемещение из музея французского городка, чтобы – и не по своей воле – оказаться на родине: «... И при свете фонаря, форма которого уже давно мне кричала свою невозможную весть, я разобрал кончик вывески: «... инка сапог»; – но не снегом, не снегом был затерт твердый знак <...>. Увы! Это была не Россия моей памяти, а всамделишная, сегодняшняя, заказанная мне, безнадежно рабская и безнадежно родная» [Набоков 1990, 1: 359].

Возвращаясь к проблеме оценки эффективности революционной орфографической реформы, приведем здесь суждения Л. В. Щербы, содержащиеся в его замечательной статье «Безграмотность и её причины» (1927 г.): «Может показаться странным, что после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым. Между тем нет ничего естественнее, это можно было даже предвидеть.

<...> Реформа не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала её престиж <...>. Для низших слоёв грамотных людей самая грамотность была вообще пределом науки: уметь правильно расставлять «ять» значило быть «ученым человеком» (ср.: «Девушка Подзатылкина <...> в уразумении буквы «Ъ» видит начало и конец всех премудростей» [Чехов 1954, 1: 102–103]). Для высших слоёв грамотных людей требования орфографии оправдывались наукой, и нарушать эти требования значило разрушать науку, значило разрушать родной язык, отрекаясь от его истории» [Щерба 1957: 56–57].

Выдающийся лингвист полагал, что первейшим следствием реформы стал эффект социокультурного, или, может

быть, социопсихологического свойства, а именно – нигилистическое отношение к соблюдению каких бы то ни было орфографических правил, во многом обусловленное негативным отношением ко всему, что было создано русской культурой до 1917 г. А как раз такое отношение всячески насаждалось тогдашней государственной машиной. «Реформа орфографии наглядно, а потому безвозвратно уничтожила все эти иллюзии <...>. Практический вывод, который был сделан отсюда широкими массами, и не только ими, но и учительством, и не только низовым, но и средним, вообще почти всем обществом, был тот, что орфография – вещь неважная, пиши, дескать, как хочешь, не в том сила. <...>. Эта новая оценка орфографии была подкреплена свойственным всем революционным эпохам презрением к «форме» и погоней за «существом» [Щерба 1957: 57].

Стоит отметить, что многие положения о причинах безграмотности, содержащиеся в этой статье, актуальны и по сию пору: отсутствие внутренней дисциплины у многих школьников (и людей постарше, росших в светлую годину перестройки и реформ); «усердие не по разуму», проявляемое администраторами от образования, требующими насаждать «новые методы» [теперь – инновации]; малая начитанность школьников [Щерба 1957: 62–63]. Всё это усугубляется сегодня компьютеризацией, интернетизацией и егэзацией.

Надо сказать, что, несмотря на очевидно негативные результаты орфографической реформы 1917 г. (а ведь, согласно Декрету Наркомпроса о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г., она внедрялась с благими намерениями – «в целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и произвольной траты времени и труда при изучении правил правописания»; цит. по [Григорьева 2004: 293]), попытки еще более упростить русскую орфографию не прекращались. Так, Проект Главнауки 1930 г. преду-

смастривал дальнейшую примитивизацию свода правил (что-то вроде: «... Последовательницы Мадлены Скюдери окончательно засорили язык и даже поставили под удар и самое правописание. В одной из дамских голов созрел замечательный проект: для того чтобы сделать правописание доступным для женщин, которые, как всегда, значительно поотстали от мужчин, дама предложила писать слова так, как они выговариваются» [Булгаков 1990, 4: 302]).

Стремлением к упрощенчеству были в значительной степени проникнуты и Предложения по совершенствованию русской орфографии 1964 г. – проект, который, по мнению позднейшего исследователя, приводил русскую орфографию «к фонологическому знаменателю» [Григорьева 2004: 228] и не был принят. Вместе с тем он был опубликован рядом центральных массовых периодических изданий и получил широчайшее обсуждение не только среди специалистов – это выгодно отличает тогдашний подход власти к орфографической реформе от того, который возымел место исторически совсем недавно.

В течение довольно долгого периода вопросы дальнейшего усовершенствования русской орфографии активно не дискутировались. Однако с наступлением так называемой перестройки в этой сфере стали происходить по-своему весьма симптоматичные явления.

Реанимированы были ранее известные антибольшевистские тезисы по поводу орфографической реформы 1917 г., активно зазвучали призывы о возвращении к дореволюционному русскому правописанию, и «политизированное общественное сознание первых лет перестройки, расценивая реформу 1917 г. как ненужное вмешательство в исторические горизонты языка, считая её результатом действия некой темной социальной силы, овладевшей языком, увидело в современной орфографии, лишенной реформированных букв и грамматических форм, некоторую ущербность» [Григорье-

ва 2004: 236]. Конечно, в большинстве своем выступления, проникнутые антикоммунистическим пафосом, строились на сугубо эмоциональных основаниях и «от противного»: во что бы то ни стало, но вернуться к орфографии в её состоянии до 1917 г. При этом никто из активистов кампании не задавался совершенно естественно (для здравомыслящих) возникавшими вопросами. Например: каковы могут быть масштабы материальных издержек на воплощение этих прекраснодушных замыслов? Откуда возьмутся финансовые средства? Каким может быть вероятный общественный резонанс? Каков возможный социокультурный эффект? Как подобная антиреформа повлияет на культурно-речевую ситуацию?

К числу самых занятых новаций той поры принадлежит изменение традиционного написания названия столицы одной из тогда ещё «братских» республик – Эстонской советской социалистической. Некий орфографически равнодушный читатель, встретив непривычное ему написание топонима – *Таллинн*, то есть с удвоенной *н*, чего раньше не наблюдалось, обратился в наиболее авторитетный печатный орган, газету «Правда», за разъяснениями. Они и были ему даны в номере от 2 апреля 1989 г. в заметке с решительным (если не сказать – агрессивным) заголовком «Только с двумя «н». Первым разъяснителем выступил довольно известный в то время специалист по культуре русской речи, начавший свой комментарий буквально со следующих фраз: «*Таково желание граждан Эстонии. Решением Президиума Верховного Совета Эстонии уже с 1 января 1989 года во всей русскоязычной печати на территории республики введено измененное написание названия Таллинн. Написание с двумя «н» является транслитерацией, то есть побуквенной передачей названия города в эстонском языке <...>. Написание Таллинн соответствует и этимологическому (историческому) принципу*». Здесь же приводилось и мнение специалиста совсем в другой сфере – руководителя Секрета-

риата Верховного Совета СССР: «Раз Президиум Верховного Совета республики принял это решение, то, на мой [!] взгляд, нужно писать название города с двумя «н» <...>. Поэтому [!] сейчас Верховный Совет СССР пишет слово *Таллинн* с двумя «н» [Черешнев 1989:4].

Если рассматривать проведенную непомерно гордыми эстонцами (до Октябрьской революции никогда не имевшими собственной государственности и насчитывавшими, по данным переписи 1979 г., 948 тыс. человек) полиграфическую операцию в её лингвистическом аспекте, то надо сказать, что русисты-профессионалы были все не единодушны и уж совсем не торопились приветствовать это нововведение, скорейшим образом директивно распространенное на *в с е* русскоязычные тексты. Так, журнал «Русский язык в школе» (№3, 1989 г.) устами своего многолетнего главного редактора Н.М. Шанского отмечал: «Орфография топонимов прихотлива и в основном обязана традиции <...>. Написание *Таллинн* является, несомненно, отступлением от существующих правил и противоречит реальному русскому произношению топонима ещё больше, нежели *Таллин* <...>. Нужно ли – и в чем особая необходимость менять традиционное, уже привычное и соответствующее фонетическим законам русского языка написание? Ведь в данном случае речь идет не об эстонском языке, а о русском».

Конечно, последний совершенно разумный довод в атмосфере «перестроечной целесообразности» тогдашними властями предержавшими был проигнорирован.

По существу же внедрение нового написания было продуманной политической провокацией. Известно, что «в информационной войне большинство выпадов делается только для того, чтобы увидеть реакцию противника на те или иные входные данные, осмыслить её и, собрав по крупицам все доступные знания, создать адекватную информационную модель, которая позволит в дальнейшем получить от-

веты на вопросы типа: «А что будет, если...?» и т.п. А потом придет ответственный наблюдатель и радостно констатирует: «Процессы приобрели необратимый характер!» [Расторгуев 2003: 342–343].

Внедрение написания *Таллинн* очевидно призвано было одновременно манифестировать и колоссально возросший уровень национального самосознания эстонцев, и усиление роли республики во внутри- и внешнеполитических отношениях, и логично следующее отсюда непреложное право на скорейшее обретение полного государственного суверенитета, а в дальнейшем – необходимость последующего развала СССР... Так орфографически преобразованный топоним был использован в качестве вербально-магического знака.

Кроме того, «операция *Таллинн*» явилась наглядной иллюстрацией того, как сплоченное, целеустремленное и агрессивное меньшинство (ведь эстонцы составляли ничтожную часть населения СССР) может навязать свою волю пассивному и разрозненному большинству, возглавляемому к тому же предательски робкой властью. Это пример и всё более укрепляющейся политкорректности, когда «общество начинает рассматриваться как *общество меньшинств*, в котором только меньшинства выглядят реально существующими и претендующими на универсальные права» [Ионин 2012: 105].

Стоит заметить, кстати, что через некоторое время в тексты многих российских СМИ вернулось за десятилетия ставшее привычным название *Таллин*, – но... *post factum*. Однако и по сей день имеет место разноречивость в графическом оформлении этого (теперь зарубежного) топонима в разных изданиях: то ли как выражение позиции печатного органа, то ли как проявление обычной для СМИ небрежности.

Приведем также правописный пример несколько иного рода, явно связанный с не прекращающимися и по сей день попытками реанимации массовых религиозных настроений в России.

Одним из выражений фидеистического отношения к слову, непосредственно связанного с вербальной магией, является письменная фиксация имени божества, должествующая подчёркивать особый пиетет к его носителю.

Уже в первые годы «перестройки» в тогда еще советских изданиях слово *Бог* стало всё чаще употребляться именно так, то есть с прописной буквы. Трудно с полной определенностью сказать, для всех ли авторов и редакторов такое написание было сугубо внутренней, духовной необходимостью или же просто данью новомодным веяниям, зримым символом отказа от подчинения коммунистической идеологии и попыткой восстановить прерванную советскими десятилетиями орфографическую традицию. Допустимо согласиться с тем, что *Бог* и *бог* – два разных слова: первое – имя собственное, второе – нарицательное, и за ними стоят разные понятия, а двоякое написание обуславливается религией и идеологией. Поскольку в православной традиции слова, передающие высочайшие понятия религии, пишутся с заглавной буквы, то такой подход к написанию культовых слов русской лексики не противоречит богословскому пониманию (см. [Подольская 1994]). Действительно: «Имя Божие есть не только средство обозначения Божества или его призывания, но есть и словесная икона, потому она свята» [Булгаков 1953:186]. Кстати, в книге Д.Э. Розенталя «Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника)» 1984 г. слова́ *Бог*, *бог* вообще не приводятся.

Конечно, нельзя сказать, что перестроечный период вызвал к жизни лишь вышеприведенные примеры изменения написаний. Следует учитывать, что это было время хорошо подготовленного и спланированного поголовного прозрения пандемического характера. Как будто внезапно глашатаями и руководителями общественного мнения стало множество деятелей, якобы глубоко обиженных советской властью: «послушать иных многих, так просто жалко делает-

ся людей: чуть ли не все изнывали под игом тоталитаризма, диктата, цензуры» [Трубачёв 2004: 141].

Собственно, здесь не было ничего принципиально нового, ср.: «А между тем дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать всё священное, тогда как прежде и рта не смели раскрывать, а первейшие люди, до сих пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать» [Достоевский 1957,7: 481].

В самом непродолжительном времени (уже в светлую эпоху великих реформ) появились вроде бы научно-лингвистические проекты реформирования орфографии. Существуют разные (в том числе – диаметрально противоположные) оценки степени их необходимости.

Так, один из инициаторов и пропагандистов проекта считал, что «подготовка нового, современного, полного и, главное [!], общеобязательного текста правил русского правописания – задача давно назревшая и даже, можно сказать, перезревшая» [Лопатин 2001: 55], а «главное для нас, разработчиков нового текста правил русского правописания, – не изменения в правилах, а сам факт [!] официального утверждения нового, полного, современного свода правил» [Лопатин 2001: 60]. При этом цитируемый автор опровергал сведения «о якобы готовящейся реформе русского правописания», поскольку «на самом деле то, что подготовлено нами, – это отнюдь не реформа» [Лопатин 2001: 55], по-видимому, учитывая настороженное отношение «уважаемых россиян» к самому этому слову, вполне оправданное уже имевшимся у них к тому времени опытом выживания.

При всём том эта затея (как все подобные перестроечно-реформаторские авантюры) готовилась и обсуждалась в обстановке строгой секретности. Справедливо было замечено, что «нового» «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» не знает ни основная масса учи-

тельства, ни сотая, если не сказать тысячная, доля 145-миллионного населения России <...>. Этого документа <...> не видели не только вузовские филологи и сотрудники институтов повышения квалификации учителей, но и школьные учителя и работники издательств» [Бондалетов 2003: 15–16]. Положение не изменилось и после обнадеживающего заявления о том, что «текст Правил» издан на правах рукописи тиражом 500 экз.[!] и в настоящее время направляется для ознакомления в высшие учебные заведения РФ, имеющие филологические факультеты» [12 заседание 2004: 5] (кстати, непонятно, по какому принципу отбирались эти заведения; по крайней мере, указанное раритетное издание дошло далеко не до всех).

Известны весьма критичные оценки замысла, причем с позиций не только собственно лингвистических. Ср.: «Это проблема не столько лингвистическая <...>, сколько социально-экономическая. Никто не посчитал, сколько народных средств уйдет на перепечатку всех учебных книг для школ и вузов, на обновление «внешнего» облика художественной литературы, на перестройку компьютерных словарей-программ. Никто не задумался, как быстро и надолго из грамотного населения России и Зарубежья <...> появится полуграмотное, со стойким и изнуряющим комплексом социально-культурной неполноценности» [Бондалетов 2003: 16].

Но проект продвигали с завидным упорством. Новейшая «революционная целесообразность» аргументировалась, в частности, тем, что в тексте действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» многое «не соответствует современной практике письма» [12 заседание 2004: 5]. Может быть, всё-таки наоборот? Речь должна была идти о сегодняшнем нигилистическом отношении к правилам и их нечастому соблюдению в широком письменном употреблении.

Далеко не всегда (а может быть, по-своему традиционно) реформаторы от орфографии учитывают вполне вероятные реакции преподавательской массы на предлагаемые и внедряемые нововведения.

Таковы беллетристически осмысленные эпизоды восприятия рядовым педагогом-словесником академически обоснованных новаций в правописании: «Рекомендована новая грамматика Грота, – бормотал Лампадкин [учитель уездного училища] <...>. – Грот доказывает ту теорию, что имена прилагательные в родительном падеже единственного числа мужского рода имеют не *аго*, а *ого*... Вот тут и понимай! Вчера Перхоткина без обеда за *ого* в слове *золото-го* оставил, а завтра, значит, должен буду перед ним глазами лупать... Стыд! Срам!» [Чехов 1955,3 :151] – и: «Грот доказывает еще ту теорию, – бормотал педагог, – что ворота не среднего рода, а мужского. Гм... Значит, писать нужно не красная ворота, а красные... Ну, это пусть он оближется! Скорей в отставку подам, чем изменю насчет ворот свои убеждения» [Чехов 1955,3: 153].

Возможно, справедливы мнения тех лингвистов, которые усмотрели в этом недавнем проекте «стремление определенной части околоакадемического сообщества нажить капитал имитации «перестройки» духовной среды. Коммерческая подоплека настойчиво пропагандируемой, фактически навязываемой обществу, реформы русского языка очевидна» [Лисицына 2002: 22].

Надо сказать, что в конце концов орфографы-реформаторы достигли своей вожделенной цели: в 2007 г. были опубликованы «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (М., 480 с.) под грифом Российской академии наук. Впрочем, на титульном листе этого издания значится буквально: «Одобрено Орфографической комиссией РАН», а председателем указанной комиссии в тот момент являлся В.В. Лопатин [Правила 2007:

9], по существу, следовательно, одобравший реализацию собственного замысла и выступивший в качестве ответственного редактора данной книги (см. [Правила 2007: 2]).

Впрочем, как уже отмечалось, «одобрение» Орфографической комиссией правописания еще не означает его «утверждения» (например, самой РАН или правительством РФ). Весьма дискуссионно поэтому, допустимо ли считать названное издание общеобязательным для «всех пишущих по-русски» [Правила 2007: 10].

Вопросы для самоподготовки

1. Каким образом была подготовлена реформа русской орфографии, проведенная в 1917 году?
2. В чём состояло главное различие в подходах к проведению орфографической реформы 1917 г. между Временным правительством – и советской властью?
3. Почему советская власть стремилась осуществить реформу правописания в кратчайшие сроки?
4. Что такое «ликбез» и какими были результаты этой кампании?
5. Почему реформа правописания может рассматриваться как часть культурной революции и каковы были другие её фрагменты?
6. Как и почему оценивалась орфографическая реформа противниками советской власти?
7. Каковы были реальные результаты реформы 1917 г. с точки зрения Л.В. Щербы?
8. Почему во время перестройки звучали призывы к возвращению дореволюционной орфографии?
9. В чем семиотическая и политическая сущность «операции Таллинн»?
10. Как можно оценить результаты внедрения реформы, разработанной под руководством В.В. Лопатина?

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПИСАНИЯ

Небезынтересно, что на очевидную для неравнодушного наблюдателя неупорядоченность современной ему русской орфографии обращал внимание А.С. Пушкин. Поэт, искренне полагавший, что «всё должно творить в этой России и в этом русском языке» [Пушкин 1978, VII: 352], был тем не менее закономерно внимателен к различным вопросам особенностей письменной речевой коммуникации, в частности, к семантике и грамматике. Например: «Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать всё предложение в естественном его порядке <...>. Грамматика наша еще не пояснена» [Пушкин 1978, VII: 55–56]. – «Как надо написать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны» [Пушкин 1978, VII: 121]. – «Многие пишут *юпка*, *сватъба* вместо *юбка*, *свадьба*. Никогда в производных словах *т* не перемещается на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница*, *свадебный*» [Пушкин 1978, VII: 121]. – «Примечание к слову «*богодельня*». Слово это весьма неправильно составлено из двух слов, бога деля (для), и потому должно писаться *богадельня*» [Пушкин 1978, VII: 43] и мн. др. Ср. в отрывке из письма: «Милостивый государь! Вы не знаете правописания...» [Пушкин 1978, VII: 357].

Хотя иногда неллицеприятно упоминают о том, что, скажем, «к запятым Пушкин питал явную неприязнь» [Колесов 1999:67], но не это, конечно, для нас главное в его великом творческом наследии. Впрочем, и сам поэт признавал: «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критика заметила в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо)» [Пушкин 1978, VII: 121].

Весьма ценным представляется следующее пушкинское суждение: «Ныне Академия prepares третью издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимым. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискusstных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла» [Пушкин 1978, VII: 252]. Следует заметить, что в необходимости кодификации литературной нормы А.С. Пушкин усматривал и морально-этический, то есть своеобразно сакральный, аспект, сочувственно разделяя суждение о том, что «Академия есть страж языка; и потому должно ей со всевозможностью к общей пользе ревностно вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, тёмного, не нравственного в языке» [Пушкин 1978, VII: 253].

Сегодня количество ошибок, обнаруживаемых в текстах поэта, кажется, пытаются преумножить – возможно, для того, чтобы упрочить фактологический фундамент исследовательских концепций. Например, полагают, что в «Евгении Онегине» содержится «реальная грамматическая ошибка» – форма *шалѣ* (т. е. Пушкин склоняет существительное *i*-склонения по модели *a*-склонения; при этом поэт не изменяет форму в последующем издании даже после того, как она была отмечена как ошибочная в «Северной пчеле» за 1827 г.), и делают вывод: «Вряд ли это можно объяснить невнимательностью, это сознательный художественный прием, создающий особый эффект разговорности» [Ерохин 2003: 259].

Но, во-первых, не совсем понятно, в чем здесь состоит сущность «эффекта разговорности» (тем более, что при чтении вслух – например, при декламации – эти гласные переднего ряда в безударной позиции и в абсолютном конце слова не аудируются сколько-нибудь отчетливо). Во-вторых –

и это, пожалуй, главное, – гораздо ранее на эту форму обратил внимание В.В. Набоков: «С семинаристом (тв. пад) в желтой шале... – Неверное окончание предложного падежа. Следует «шали», если только Пушкин не образовал его от слова «шаля», а не «шаль». Слово это, заимствованное из персидского, пришло в Россию из Германии через Францию, где в начале XIX в. оно писалось «schall». Остается гадать, умышленно ли ввел Пушкин этот солецизм для подтверждения смысла стиха» [т. е. «без грамматической ошибки я русской речи не люблю». – А. В.] [Набоков 1999: 320].

Кстати, авторитетные источники предполагают подобную этимологию слова *шаль*: «Через франц. shale... или немецкого schal... из английского shawl от ново-персидского sal, которое производят из Индии» [Фасмер 1973, IV: 401]; «Ср. франц. shale, из франц.-нем. schal... Ср. англ. shawl. Во французский и английский это слово попало из Азии, но разными путями...» [Черных 1993, II: 401].

Другой автор рассматривает подобный пример в несколько ином ракурсе – юрислингвистическом: «Во всех современных изданиях Пушкина первая строка 15-й строфы первой главы «Евгения Онегина» пишется так: «Бывало, он еще в постеле...». Вопросы для исходной, сугубо лингвистической экспертизы: есть ли здесь нарушение норм; если есть, то каких: орфографических, грамматических, стилистических; какую функцию «вменено выполнять» нарушение нормы в данном тексте и выполняется ли эта функция реально при обычном чтении текста. Более сложный лингвистический вопрос: оправдывает ли стремление зафиксировать в данном конкретном случае былые состояния русской грамматики (и соответственно – норму написания) тот факт, что непривычное написание мешает формированию устойчивых орфографических норм у современного читателя и препятствует автоматическому чтению, как раз и опирающемуся на современные нормы» [Голев 1999: 35–36].

Однако, по мнению В.В. Набокова, форма «в постеле» – от «постеля», а не от «постель» [Набоков 1999: 202].

Большая привычность для А.С. Пушкина формы *постеля* подтверждается данными «Словаря языка Пушкина», в котором на иерархически первом месте помещена именно она: «постеля» (постель)» [СЯП 1959, III: 590], и преимущественное количество иллюстраций из пушкинских текстов содержит эту форму. Ср., например: «Что ж мой Онегин? Полусонный в постелю с бала едет он...» [Пушкин 1978, V: 31] и мн. др.

Косвенным образом затронутая здесь проблема относится и к пунктуации. Подчас у внимательных исследователей вызывают сомнения и принятые в силу традиции даже в самых авторитетных изданиях некоторые случаи употребления знаков препинания в текстах классических произведений. Например, широко известна фраза героя романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» Петра Гринева, обобщающая впечатления рассказчика от пугачевского мятежа и его последствий: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1978, VI: 349]. Эта констатация и по сей день является высокопрецедентной благодаря усилиям не столько филологов, сколько публицистов, политтехнологов и прочих речедеятелей СМИ, видящих в ней и, конечно, назойливо навязывающих всем некое пророчески-зловещее предостережение против любых попыток изменения существующего в России порядка вещей.

Впрочем, как считает В.В. Колесов, интенциональный акцент данной фразы отнюдь не обязательно приходится на квалификацию именно русского бунта, не могущего быть иным, нежели бессмысленным и беспощадным. Ведь, оказывается, «к запятым Пушкин питал явную неприязнь. В прижизненных публикациях частенько запятых либо вовсе нет, либо их слишком много: «Не приведи Бог видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный!» – до сих пор эти слова толкуют по-разному, а смысл их тоже может

определяться знаками препинания. Это, например, может быть оборот «второй винительный»¹, который следует перевести так: «видеть бунт бессмысленным и беспощадным» (а может быть, и не таким)» [Колесов 1999: 67].

Следует заметить, что требования, предъявлявшиеся к правописному уровню учащихся, традиционно были высоки, и эти критерии вовсе не были изобретением зловерной советской власти с её «жестким режимом письма», «орфографическим террором» и прочими ужасами. Напротив: действительно грамотными носителями языка такие установки воспринимались вполне лояльно (как часть правил некоей сакрализованной игры) и безэмоционально, как должное, во второй половине XIX века.

Например, будущий великий русский историк В.О. Ключевский рассказывал о своем поступлении в Московский университет: «Первый экзамен был письменный. Тема: «Мое воспитание». «Господа, – сказал профессор, – пишите прямо дело, без философских умствований и предисловий». «Господа, – продолжал Буслаев речь этого профессора, – обратите особенное внимание на правописание: одна орфографическая ошибка отнимает право на поступление в университет». <...> У меня горели глаза, глядя на очаровательную отметку, стоявшую под моим сочинением: «5» [Ключевский 1990, IX: 133–134]. По всей видимости, рассказчик был далеко не единственным абитуриентом, чья письменная работа оказалась удостоенной такой оценки.

По-видимому, традиционная неуспешность многих учащихся, пытавшихся (или не очень) освоить правила русской орфографии, в определенный период – что вообще для него во внутригосударственной жизни было характерно – породила попытки неких паллиативных решений.

---

¹ См.: «конструкция с двумя именами в винительном падеже, семантически связанными между собою, но управляемыми глаголом каждое в отдельности... др-русск. Постави Мефодия епископа; имея ее утеху и заступницу» [Ахманова 1966: 78].

Так, один из ведущих тогда специалистов в области методики преподавания русского языка действительный член Академии педагогических наук СССР А.В. Текучёв, справедливо оценивая вопрос о грамотности школьников как актуальный и притом остающийся постоянно открытым, неоднократно предлагал пути решения проблемы, представлявшие ему эффективными. Обоснованно полагая, что «орфография как система единообразного письма, система, обязательная для всех, пользующихся тем или иным языком, является необходимым условием существования и развития духовной и материальной культуры данного народа» и что «всякий разницей в письме, малограмотные написания, непривычные для глаза грамотного человека, затрудняют чтение и понимание написанного текста» [Текучёв 1982: 7], академик в то же время пытался объяснить причины малоудовлетворительной ситуации, сложившейся в сфере обучения орфографии. Например, он считал несомненно вредоносным заблуждением стремление педагогов «объять необъятное», то есть: «Основным препятствием для успеха было, как правило, укрепившееся в сознании представителей общественности и многих учителей убеждение в том, что школа должна дать *всё* в области [правописных] навыков, научить *всему*, что <...> подходит под понятие орфографической грамотности <...> ... Такая задача в её полном объеме неосуществима» [Текучёв 1982: 4]. При этом А.В. Текучёв ссылаясь на суждения и своих предшественников-методистов («... Не увлекайтесь мечтой всех *поголовно* и чуть ли не в пеленках *сделать грамотными*»; В.П. Шереметьевский, 1910 г.; цит. по [Текучёв 1982:10]), и современников – С.Г. Бархударова и др. Цитируемый автор не раз упоминает то о заклеянной ещё в XIX веке «неуместной орфографической щепетильности», то об «атмосфере орфографического террора, господствующего в нашей школе», по выражению С.Г. Бархударова 1963 г. (см. [Текучёв 1982: 12–13]). Кстати, необходимо упомянуть, что пол-

ная беспросветность советского бытия вообще и системы образования в частности (о чем сегодня нам твердят) усугублялась ранее известным директивным документом – Методическим письмом Министерства просвещения РСФСР «Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи» 1954 г., гласившим, например: «Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи – это строго очерченный круг требований к общей грамотности и культуре устной и письменной речи учащихся, выполнения которых должны добиваться все учителя школы» (цит. по [Текучѐв 1982: 105]. Иными словами, все без исключения члены педагогического коллектива школы, какие бы учебные предметы они ни преподавали, обязаны были вносить свой посильный вклад в формирование высокой устной и письменной грамотности учащихся. Впрочем, как можно догадываться, подобная жесткая установка вряд ли вызывала восторг у всех поголовно учителей-предметников.

Несколько забегаая вперѐд, скажем всё же, что в послевоенные годы, ознаменовавшиеся отважным отторжением зловещего тоталитаризма, такая бесчеловечная директива была бы попросту невозможна (не говоря уж о реальном для последних – по крайней мере, 20–25 лет – заметном снижении орфографической грамотности среди представителей молодой страты массы учительства).

Однако, с другой стороны, чѐтко осознавая важность практического овладения орфографическими навыками и приводя определение «грамотного в узком смысле человека» (а это «человек, например, начитанный, умело и хорошо читающий книги (грамотное чтение), выразительно читающий (грамотное выразительное чтение), орфографически грамотный и т.д.» [Текучѐв 1982:11], А.В. Текучѐв, в целях успеха достижения некоего условного уровня грамотности, предлагал довольно простой выход из создавшегося малоутешительного положения дел. А именно: ограничить сами

требования в отношении орфографии в виде «минимумов». Иными словами, «надо отказаться от крайностей, надо различать требования, предъявляемые к правописной практике официальных учреждений и индивидуальной практике отдельных лиц (в быту, личной переписке и т.п.)» [Текучев 1982:13]. И если в первом случае декларируется *обязательность* соблюдения всех правил правописания, то во втором предусматривается некая индульгенция – необходимость «ослабить требования к письму» [Там же]. Отсюда довольно логично следует призыв: «...Должен быть создан так называемый орфографический и пунктуационный минимум (по отношению ко всем мыслимым и существующим написаниям) и он же – максимум (поскольку большего от школы и ученика требовать нельзя)» [Там же].

Понятно, что последовательная минимализация требований, по существу, могла бы лишь на официально-научной основе закрепить status-quo, но не послужить импульсом ни к совершенствованию методики преподавания, ни к активизации усилий учащихся к овладению навыками правописания.

Определенную преемственность в подходе к проверке познаний школьников в области русской орфографии можно, вероятно, усмотреть в том, что после того как президент РФ высказал своё неудовольствие по поводу результатов ЕГЭ по русскому языку в 2014 году, требования к степени сложности тестирования были незамедлительно пересмотрены («планка» была снижена), и его итоги стали гораздо более успешными.

Еще один пример того, как, казалось бы, чисто орфографические моменты могут вызывать довольно широкий общественный резонанс, – это полемика по поводу факультативности либо, напротив, сугубой обязательности употребления буквы Ё, разворачивавшаяся относительно недавно.

По-видимому, инициатором активизации внимания к этому вопросу выступил инженер-энергетик (по вузовскому

диплому) В.Т. Чумаков. Он неоднократно и по-своему последовательно публично и настойчиво декларировал тезис о том, что использование буквы Ё должно быть необходимым фрагментом современного русского правописания, а её отсутствие в текстах является несомненной ошибкой. Кстати, В.Т. Чумаков сформулировал название для возглавленного номинально им движения – «ёфикация» (ср. *электрификация*, *газификация* и под.), а себя и своих сторонников обозначил термином «ёфикаторы». Многочисленные и не по-лингвистически темпераментные выступления главного «ёфикатора» и его соратников получили еще более многочисленные отклики в печатной периодике и Интернете. Причем те, кто горячо поддерживал позицию В.Т. Чумакова, очевидно не были лингвистами-профессионалами, но исходили прежде всего с позиций этических (то есть из оценки буквы Ё как несправедливо обиженной, а ведь такой подход – одна из несомненно константных черт русской ментальности) и эстетических, наделяя «гонимую» букву сочувственными эпитетами вроде «красивая», «милая», «теплая», «детская» и т.п. Собственно, и сам инициатор кампании тоже не избежал сплошной смеси таких мотивов, сакрализуя значение возлюбленной им буквы: «Буква Ё уникальна, ее нет в системах письма других народов. Она стоит в алфавите под сакральным числом 7. И не потому ли она так часто звучит в гнезде слов, объединенных святым понятием «семья»: жёнушка, муженёк, тётушка, тёща, зятёк, куманёк, сестрёнка?»

Возможно, что массированный характер, который приобрела эта кампания, произвел определенное воздействие даже и на власть имущих, обычно воспринимающих мнения и нужды «населения» (см. [Васильев 2013 : 296–320]) весьма индифферентно. Так, доктор физико-математических наук А.А. Фурсенко, будучи министром образования и науки РФ, в 2007 году подписал рекомендацию по употреблению при написании имен собственных буквы Ё (что, заметим, имен-

но в этих конкретных, но довольно распространенных случаях является с точки зрения юридической совершенно необходимым, ср.: Мятлев/Мятлёв, Королева/Королёва и мн. др.).

С другой стороны, у «ёфикаторов» обнаружилось и противники. Наиболее сконцентрированно их суждения суммированы в статье профессора-лингвиста Н.Д. Голева, который увидел в дискуссии по поводу использования на письме буквы Ё в первую очередь следствие действия феномена, обозначенного им как «обыденное метаязыковое сознание (набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях)» [Голев 2008: 5]; цитируемый автор считает этот феномен «фундаментальной категорией, существенно влияющей на повседневную речевую практику, на преподавание языка в школе и вузе, на решение вопросов языкового строительства, на состояние ментальности в обществе и, наконец, опосредованно или прямо на саму науку о языке» [Там же]. Н.Д. Голев справедливо полагает, что вопросы, подобные статусу бытования буквы Ё, должны входить в круг интересов и потенциалов лингвистов-профессионалов, которые способны аргументированно, с научной точки зрения разрешить сомнения массы носителей языка (их он квалифицирует с помощью именованного «рядовые носители языка», что несколько двусмысленно, так как к этой страте несомненно принадлежат и сами лингвисты). Хотя, «по логике обыденного метаязыкового сознания, русский язык «знают» все!» [Голев 2008: 15–16], в том числе (а может быть, и преимущественно) высокие руководители, но вряд ли вопросы функционирования русской речи – и устной, и письменной – следует оставлять на усмотрение дилетантов, из каких бы благих намерений они ни исходили (см. об этом также [Васильев 2009]).

* * *

На известном этапе российского экономического реформирования падение уровня орфографической грамотности

сти обрело широкое и вполне зримое распространение. Это произошло при торжестве новых (так называемых «эффективных») собственников, в том числе в издательской сфере, когда в целях оптимизации производства (см. [Васильев 2013: 562–565]) были упразднены должности редакторов и корректоров, в абсолютном большинстве своём высококвалифицированных, знающих и опытных специалистов. Тексты, предлагаемые читателю, стали публиковать со множеством ошибок в правописании; «авторские редакции» не явились на таком животворном фоне чем-то неожиданным (см. [Васильев 2013а: 82–85]). Если при этом учитывать разрушение образования для неких смутных «инноваций» и «креативности», а также замену собственно искусства на шоу-бизнес, в котором самодовлеющим фактором естественно оказывается финансовая прибыль, а вовсе не духовное обогащение аудитории, то совсем нетрудно прогнозировать дальнейшие процессы. Их детерминизм беллетристически точно описан в детском стихотворении «Гвоздь и подкова» [Маршак 1981: 449] и усугубляется известной ментальной константой, на бытовом уровне формулируемой речением «и так сойдёт».

Вопросы для самоподготовки

1. Каковы были суждения А.С. Пушкина о современной ему русской орфографии?
2. В чем могут заключаться юрислингвистические аспекты правописания?
3. Что такое «ёфикация» и всегда ли обязательно употребление буквы Ё?
4. Почему престиж грамотности был высоким в XIX в.?
5. Что такое «орфографический минимум»?
6. Каково сегодняшнее состояние уровня массовой орфографической грамотности и в чём (предположительно) его причины?

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКСТУАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ АЛФАВИТА

Приводя и аргументируя различные гипотезы, имеющие своей конечной целью доказать возможность и даже необходимость осмысления алфавита как некоей семиотически нагруженной знаковой системы, нередко обращаются к так называемым «азбучным молитвам». В «этом древнейшем жанре словесности <...> скрестились две традиции, уходящие в глубокое, предысторическое прошлое индоевропейской культуры: 1) взгляд на модель мира, 2) обращение к Богу (или, в язычестве, к божествам) как бы фраза за фразой, строка за строкой, в порядке всех букв алфавита – т. е. традиция акростихов» [Степанов 2001: 551–552]; «*акростих* – стихотворное произведение, в котором начальные буквы строк образуют слово, словосочетание и т.п.» [Ахманова 1966: 573]. Здесь же – пример:

«Лазурный день
Угас, угас.
Ночная тень
Ах! скрыла нас».

Ср. беллетристический пример акростиха, сочиненного малообразованным, но претенциозным (или, как выразились бы на сегодняшнем новорусском, – *амбициозным* – см. [Васильев 2013: 555, 557]) персонажем:

«Ангел ты изящный,
Недоступны мне ваши красы,
Форменно я стал несчастный,
Илья Сохатых сын,
Сойду с ума или добьюся,
Адью, мой друг, к тебе стремлюся!..»

<...> Это называется акростик <...>. В нем сказано предмет любви в заглавных буквах, но вам никогда не вообразить, кого я люблю» [Шишков 1972,1: 164].

Персонаж романа современного писателя, учитель (у которого была «своя собственная концепция мировой истории <...>. Не было никакого древнего мира, никаких Древних Греций и Римов, – всё это результат путаницы в хронологии и неточных переводов первоисточников <...>. И татаро-монгольского нашествия <...> не было <...>. Была казачья орда – регулярные войска от слова «орднунг», «порядок» [Поляков 2006: 210–211]) «к Восьмому марта каждой лицейской даме написал по акростику. Екатерине Петровне достался вот такой:

«Когда я встретил вас –
Ах, как сказать мне это? –
То в этот самый час
Я вздрогнул, как от света...»

– Правда, здорово – «Я вздрогнул, как от света»? Катя была в таком восторге, точно преподавала не литературу, а какое-нибудь домоводство и стихов прежде не читывала» [Поляков 2006: 212–213].

По мнению некоторых авторов, «естественно, что в таких произведениях [«азбучные молитвы»] и сам алфавит предстаёт как некий цельный текст, который лишь дополняется – теми именно словами, которые прибавляются к именам букв алфавита» [Степанов 2001: 552] (пример текстов см. в Приложении). Цитируемый автор считает также, что «Азбуковник XII в. <...>, уже прямо по контрасту с Молитвой Константина, использует антиподные ассоциации – с миром греха и сатаны: 2 – «буря греховная» – против «Боже» у Константина, 4 – «греховные волны» против «Господь», 9 – «заблудший» против «закон», 12 – «ковник» (т. е. ковы кующий) дьявол» против «крещение», 20 – «знающий

немощи мои» против «сила», 21 – «трепетом одержим» против «твердо, ты (Бог)» [Степанов 2001: 556].

На основании приведенных сопоставлений/противопоставлений исследователь делает кардинально важный вывод: «... Несомненно, что это [Азбуковник XII в.] текст другой природы: изменилось восприятие алфавита как текста – он перестал быть сакральным. Азбучная молитва – по-прежнему священный текст, но сам алфавит – нет. И, скорее всего, сам алфавит уже вообще не воспринимается как текст» [Там же].

Надо сказать, что литературная форма «азбучной молитвы» оказалась определённым образом востребованной и спустя многие столетия. Это, на наш взгляд, свидетельствует как о притягательности такой модели построения текста для афористически краткого (и притом – несложно версифицированного, а потому легко воспринимающегося и запоминаемого) способа выражения каких-то социально значимых постулатов, так и (хотя бы косвенно) о своеобразной сакральности, или, по меньшей мере, – явной авторитетности самого алфавита в качестве некоей первоосновы, исходной точки последующих речеписьменных артефактов.

Как полагают, такие словесные эксперименты исторически восходят к «Семинарской азбуке», популярной (в гимназическом, семинарском и юнкерском фольклоре) по крайней мере с XIX в., но до сих пор не опубликованной. Первая строка «Семинарской азбуки» имела «нейтральный» характер, вторая (начинаясь с той же буквы) – непристойный» [Лурье, Рогинский 1989: 580]. Те же комментаторы указывают, что в романе «Белая гвардия» содержатся прямые цитаты из юмористической газеты «Чертова перечница», где 29 ноября 1918 г. была опубликована «Азбука Чертовой перечницы», прототипом которой и послужила «Семинарская азбука», соответствующим образом – согласно событиям ре-

альной и политической действительности – подкорректированная и дополненная [Лурье, Рогинский 1989: 580–581]. В булгаковском тексте приводятся, конечно, единичные ссылки на вышеупомянутое произведение с комментариями персонажей романа:

«Арбуз не стоит печь на мыле,

Американцы победили.

<...> Игривы Брейтмана остроты,

И где же сенегальцев роты?

– Где же? В самом деле? Где же? – добивался мутный

Мышлаевский.

Рожают овцы под брезентом,

Родзянко будет президентом.

– Но талантливы, мерзавцы, ничего не поделаешь!»

[Булгаков 1989,1: 205–206]

Очевидно, под влиянием этой алфавитно-поэтической модели оказался и В.В. Маяковский, в 1919 году издавший агитационные вирши под названием «Советская азбука». Гораздо позднее, в 1930 г., Маяковский в одном из своих выступлений рассказывал: «Это очень интересная страница из истории нашей революционной поэзии <...>. Она была написана для армейского употребления. Там были такие остроты, которые для салонов не очень годятся, но которые для окопов шли очень хорошо <...>. ... Принес ее перепечатать в Центропечать. Там сидела одна невычищенная [читай: «старорежимная», «контрреволюционно настроенная» и т.п. – короче говоря, особа, совершенно неуместная на службе в советском учреждении, доставшаяся ему как нежелательное наследие прежнего строя. – А.В.] еще машинистка, которая с большой злобой мне сказала: «Лучше я потеряю всякую работу, но эту гадость я переписывать не буду» <...>. Дальше никто не хотел эту книжку печатать <...>. Не было никого [в типографии], кто бы принял

уже напечатанные листы. У меня были приятели, с которыми я это сделал <...>. Свою работу эта книжка уже сделала» (цит. по: [Реформатская 1956: 500]).

Приведем здесь лишь начальные и конечные двусторонние данного текста:

«А

Антисемит Антанте мил.

Антанта – сборище громил.

Б

Большевики буржуев ищут.

Буржуи мчатся верст за тыщу.

<.....>

Э

Экватор мучает испарина.

Эсера смой – увидишь барина.

Ю

Юнцы охочи зря приврать.

Юденич хочет Питер братъ.

Я

Японцы, всуе белых учите!

Ярмо микадо нам не всучите»

[Маяковский 1956,2: 92,95].

(Полный текст см. в Приложении).

Вопросы для самоподготовки

1. Что такое акrostих?
2. В чём сущность «азбучной молитвы»?
3. Что такое «Семинарская азбука» и какими были её позднейшие проявления?

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В ТЕКСТЕ

Несомненно, что недавно популярный так называемый «олбанский» [вариант – «олбанской»] язык [вариант – «йезыг»] одновременно и возник на фоне современной социокультурной ситуации, и стал её совершенно естественным фрагментом. В основе этого феномена лежит преимущественно стремление (впрочем, не всегда последовательное) воплотить в письменной форме фонетический облик слова без учета орфографических требований к его фиксации.

По мнению А.В. Кравченко, буквенный код не обладает способностью к адекватной интерпретации языкового (точнее, наверное, – речевого) поведения с учетом всех сенсомоторных параметров конкретной ситуации общения: «Как можно с помощью букв передать интонацию и тембр голоса, скорость и специфические особенности артикуляции, сопутствующие жесты и мимику, выражение глаз и т.д. и т.п.? А ведь все эти так называемые «экстралингвистические факторы» играют существенную роль...» [Кравченко 2008: 270].

Впрочем, хорошо известны (по литературно-художественным текстам прежде всего) довольно многочисленные примеры попыток – и вполне удачных – передачи иноязычного акцента и иных особенностей произносительного идиостиля персонажа графическими (буквенными) средствами.

Так, Л.Г. Сомотик в своем фундаментальном исследовании роли внелитературной лексики в создании образа инонациональной речевой среды обращает внимание в том числе и на случаи трансляции иностранной речи в произведе-

ниях Б. Акунина. В монографии четко классифицированы нациолектизмы, то есть внелитературная лексика, в соответствии с замыслом писателя передающая русскую речь нерусских [Самотик 2013: 466].

Сюда включены варваризмы (слова или фрагменты иноязычного текста, чаще всего транслитерируемые латиницей, а ломаная речь персонажей-иностранцев – наоборот, дается в русской графике).

Или: скажем, в «Турецком гамбите» «кульминация детективной линии сюжета строится на грассировании в речи [мнимого – А. В.] д’Эвре и его отсутствии у [подлинного, изображающего д’Эвре. – А. В.] Анвара Эфенди. После разоблачения русский текст шпиона продолжается с грассированием [то есть непрременной имитацией подлинно французского произношения. – А. В.] <...>. Затем маска сброшена [произношение уличенного шпиона перестает быть грассирующим. – А. В.] <...>. Французское грассирование в русском тексте являлось камуфляжем ловкого турецкого шпиона <...>. Таким образом, грассирование выполняет сюжетобразующую функцию» [Самотик 2013: 469–470].

На основании результатов анализа многочисленных примеров цитируемый автор заключает: «...Нациолект входит, с одной стороны, в сложную систему передачи речи нерусских, с другой, – в изображение нерусской речи русских. Использование латиницы иногда при этом, хотя и несколько «неправильно», но понятно читателю, несет стилистическую функцию и создает иронический подтекст...» [Самотик 2013: 475].

Надо сказать, что уже в русской классической литературе можно обнаружить примеры подобных попыток передачи живого произношения, предпринимавшихся (предположительно) по разным причинам. Так, в рассказе И.С. Тургенева: «На крылечке темного гнилого строения, вероятно

бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс:

Э – я фа пасатыню удаляюсь

Ата прекрасных седешенеха мест...

и проч.» [Тургенев 1953: 219].

По-видимому, такое «фонетизированное» написание призвано было и выразить отношение автора к качеству вокальных упражнений персонажа, и обозначить его культурно-образовательный уровень.

Ср. подобное в более позднем тексте:

«... Человек в истасканной морской фуражке, в разных штанинах и только в одном сапоге <...> подобрал медяки и запел громким и тонким голосом:

Ата-цвели уж давно-о!

Хэ-ри-зан-темы в саду-у!...»

[Булгаков 1989,2: 635]

Ср. также: «... Слышалось пение разносчиков. Они появлялись один за другим, эти дворовые гастролеры, и каждый исполнял свою короткую арию.

– Угле-ей! Угле-е-ей! – откуда-то издалека пел русский тенор, как бы оплакивая свою былую удаль, свое улетевшее счастье. – Угле-е-ей!

Его место занимал низкий комический басок точильщика:

– Точить ножи-ножницы, бритвы!.. Чшшить ножи-ножжж, бритвв!.. Ножиножжж... Бррр-иттт...

Паяльщик появлялся вслед за точильщиком, наполняя двор мужественными руладами бархатного баритона:

– Па-аять, починять ведра, кастрюли! Па-ять, починять ведра, кастрюли!

Вбегала безголосая торговка, оглашая знойный воздух городского утра картавым речитативом:

– Груш, яблук, помадоррр! Груш, яблук, помадоррр!

Печальный старьевщик исполнял еврейские куплеты:

– Старые вещи, старые вещи! Старивэшшш... Стари-вэшшш...

Наконец, венчая весь этот концерт прелестной неаполитанской канцонеттой, вступала новенькая шарманка фирмы «Нечада», и раздавался крикливый голос уличной певицы:

Ветерок чуть колышет листочки,
Где-то слышится трель со-ло-вья.
Ты вчера лишь гуляла в плато-чке,
А се-го-дня гу-ляешь в шел-ках.
Пой, ласточка, пой.
Сэр-це ус-па-кой...

– Углей, угле-е-ей! – запел русский тенор сейчас же после того, как шарманка ушла.

И концерт начался снова» [Катаев 1980: 119].

У Тургенева же находим характеристику произносительного идиостиля персонажа, отставного генерал-майора помещика Хвалынского (включая и невербальные моменты): «Человек он очень добрый, но с понятиями и привычками довольно странными. Например, он никак не может обращаться с дворянами небогатыми или нечиновными, как с равными себе людьми. Разговаривая с ними, он обыкновенно глядит на них сбоку, сильно опираясь щекою в твердый и белый воротник, или вдруг возьмет да озарит их ясным и неподвижным взором, помолчит и двинет всею кожей под волосами на голове; даже слова иначе произносит и не говорит, например: «Благодарю, Павел Васильич», или: «Пожалуйте сюда, Михайло Иваныч», а: «Боллдарю, Палл Асилич», или: «Па-ажалте сюда, Михал Ваныч». <...>... А к лицам низшим, которых, по-видимому, презирает, но с которыми только и знает, держит речи отрывистые и резкие, беспрестанно употребляя выраженья, подобные следующим: «Это, однако, вы пус-тя-ки говорите» [Тургенев 1956б: 243, 246].

Иначе говоря, в подобных случаях через написание передаются черты устно-разговорного идиостиля персонажа, обусловленные его социальным статусом (или, может быть, представления персонажа о том, как этот статус должен предопределять его речевое поведение).

Во многих случаях трансформация написания – по сравнению с общеобязательной нормой – призвана передать иноязычный акцент либо его имитацию.

Примеры первой группы – а) Диалог между Свидригайловым и «небольшим человечком, закутанным в серое солдатское пальто и в медной ахиллесовой каске», стоящим на часах «у большого дома с каланчой» («на лице его виднелась та вековая брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени»): «А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до?» – проговорил он <...>. – «Да ничего, брат, здравствуй!» – ответил Свидригайлов. – «Здесь не места» <...>. Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови. – «А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!» – «Да почему же бы и не место?» – «А потому-зе, сто не места» [Достоевский 1957,5: 535].

б) У А.С. Пушкина: «В его [генерала Андрея Карловича Р.] речи сильно отзывался немецкий выговор <...>. «Поже мой! <...> Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» [Пушкин 1978, VI: 272].

в) Ср. также у Н.С. Лескова: «А они [«жиды»] опять гыр-гыр, да и говорят [«барину»-реvisorу]: «Ази-язи, васе сиятельство, то зи ничего зи, что вы дали знать в полицию, мы вам вот даем зи двадцать пять тысяч, а вы-зи только дайте нам до утра вашу печатку и лозитесь себе спокойно поцивать» [Лесков 1981: 142].

Пример второй группы – мини-монолог набоковского Щеголева: «Моя супруга-подпруга <...> лет двадцать про-

жила с иудеем и обросла целым кагалом <...>. Пускай она вам как-нибудь расскажет <...>, какие были родственнички – ой, Бозэ мой, – гвалт за столом...» [Набоков 1990, 3: 168].

Нарочитое написание Ф.М. Достоевским «абличительная литература» [Достоевский 1956:29] расценивалось как «издательское наименование современных передовых сатирических изданий» [Серман 1956: 538], что составляло вполне логичный и притом экспрессивный элемент полемики (ср. там же: «Головешка» – так карикатурно именовался в журнале Достоевского «Время» демократический сатирический журнал «Искра») и т.п.

Орфографически неправильное написание может быть использовано автором как дополнительная черта характеристики персонажа.

Так, тургеневский бурмистр написал: «Пастроен вселе Шипилофке втысеча восем Сод саракавом году. Сей скотный дфор» [Тургенев 1953в: 209].

Подобные примеры присутствуют в рассказах А.П. Чехова: «Его дочери имеют обыкновение гостям низкого звания <...> писать на спинах мелом крупными буквами: «асел» и «дурак» [Чехов 1954: 101]. – «Во франте с трудом узнал он писаря Филенкова, которого он не далее как сегодня утром распекал в канцелярии за безграмотно написанную бумагу, за то, что слово «капуста» он написал так: «копусста» [Чехов 1954: 278] и т.п.

По некоторым сведениям [Википедия], «падонкаффский», или «олбанский йезыг», или «йАзык пАдОнКаФФ» – распространившийся в Рунете в начале 2000-х годов стиль употребления русского языка с фонетически почти верным <...>, но орфографически нарочно неправильным написанием слов <...>, частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов, характерных для сленгов» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Жаргон_падонков].

Как и многие сведения, предлагаемые Википедией, эта дефиниция нуждается в некоторых комментариях. Вряд ли «олбанский» можно назвать «стилем», поскольку этот термин закреплен в лингвистике за совсем другим понятием. То, что здесь названо «фонетически почти верным написанием слов», тоже не совсем точно: «фонетические написания» могут быть весьма и весьма вариативны, в «олбанском» же просматривается некое подражательное стремление к единообразию фиксаций одних и тех же слов (так сказать, нормативной, или, скорее, узуальной ненормативности).

Тот же источник сообщает о главных характеристиках «олбанского»: его основная особенность заключается «в намеренном нарушении норм орфографии русского языка <...> при сохранении графических принципов чтения <...>. Из <...> способов записи в данной позиции выбирается тот, который не соответствует орфографической норме – употребление *a* вместо безударного *o* и наоборот, взаимозамена безударных *и*, *e* и *я*, *цц* или *ц* вместо *тс*, *тьс*, *дс*, также *жы* и *шы*, *чя* и *щя* вместо *жи* и *ши*, *ча* и *ща*, *щ* вместо *сч* и наоборот, *йа*, *йо*, *йу* вместо начальных *я*, *ё*, *ю*, взаимозамена глухих и звонких на конце слова или перед глухими (*красафчег*), причём вместо *ф* в этой позиции может употребляться *фф* <...>. Распространено также слияние слов воедино без пробела (*ржунимагу*)».

Можно согласиться с цитируемым источником в том, что «олбанский» – это «антинорма», основанная на последовательном (или близком к таковому) отталкивании от имеющегося нормативного выбора написаний (то есть для того, чтобы писать на «жаргоне падонков», фактически надо хорошо владеть существующей нормой).

Приведем пример беллетристического текста на «олбанском» с последующими комментариями его создателя (он же – герой-рассказчик в цитируемом романе):

«СТАС АРХОНТОФФ»

Зачем скажи Начальнег Мира
Твой ладен курицца бин серой?
Кто Бени, Фици, Ары пира?
Они тваи акционеры?

Зачем ты так нипабедимо
Керзою чавкаиш в ацтои?
Каму кадиш в тумани виннам
Под купалами Главмосстройа?

Ты щаслеф. Ветир мньот валосья,
Литит салома тибе ф морду.
Но биригис. Твой след ф навози
Уж уведал Начальнег Морга.

Я прочитал это мрачное пророчество три раза, проверяя и исправляя ошибки. Переправив «они» на «ани», я с гордостью ощутил, что сам не понимаю написанного до конца. Ясно было только происхождение названия: существовал гностический текст «Ипостась Архонтов», который мы проходили на уроке дискурса. Я, помнится, думал тогда, что это хорошее имя для московского ресторатора (любимец московской богемы Ипостась Архонтов открывает новый гламурный вертеп «Лобковое место»...). А теперь боевая муза нашарила Ипостаса в моей памяти.

Особенно мне нравилась двенадцатая строка: одна из проекций словосочетания «уж уведал» на стандартный русский была «уж увядал», и тогда грозный смысл всего стиха, предрекающего гибель князя мира сего <...>, концентрировался в одной точке, как и требовалось <...> [Пелевин 2006: 387–388].

Относительно «олбанского» представляется возможным сделать следующие выводы.

Несомненно, его создатель (создатели?) хорошо владел правилами русской орфографии и умел ими пользоваться. Собственно, познать всю прелесть этой разновидности языковой игры способен был только человек высокограмотный, а потому, возможно, многие пользователи Сети так и не смогли оценить по достоинству подобные изыски.

В качестве социокультурного феномена «олбанский» стал естественным порождением общей ситуации в стране, где аксиологические ориентиры оказались совершенно размытыми, а представления о том, что такое норма вообще, – утраченными (за немногими конкретными исключениями, вроде условного соблюдения правил дорожного движения или жестких установок банков по взиманию кредитов).

В более широком культурологическом аспекте можно рассматривать «олбанский» как одну из попыток сакрализации профанного.

Впрочем, «олбанский» в конце концов постигла та же самая судьба, что постигает любую другую моду: он оказался недолговечным и преходящим. С другой же стороны, былая мода нередко возвращается. Поэтому нельзя совершенно исключать в будущем возрождения «олбанского», пусть и в несколько иной форме.

Вопросы для самоподготовки

1. Возможна ли передача на письме особенностей чьего-либо произношения? Если это так, то с какой целью она применяется?
2. Что такое «олбанский йезыг»? В чём (предположительно) заключается социокультурные причины его появления?

Заключение

Письменность изначально обладала в глазах носителей языка сакральным статусом, как затем создатели алфавитов.

Вероятно, тот же статус, пусть и в значительно трансформированном виде, был унаследован правилами фиксации речи на письме, особенно после их кодификации. Запечатлённая таким образом норма начинает восприниматься с несомненным пиететом, степень которого постепенно усиливается: ведь несоблюдение нормы способно было возыметь для носителя языка самые негативные последствия.

Однако время от времени предпринимаются попытки более или менее радикальных изменений даже и самого алфавита, вплоть до революционного замещения его совсем другим, пусть даже совершенно не приспособленным к фонетическим стандартам данного языка. Симптоматично, что, относительно языка русского, возможность такого решительного шага потенциально существует, будучи узаконена соответствующим образом.

Орфографические правила иногда претерпевают корректировку; обычно это происходит в периоды революционно-политических катаклизмов как неизбежное сопровождение и воплощение отнюдь не языковых феноменов. Десакрализация нормы не только символизирует окончательный разрыв с предыдущей культурой (и, конечно, с прежней социальной иерархией), но оправдывается весьма благими намерениями – преимущественно упрощением правописания. Впрочем, как показывает исторический опыт, такой результат оказывается почти недостижимым.

В эпоху перемен возникают и феномены систематизированного нарушения нормы, иначе говоря – сакрализации профанного. В качестве зримого воплощения такого инверсивного феномена недавно фигурировал так называемый «олбанский» язык. Его можно рассматривать и как игру, на-

целенную на обретение участниками некоего раскрепощения в духе постмодернизма. Правда, в том же самом духе никто из игравших, кажется, в реальности дополнительной свободы не получил, ощутив лишь некую имитацию пресловутой «свободы слова» и какое-то время пользуясь ею.

По всей вероятности, орфографические нормы со временем могут быть в некоторой своей части изменены. Но для четкой их кодификации (иначе – «сакрализации») необходимы совершенно объективные, а не волюнтаристски изобретённые предпосылки и, несомненно, максимальный учет общественного мнения. В противном случае слава таких реформаторов рискует быть сопоставимой со славой Герострата.

Конечно, со временем, особенно – отягченным довольно странной «демократизацией» и перманентным реформированием всего и вся, в результате чего воцаряется то, что почему-то называют «стабильностью» (по сути своей вряд ли мало отличающейся от того, что еще недавно усердно клеймили под уничижительным названием «застой»), отношение массы носителей языка к соблюдению правил орфографии претерпело заметные изменения. Очевидно, что свой весомый вклад в широкое распространение безграмотности внесли средства массовой информации, не обращающие должного внимания на правильность оформления своих текстов.

И всё-таки нормы правописания должны соблюдаться по возможности безукоризненно, и не только для облегчения восприятия содержания, получившего визуальную доступную фиксацию, то есть лишь в прагматическом аспекте.

Нормы орфографии выступают как одно из воплощённых социально значимых установок, а потому их следует рассматривать как действенный инструмент культурно-цивилизационного строительства. В этом отношении они ничуть не менее сакральны, нежели основополагающие государственные документы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

I. Азбучная молитва Константина

- 1 Азъ словомъ симъ // молю са богоу:
- 2 Боже, всенъ твари // и зиждителю
- 3 Видимымъ / и невидимымъ,
- 4 Господа доуха / послн живжщакго
- 5 Да въдъхнетъ / въ срьдце ми слово,
- 6 Ёже вждетъ / на оуспѣхъ въсѣмъ,
- 7 Живжщимъ / въ заповѣдхъ ти.
- 8 Сѣло бо кстъ / свѣтильникъ жизни.
- 9 Законъ твои, / свѣтъ стъзамъ того,
- 10 Иже ищетъ / квангельска слова
- 11 И проситъ са / дары твоиъ прияти.
- 12 И летитъ нынѣ /// словѣнско плема,
- 13 Къ крещению / обратиша са вси,
- 14 Людикъ твои / нареци са хоташце,
- 15 Милости твои, / воже, просатъ сѣло,
- 16 Нъ мынѣ нынѣ / пространо слово даждь,
- 17 Отъче, сыноу / и прѣсватыи доуше,
- 18 Просащюукиоу / помощи отъ тебе.
- 19 Ржцѣ бо свои / выпрь въздѣжъ присно,
- 20 Силъ прияти / и мдрость оу тебе.
- 21 Ты бо дажи / достоинномъ силъ,
- 22 Упостасъ же / въсѣкжжъ цѣлиши,
- 23 Фараошнъ мл / зѣлобы изъбави.
- 24 Херовскж ми / мысль и оумъ даждь.
- 25 У, чьстнага, / прѣсватага тронце,
- 26 Печаль мою / на радость прѣложи,
- 27 Цѣломждрьно / да начьнж пьсати
- 28 Чюдеса твои / прѣдивнага сѣло,
- 29 Шестъкрилатыхъ /// силъ въспримъ.
- 30 Шьствоуиж нынѣ // по слѣдоу оучителю,
- 31 Имени юго / и дѣлоу послѣдоуи,
- 32 Авѣ сътвориж / квангельско слово,
- 33 Хвалъ въздаи / тронци въ божьствѣ,
- 34 Юже поктъ / въсѣкынъ възрастъ
- 35 Юнъ и старъ / своимъ разоумомъ.
- 36 Юзыкъ новъ / хвалъ въздаи присно
- 37 Отъцоу, сыноу / и сватоукиоу доухоу,
- 38 Киоуже чьсть / и дрѣжава и слава
- 39 Отъ всьемъ твари / и дыханниа
- 40 Въ вса вѣкы / и на вѣкы аминъ.

II. Азбучная молитва (Азбучник) XII в.

- 1 Азъ тебе припадаю, милостиве,
грѣхы многими одержимъ.
- 2 Буря мя грѣховная потапяеть,
но въ твою тишину настави мя.
- 3 Въ нощи и въ дне мя съхрани,
на всякъ часъ въспѣвати тебѣ.
- 4 Грѣховныя ми волны утоли,
и ниже грѣзимъ вопию ти.
- 5 Десницу ми простри, милостиве,
якоже Петру волнами грѣзиму.
- 6 Кгда хоцещи явити таинная,
не обличи мене прѣдъ ангелы,
- 7 Житик бо свок въ мраще иждихъ,
но твоими мя щедоотами поосвѣти.
- 8 Зѣло бо кси, Христе, милостивъ,
долготерпѣливъ и прѣмилостивъ.
- 9 Заблужшаго прими мя, Христе,
якоже приять блуднаго сына.
- 10 Избави мя изъ глубины грѣховныя,
якоже Иону отъ кита, Христе.
- 11 Икзеккины ми слезы даруи,
и ниже очищу скверныя ми грѣхы.
- 12 Геоны и мя избави вѣчныя
и грозы и черви неусыпающа.
- 13 Ковникъ дьяволъ блазнить мя,
нъ въ твою стадо причти мя, Христе.
- 14 Ловьца днавола избави мя,
молитвами, Христе, рожьшая тя.
- 15 Мытарю уподобяся, вопию ти:
очисти мя, Христе, яко и оного.
- 16 Нощью мя на пѣник укрѣпи,
тяготу сонную отгнавъ ми.
- 17 Очи мои просвѣти, милостиве,
сърдце чисто съзижи въ мнѣ.
- 18 Простери ми десницу, милостиве,
язвену сущю разбойники.
- 19 Рѣцѣ мои въздѣю к тебе, Христе,
грѣховными стрѣлами язвенъ.
- 20 Свѣдыи немощи мока, Христе,
исцѣли мя, Владыко, недостоннаго.

- 21 Трепетомъ объдержи мѣ вопию ти,
помышляя, Христе, страшныи часѣ.
- 22 Упостась бо си осквернихъ злѣ,
но покаянню слезы ми подаи же.
- 23 Фарисѣвки мя гордыня избави,
мъздонимче ми дая рыданик.
- 24 Хѣрови мѣскую пѣснь въспѣвати
тебе, тресвятыи Боже, съподоби.
- 25 О пресвятая Троице, помилуи
недостойнаго твоего раба.
- 26 Пѣсньми ти пою, припадая,
просвѣти мя душу и умъ, Спасе.
- 27 Царю небеси и земли, Христе,
отверзи ми двери вѣчныя жизни.
- 28 Чиномъ мя причти, милостиве,
изъбранныхъ твоихъ овцахъ.
- 29 Шестивия мя направи на пѣть твою
отъ устъ золь укланяя мя.
- 30 Иного бо не свѣмъ, развѣ тебе,
милостива суща и прѣмилостива.
- 31 Яко сын родомъ милостивъ Богъ,
Отец и Сынъ и Святыи Духъ.
- 32 Хвалами тя прославляю, прѣсвятая
живодавице чѣстная Троице,
- 33 Юже поють шестокрилнии,
начальныя власти же и силы.
- 34 Юже коньчевая молебную пѣснь,
въпию к тебѣ, святая Троице;
- 35 Языкомъ и умомъ тя славолю,
въ три лица суща божество единое.
- 36 Тебѣ бо лѣпо кѣсть чѣсть и покланяник
въ вся вѣкы вѣкомъ. Аминъ.

[х]

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ПИСМЕНЪ СЛАВЯНСКИХЪ
ПЕЧАТНЫХЪ И РУКОПИСНЫХЪ.

~~Ѧ~~	А	а	~~Ѧ~~	А	А	а	а	Ѧ	Ѧ
~~Ѣ~~	Б	~~Ѣ~~	~~Ѣ~~	Б	Б	б	б	~~Ѣ~~	Ѣ
~~Ѧ~~	В	В	~~Ѧ~~	В	В	в	в	~~Ѧ~~	Ѧ
~~Г~~	Г	Г	~~Г~~	Г	Г	г	г	~~Г~~	Г
~~Д~~	Д	д	~~Д~~	Д	Д	д	д	~~Д~~	Д
~~Е~~	Е	Е	~~Е~~	Е	Е	е	е	~~Е~~	Е
~~Ж~~	Ж	~~Ж~~	~~Ж~~	Ж	Ж	ж	ж	~~Ж~~	Ж
~~З~~	З	З	~~З~~	З	З	з	з	~~З~~	З

*Дано Петра Велика 1710
Генваря 29 числа*

Страница с различными начертаниями букв, предложенных Петру Первому при создании гражданского шрифта. Петр сам отбирал знаки, зачеркивая те, что ему не понравились. Во время первой своей заграничной поездки Петр договорился с голландцем Яном Тессингом и выходцем с Украины Ильей Копиевским, жившим за рубежом, об изготовлении нового русского шрифта. Однако этот шрифт волею судеб попал в руки шведов, и они использовали его для распространения на Украине «возму-

тительных писем» против Петра и России. В конце концов новый шрифт был создан собственно в России. В 1708 году вышли первые книги гражданской печати – по артиллерии, фортификации, гидротехнике и другим областям специальных знаний. Но книга для чтения на досуге осталась рукописной, несмотря на реформу Петра Первого. Лишь в конце XVIII века благодаря увеличению тиражей, появлению новых типографий и удешевлению печатных изданий рукописная книга вышла из широкого потребления и постепенно превратилась в редкость [Утевская 1985: 188].

Вопросы для самоподготовки

1. Каковы были наиболее вероятные причины создания «гражданского шрифта»?
2. В чём состоит личная роль Петра I в разработке и внедрении обновленного русского шрифта?
3. Почему (предположительно) светские произведения беллетристического характера в течение значительного времени продолжали бытовать в рукописной форме, в отличие от специальной литературы?

«В начале 50-х годов [XIXв. – А.В.] «родился» Козьма Прутков. Это не простой псевдоним, а созданная [А.К.] Толстым и его двоюродными братьями Жемчужниковыми сатирическая маска николаевской эпохи. От имени Козьмы Пруткова они писали и стихи (басни, эпиграммы, пародии), и пьески, афоризмы, и исторические анекдоты, высмеивая в них явления окружающей действительности и литературы. В основе их искреннего, веселого смеха лежали неоформленные оппозиционные настроения, желание как-то преодолеть гнёт и скуку мрачных лет николаевской реакции» [Ямпольский 1981: 7].

«Писатель Козьма Прутков, придуманный группой единомышленников, – явление в нашей литературе уникальное <...>. И когда Прутков выступает с многообразными пародиями на «мудрость», то в этом сказывается, может быть, также и косвенная реакция на рационализм <...>. Развенчание ложной мудрости проводится так, как обычно происходит в пародии: посредством известного «пересаливания», путем доведения глубокомыслия до верха претенциозности <...>. Читателя поначалу ошарашивает комизм нелепости, но <...> эта нелепость отражает нелепость определенных явлений; невежество и тупость Пруткова – увлеченный портрет невежества и тупости бюрократа...» [Сквозников 1976: 5,12,14].

Азбука для детей Косьмы Пруткова (им самим составленная)

- А. Антон козу ведет.
- Б. Больная Юлия.
- В. Ведерная продажа.
- Г. Губернатор.
- Д. Дюнкирхен город.
- Е. Елагин остров.
- Ж. Житейское море.
- З. Запоздалый путник.
- И. Инженер-поручик.
- К. Капитан-исправник.
- Л. Лимонный сок.
- М. Марфа посадница.

Н. Нейтралитет.
О. Окружной начальник.
П. Пелагея экономка.
Р. Рисовальщик искусный.
С. Совокупное сожитие.
Т. Татарин, продающий мыло или халаты.
У. Учитель танцевания и логики.
Ф. Фарфоровая чашка.
Х. Храбрый штабс-капитан.
Ц. Целое яблоко.
Ч. Чиновник особых поручений.
Ш. Шерстяной чулок.
Щ. Щебечущая птица.
Ъ. Ъздок.
Э. Эдуард аптекарь.
Ю. Юпитер.
Я. Янтарная трубка.
Ө. Өома торгаш.
Ъ.Ы.Ь.У.

[Прутков 1976: 300]

Вопросы для самоподготовки

1. Каковы были вероятные причины, побудившие творцов Козьмы Пруткова к созданию текста это жанра?
2. В выборе каких именно реалий, текстуально якобы демонстрирующих примеры употребления единиц алфавита (при использовании их в качестве начальных букв слов), отразился круг жизненных интересов Козьмы Пруткова («действительного статского советника, директора Пробирной Палатки»)?
3. С учетом того обстоятельства, что в типологически подобной «азбуке для детей» зачастую используются графические иллюстрации (рисунки), призванные в целях более удачного распознавания, запоминания и усвоения представить наглядно предмет, словесное обозначение которого начинается с определенной соответствующей буквы, насколько возможно применить такой важный обучающий прием к данной «азбуке»? Почему?
4. В чём состоит вероятный комический эффект произведения?

Советская азбука

А

Антисемит Антанте мил.
Антанта – сборище громил.

Б

Большевики буржуев ищут.
Буржуи мчатся верст за тыщу.

В

Вильсон важнее прочей птицы.
Воткнуть перо бы в ягодицы.

Г

Гольц фон-дер прет на Ригу. Храбрый!
Гуляй, пока не взят за жабры!

Д

Деникин было взял Воронеж.
Дяденька, брось, а то уронишь.

Е

Европой правит Лига наций.
Есть где воришкам разогнаться!

Ж

Железо куй, пока горячее.
Жалеть о прошлом – дело рачье.

З

Земля собой шарообразная,
За Милюкова – сволочь разная.

И

Интеллигент не любит риска.
И красен в меру, как редиска.

К

Корове трудно бегать быстро.
Керенский был премьер-министром.

Л

Лакеи подают на блюде.
Ллойд-Джордж служил и вышел в люди.

М

Меньшевики такие люди –
Мамашу могут проиудить.

Н

На смену вам пора бы, Носке!
Носки мараются от носки.

О

Ох, спекулянту хоть повеситься!
Октябрь идет. Не любит месяца.

П

Попы занялись делом хлебным –
Погромщиков встречать молебном.

Р

Рим – город и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, что бы стибрить.

С

Сазонов послан вновь Деникиным.
Сиди послом, пока не выкинем!

Т

Тот свет – буржуйам отдых сладкий
Трамваем Б без пересадки!

У

У «правых» лозунг «учредилка».
Ужели жив еще курилка?!

Ф

Фазан красив. Ума ни унции.
Фиуме спьяну взял д'Аннунцио.

Х

Хотят в Москву пробраться Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.

Ц

Цветы благоухают к ночи.
Царь Николай любил их очень.

Ч

Чалдон на нас шел силой ратной.
Чи не пойдете ли обратно?!!

Ш

Шумел Колчак, что пароход.
Шалишь, верховный! Задний ход!

Щ

Щетина украшает борова.
Щенки Антанты лают здорово.

Э

Экватор мучает испарина.
Эсера смой – увидишь барина.

Ю

Юнцы охочи зря приврать.
Юденич хочет Питер брать.

Я

Японцы, всуе белых учите!
Ярмо микадо нам не всучите.

1919

[Маяковский 1956: 92–95]

Вопросы для самоподготовки

1. Какие типологические черты «семинарской азбуки» использовал В. Маяковский?
2. Характеризуйте лексический состав «азбуки» Маяковского в функционально-стилевом и стилистическом аспектах.
3. Попытайтесь оценить поэтические достоинства и возможный агитационно-пропагандистский эффект данной «азбуки» (с учетом её наиболее вероятной аудитории).

Ср. процитированные И. А. Буниным в 1919 г. некоторые публикации в одесских советских газетах, в определенной степени позволяющие судить о культурных и духовных запросах революционных масс:

а) «Весело и радостно в клубе имени товарища Троцкого. Большой зал бывшего Гарнизонного Собрания, где раньше ютилась свора генералов [здесь и далее курсив И.А. Бунина], сейчас переполнен красногвардейцами. Особенно удачен был последний концерт. Сначала исполнен был «Интернационал», затем товарищ Кронкарди, вызывая интерес и удовольствие слушателей, подражал лаю собаки, визгу цыпленка, пению соловья и других животных, вплоть до пресловутой свиньи...» [Бунин 1990 а: 137];

б) Из «Одесского коммуниста»:

«Зарежем штыками мы алчную гидру,

Тогда заживём веселей!

Если не так, то всплывут они скоро,

Оживут во мгновение ока,

Как паразит, начнет эта свора

Жить на счет нашего сока...»

[Бунин 1990 а: 143].

Предисловие «Азбука коммунизма»

Предисловие «Азбука коммунизма» должно быть, по нашему замыслу, первоначальным учебником коммунистической грамоты. Повседневный опыт пропагандистов и агитаторов убедил нас, что в таком «учебнике» ощущается громадная потребность. К нам подходят все новые и новые ряды. Лекторских сил крайне мало, а руководств нет даже для таких учреждений, как партийные школы. Старая марксистская литература, вроде «Эрфуртской Программы», явно не годится в значительной части, а ответы на новые вопросы очень трудно найти: все это разбросано по отдельным журналам, книжкам и брошюрам. Существующий пробел мы и решили восполнить. На нашу «Азбуку» мы смотрим как на элементарный курс, который нужно проходить в партийных школах; но мы старались его написать так, чтобы его мог и самостоятельно прочесть всякий рабочий или крестьянин, желающий познакомиться с программой нашей партии. Каждый товарищ, взявший в руку книжку, должен прочесть ее до конца, чтобы вынести представление о целях и задачах коммунизма. Ибо книжка написана так, что изложение расположено в том же порядке, как и в самом тексте программы. В конце, для удобства читателей, приложен и этот текст, который разделен на параграфы; каждому параграфу программы соответствуют несколько разъясняющих параграфов книжки, которые тут же обозначены. Для разного рода справок имеется указатель, по которому легко разыскать нужное слово. Основные сведения напечатаны обычным шрифтом; мелким шрифтом напечатаны более подробные разъяснения, примеры, цифры и т.д. Это преимущественно материал для товарищей-рабочих, которым приходится выступать самим и которым некогда и негде навести быстро справку фактического характера. Для тех, кто желает идти дальше, указана основная литература к каждой главе. Авторы отлично знают, что в книге будет много недостатков; она писалась урывками, «между делом». Коммунистам приходится вообще заниматься литератур-

ной работой при условиях не совсем обычных, и в этом отношении как раз данная книжка представляет любопытный образец: рукопись едва не погибла (вместе с обоими авторами) при взрыве в Московском Комитете... Но, несмотря на недостатки книги, мы считаем все же необходимым выпустить ее в свет самым быстрым порядком. Мы только просили бы товарищей сделать нам свои указания, которые подскажет им практика. Вся теоретическая (первая) часть, начало второй, а также главы о советской власти, об организации промышленности и здравоохранении написаны Бухариным, остальные главы – Преображенским. Но само собою разумеется, что мы оба несем полную ответственность друг за друга. Название нашей книжки («Азбука») вытекает из той задачи, которую мы себе ставили. Если наша книжка поможет начинающим товарищам и рабочим-пропагандистам, мы будем считать, что проделали эту работу не зря.

15-го октября 1919 г.
Н. БУХАРИН, Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Вопросы для самоподготовки

1. Почему Н. Бухарин и Е. Преображенский назвали свою книгу «Азбука коммунизма»?
2. Какие черты, судя по приведенному предисловию, сближают эту книгу с азбукой в исконном смысле последнего слова?
3. Какой практический эффект от данной книги предполагается её авторами?

Веселая азбука про всё на свете

Аист с нами прожил лето,
А зимой гостил он где-то.

Бегемот разинул рот:
Булки просит бегемот.

Воробей просил ворону
Вызвать волка к телефону.

Гриб растёт среди дорожки, —
Голова на тонкой ножке.

Дятел жил в дупле пустом,
Дуб долбил, как долотом.

Ель на ёжика похожа:
Ёж в иголках, ёлка – тоже.

Жук упал и встать не может.
Ждёт он, кто ему поможет.

Звёзды видели мы днем
За рекою, над Кремлем...

Иней лег на ветви ели,
Иглы за ночь побелели.

Кот ловил мышей и крыс.
Кролик лист капустный грыз.

Лодки по морю плывут,
Люди веслами гребут.

Мёд в лесу медведь нашел, —
Мало мёду, много пчел.

Носорог бодает рогом.
Не шутите с носорогом!

Ослик был сегодня зол:
Он узнал, что он осел.

Панцирь носит черепаха,
Прячет голову от страха.

Роет землю серый крот —
Разоряет огород.

Спит спокойно старый слон —
Стоя спать умеет он.

Таракан живет за печкой, —
То-то теплое местечко!

Ученик учил уроки —
У него в чернилах щеки.

Флот плывет к родной земле.
Флаг на каждом корабле.

Ходит по лесу хорек,
Хищный маленький зверек.

Цапля, важная, носатая,
Целый день стоит, как статуя.

Часовщик, прищулив глаз,
Чинит часики для нас.

Школьник, школьник, ты силач:
Шар земной несешь, как мяч!

Щеткой чищу я щенка,
Щекочу ему бока.

Эта кнопка и шнурок —
Электрический звонок.

Юнга – будущий матрос —
Южных рыбок нам привез.

Ягод нет кислее клюквы.
Я на память знаю буквы.

[Маршак 1981: 78–80]

Вопросы для самоподготовки

1. Какому главному принципу (см. определение понятия «алфавит») подчинено построение данного текста?
2. Насколько удачно подобраны примеры слов, начинающихся с соответствующих букв?
3. В какой степени возможно графическое иллюстрирование (то есть с помощью рисунков) каждого из заглавных слов этой азбуки?

Редьярд Джозеф Киплинг

Как было написано первое письмо

Давным-давно, ещё в Каменном веке, жил да был один человек. Был он человек первобытный, жил в пещере и носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел – да и не хотелось ему ни читать, ни писать, – и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек-ноги-которого-никогда-не-спешат, но мы, милый мальчик, будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Женщина-

которая-задаёт-слишком-много-вопросов, но мы, милый мальчик, будем звать её просто Тешумай, чтобы было короче. И была у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлепать-за-то-что-она-такая-шалунья, но я буду называть её просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы.

Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и бывало, они оба до той поры не вернутся в пещеру, покуда им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

– Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь, милый мальчик, слушай меня, и слушай внимательно!

Как-то раз Тегумай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду карпов. Таффи пошла вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконечником из акульих зубов. И только что он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой – далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копия у Тегумая не было. Запасное копьё он забыл захватить.

– Рыба так и кишит, – сказал он, – а на починку копия у меня уйдёт целый день.

– У тебя же есть другое копьё! – сказала Таффи. – Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегая в пещеру и попрошу его у мамы?

– Куда тебе бежать такую даль! – сказал Тегумай. – Это не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасная: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены оленьи жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, кусочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копьё. Таффи тоже уселась невдалеке от него, спусти-

ла ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала-думала изо всех своих сил. Потом она сказала отцу:

– По-моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтоб нам прислали другое копьё!

– Таффи, – сказал Тегумай, – сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочь. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копьё.

– Поди сюда, – сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу. – Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», потому что он был, как ты знаешь, теварец.

– Глупый! – сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда отец не может запустить в них копьём.

– Не приставай к старшим, – сказал Тегумай не оглядываясь; он был так занят починкой копья, что даже не взглянул на Незнакомца.

– Я не пристаю, – ответила Таффи. – Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

– Тогда не надоедай м н е, – сказал Тегумай и, забрав в рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы.

А Незнакомец (он был самый настоящий теварец) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец.

Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания».

Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

– Так вот, – сказала Таффи. – Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому что у тебя ноги длиннее моих и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копье. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот величавый вождь, Человек-который-поворачивается-спиной-к-своим-гостям, разозлится». Он встал,

содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как береста, и что он никому не желает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

– О, – сказала она, – понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

Незнакомец (а он был теварец) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акулиных зубов.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акулины зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не распух и не лопнул. А тот величавый вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картинку. Она сказала:

– Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

А теперь я нарисую другое копьё, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок бересты маловат.

Вот копьё, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьём. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красивцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердишься?

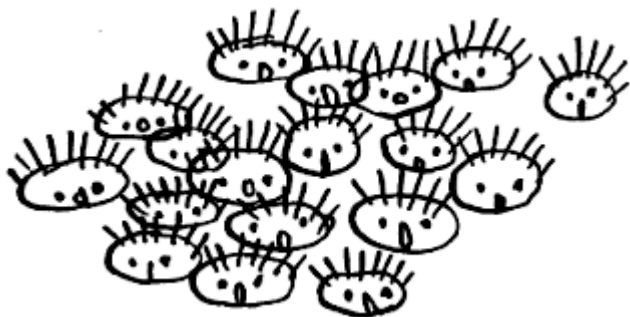

Незнакомец (а он был теварец) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок, который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе он не сидел бы ко мне спиной».

– Гляди, – сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок. – Теперь я нарисовала тебя. Я помещу то копьё, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живёт моя мама. Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти деревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и увидишь, когда пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай если ты забудешь, я нарисовала снаружи то копьё, которое нужно папе.

На самом деле оно внутри, но ты покажи картинку маме, и мама даст тебе это копьё. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) поглядел на картинку и очень часто закивал головой. Он сказал себе: «Если я не приведу племя этого великого вождя ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручения. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке бересту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

– Что это ты делала, Таффи? – спросил Тегумай.

Он починил копье и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

– Это мой секрет, милый папочка, – ответила Таффи. – Если ты не станешь расспрашивать меня, ты скоро узнаешь, в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь себе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

– Ладно, – сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец (знаешь ли ты, что он был т е в а р е ц?) всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль, и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в гости на доисторический завтрак. Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец – самый настоящий теварец – вежливо улыбнулся и вручил Тешумай бересту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь, и все шестеро уселись на него рядком, а Тешумай принялась вырывать у него из головы целые пучки волос.

– Всё очень понятно и просто, – сказала она. – Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьями и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими злодействами. Смотрите, – и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце, – вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копьё, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копьё, а вот другой человек, бросающий в него копьё из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается сзади к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

– Ужасно! – согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (что очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами. За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы – и все они в один голос решили: отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был теварец) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проволокли его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём; они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и хотя их язык был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что они ругают его самыми злыми ругательствами. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегумайское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

– Быстро же ты воротился! – воскликнула Таффи. – Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

– Очень, – сказал Тегумай. – Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми своими соседками. Они крепко вцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны грязью (хотя он и был теварец). За ними шёл главный вождь со своим заместителем, потом министры и помощники вождя (вооружённые до верхних зубов), гетманы, сотники, негусы, воеводы со своими тыловыми отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними бежало всё племя, испуская такие ужасные вопли, которые разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров – не меньше.

Это очень рассердило Тегумая, и он покрыл прибежавших людей самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Тевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трясти его с бешеной яростью.

– Говори! Говори! Говори! – закричало всё тегумайское племя.

– Что за чепуха! – сказал Тегумай. – Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копьё, как вот уже набрасывается всё его племя и начинает дубасить его! И кто дал вам право соваться в чужие дела?

– А ты так-таки и не принёс папиного чёрного копьё! – сказала Таффи. – И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбегали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

– Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? – спросила Тешумай.

– Никаких тут не было злодеев! – отвечал Тегумай. – Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы бьёте сейчас. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

– Он принёс нам страшную картинку, – ответил главный вождь. – На картинке ты весь с головы до пят утыкан стрелами.

Тут заговорила Таффи:

– М... м... м... Сказать по правде... это я дала ему картинку...

Ей было очень неловко.

– Ты?! – закричало всё тегумайское племя. – Девочка-которую-нужно-хорошенько-от-шлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья?! Ты?!

– Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся довольно круто... – проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

– Говори! Говори! Говори! – сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

– Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копье, вот я и нарисовала копье, – пояснила Таффи. – Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, будто оно протыкает папину спину, это всё оттого, что кора очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, это просто мои бобы. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он

должен пойти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, теварец); потом засмеялся Тегумай, и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя, – оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– О Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-ты-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

– Никакого открытия не хотела я сделать, – ответила Таффи. – Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копьё.

– Всё равно! Это – великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его умением писать. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках – вы сами видели – не всегда можно разобраться как следует. Иногда выходит самая дикая путаница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать – и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

– Вот будет хорошо! – сказала Таффи. – Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копья, какие только есть у тегумайского племени, но позабыли принести одно-единственное – чёрное копьё моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

– В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко.

После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий теварец). Племя усыновило его, потому что он оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепляли всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы – совсем как Таффи.

Издательский дом: Детгиз

Год издания: 1956

Аннотация:

Сказка Р. Киплинга о том, как было написано первое письмо, в переводе К.И. Чуковского. Рисунки В. Дувидова.

Вопросы для самоподготовки

1. Почему Тегумаю «не хотелось ни читать, ни писать»?
2. По какой причине Таффи и Тегумай приходят к мысли о пользе письменности?
3. Почему цитируемый автор постоянно упоминает о принадлежности Незнакомца к «дальному племени Тевара»?
4. Насколько применимы в межличностном общении невербальные способы и средства коммуникации?
5. Как в попытках контакта между речекоммуникантами – Таффи и Незнакомцем – проявляются особенности конкретных национальных ментальностей и языковых картин мира (см. [Васильев 2017: 23–36])?
6. В чём состоят основные недостатки пиктографии как способа передачи и хранения информации?

До революции на том месте, где сейчас столица суверенной Каралукской республики, был небольшой казачий поселок Сторожевой. Кочевавшие окрест каралуки изредка навевывались туда, так сказать, в целях натурального обмена. В конце 20-х поблизости от Лассалья (так переименовали поселок после революции, в честь знаменитого революционера) нашли ценнейшие полезные ископаемые и вскоре начали возводить единственный в своем роде химический комбинат. Строителей понаехало со всей страны – тысячи, и поселок очень скоро превратился в город. Задумали первые трубы. Каралуки иной раз подкочевывали сюда, чтобы с выгодой продать строителям пастушеские припасы.

Занимались они в основном кочевым животноводством и любили рассказывать за чашей пенного кумыса легенду о том, как Чингисхан, стоя в здешней степи лагерем, чрезвычайно хвалил качество местного кумыса и девушек, трепетных, как юные верблюдицы. Каралуки были поголовно безграмотные по той простой причине, что своего алфавита они так и не завели. Во время гражданской войны английский резидент майор Пампкин составил, правда, на основе латиницы какой-то алфавитишко, но тут пришел Фрунзе со своими красными дивизиями, Пампкина перебросили в Китай – на том дело и кончилось. Так и остались каралуки до поры до времени неграмотными скотоводами, и комбинат называли промеж себя «юрта шайтана».

Во время войны в Мехлис (так к тому времени переименовали город, в честь главного редактора газеты «Правда») эвакуировали оборудование сразу с нескольких взорванных при отступлении химзаводов, сюда же перебросили получивших бронь от фронта специалистов-химиков с семьями. И как-то так само собой получилось, что во всем бескрайнем СССР не осталось больше ни одного завода, производящего селитру, кроме мехлисского. Доложили Сталину. Тот постоял перед картой в задумчивости, пыхнул несколько раз трубкой и молвил:

– Мехлис – столица большой химии! СССР – дружная семья народов. Будущее социализма – это кооперация и координация! А что там каралуки?

– Кочуют, Иосиф Виссарионович!

– Хватит уж, покочевали. Учить их будем, приобщать к социалистической культуре! Вот только Гитлеру шею свернем...

Так возник гигантский производственный комплекс, а в жизни кочующих каралуков наметились великие перемены. Дымил заводище. Народ прибывал и прибывал со всех концов страны. После Победы вокруг «юрты шайтана» понастроили больницы, школ, домов культуры, детских садов. В это же время первые каралуки вернулись из Москвы в шляпах и пиджаках, к широким лацканам которых были привинчены синие вузовские ромбики. А в начале 60-х в Степногорске (так переименовали город после разоблачения культа личности) открыли педагогический институт. Юрия Арсеньевича, молодого выпускника философского факультета МГУ, вызвали в райком и торжественно вручили комсомольскую путевку: мол, надо поднимать братьев наших меньших на высоты современного знания! Наука в республике только зачиналась, специалистов было мало, и Юрия Арсеньевича включили в группу филологов, которым было поручено разработать каралукский алфавит. Конечно, главная работа легла на головы столичных лингвистов и представителей нарождающейся местной интеллигенции, но как-то так вышло, что именно Юрий Арсеньевич придумал специальную букву для обозначения уникального каралукского звука, напоминающего тот, который издает европеец, прокашливая от мокроты горло.

Учиться, правда, каралукская молодежь особенно не хотела, предпочитая вольное кочевье, и Юрий Арсеньевич вместе с представителями нарождающейся национальной интеллигенции ездил по стойбищам и уговаривал родителей отдавать детей в интернаты. В одном месте им сказали, что есть очень толковый мальчик, он выучился говорить по-русски, слушая радио. Приехали забирать и не могли найти – родители спрятали ребенка под ворохом шкур.

Наконец нашли... Мальчик действительно оказался смысленный. Звали его довольно замысловато, и по-русски это звучало примерно так: Гарцующий На Белой Кобыле.

И всё шло хорошо. Даже замечательно, пока не пришел Горбачев. А ведь как поначалу радовались перестройке! Хочешь

на лекции про Ницше говорить – пожалуйста! Хочешь семинар по Кьеркегору вести – обсеминарся! Никто тебя в обком не вызовет, никто на собрании песочить не будет. Свобода! Юрий Арсеньевич решительно вышел из КПСС и вступил в партию кадетов. А его зять тем временем организовывал Каралукский национальный фронт. Фронт, едва образовавшись, тут же провел небольшой, но шумный митинг-голодовку с требованием: «Национальной республике – национального лидера!».

В Москве посовещались, убрали первого секретаря обкома, происходившего из ярославских крестьян, и прислали настоящего природного каралука, родившегося в Москве, окончившего Высшую партшколу и работавшего прежде инструктором отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС. Родители его перебрались в Москву еще перед войной, и по весьма неожиданной причине. В 40-м в столице проводился всесоюзный фестиваль «В братской семье народов», и каждая республика присылала для показа в ЦПКО им. Горького свою семейную пару, одетую в национальные костюмы. Почему каралукская пара по окончании фестиваля не воротилась в родные степи, история умалчивает.

Новый первый секретарь сразу же на собрании степногорской интеллигенции сообщил под гром аплодисментов, что он интернационалист и важнее дружбы народов для него вообще ничего на свете нет. Вскоре русские исчезали со всех сколько-нибудь приличных должностей. И ректором пединститута, и главврачом больницы стали каралуки. Юрия Арсеньевича не тронули только потому, что его зять был каралук, к тому же из рода Белой Кобылы, к коему, как выяснилось, принадлежал и новый первый секретарь. Но жить становилось все труднее. Выяснилось, что русские ничего, кроме вреда, коренному населению не принесли: во-первых, построили проклятую «юрту шайтана», отравившую пастбища своими ядовитыми дымами, во-вторых, разрушили уникальный образ жизни скотоводов, в-третьих, навязали свой реакционный алфавит вместо прогрессивного алфавита майора Пампкина – и таким подлейшим образом отрезали Каралукскую республику от всего прогрессивного человечества. Более того, собственный зять Юрия Арсеньевича, ставший к тому времени советником первого секретаря

(впоследствии первого президента республики), разработал доктрину, согласно которой Каралукское ханство было одним из важнейших улусов Великой Империи Чингизидов, а в настоящее время является единственной ее исторической наследницей. И главная геополитическая миссия каралуков заключается именно в восстановлении империи от Алтая до Кавказа.

[Поляков 2006: 159–161].

Вопросы для самоподготовки

1. Какой период советской эпохи описывается в первом абзаце отрывка?
2. Как характеризуется социокультурное состояние каралуков во втором абзаце?
3. Каким образом в Каралукии создавались кадры местной интеллигенции?
4. Кем был разработан первый научно обоснованный и общедоступный каралукский алфавит?
5. Какие процессы стали происходить в Каралукской республике с началом «перестройки»?
6. Почему местными властями стала насаждаться переоценка алфавита, изобретенного майором Пампкином?

ЗНАК	ЗВУК	ЗНАК	ЗВУК
а	сам, яблоко [jáбл'къ]	й	ягода [jáг'дъ], сара́й
о	сом, самолёт [с'эмал'óт]		[сарáй], сараем [сарáйм].
э	э́тот, шерсть, ле́то		пла́тье [плáт'ь]
	[л'э́т'ь], е́сть [jэ́с'т']	к	ко́т, утю́г [ут'у́г]
и	би́ть, и́гла	к'	ки́т [к'ит]
ы	бы́ть, ши́ло, ды́ра	л	гдаго́д
у	уго́л, клюю́т [кл'у́ют]	л'	со́ль, пляска [пл'áскъ]
л	самолёт [с'эмал'óт],	м	мо́л, ло́м
	трава [травá]	м'	ме́л [м'эл]
и ^е	бежа́ть [б'и ^е жа́ть],	н	но́чь, сто́н
	лягушка [л'и ^е гу́шкъ],	н'	наде́нь, не́т [н'эт]
	ча́сы [ч'и ^е сá]	п	пто́ц, бо́б [боц]
ы ^э	жела́ть [жы ^э ла́т']	п'	сы́нь, печь [п'эч'],
ъ	го́лова [г'л'ава́],		ря́зь [р'ац'].
	самолёто́м [с'эмал'óт'ым],	р	ро́т, хор
	ше́лестеть [ш'эл'и ^е с'т'э́т']	р'	дверь, ри́ск [р'иск]
ь	переда́чами [п'э́р'и ^е дáч'ьм'ь]	с	сто, насо́с
	выкля́нчу [вы́кл'ьн'ч'у]	с'	весь, лезь [л'эс'],
б	бо́б [боп]		секу́нда [с'и ^е кúндъ]
б'	в тру́бе [ф'труб'э́]	т	топо́т, пру́д [прут]
в	тра́ва	т'	се́ть, бу́дь [буц'],
в'	вече́р [в'э́т'эр]		те́нь [т'эн']
г	но́га	ф	фотогра́ф, вы́зов [выз'ф]
г'	утю́ги [ут'у́г'и]	ф'	фи́льтр [ф'ил'тр],
д	дро́ва		моркóвь [марк'б'ф']
д'	ди́ск [д'иск]	х	хо́д, горо́х
ж	жа́р	х'	в горо́хе [в'глр'ох'ь]
з	зло, сбавь [збаф']	ц	оте́ц, ци́ферблат
з'	зе́мля [з'и ^е мл'á]	ч	ча́с, ме́ч, но́чь
		ш	шуба, ду́ш, морж [морш]
		щ'	ще́ка, извозчи́к [изво́щ'ьк]

РУССКИЙ ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ. Ученые-языковеды разработали алфавит, приведенный в этой таблице. В левом столбце стоят знаки, обозначающие звуки русского языка, в правом – слова, в которых они встречаются. Буквы, представляющие эти звуки, подчеркнуты. Для некоторых слов в квадратных скобках дается запись их произношения при помощи знаков фонетического алфавита – **фонетическая запись**. Апостроф означает мягкость согласного. Знак *j* обозначает полугласный, который на конце слова и перед согласной передают буквой *Й*, в начале слова и между гласными – с помощью букв *Я*, *Е*, *Ё*, *Ю*, между согласной и гласной – «разделительным» *Ь*. Под ударением в русских словах могут быть шесть различных гласных: *А*, *О*, *Э*, *И*, *Ы*, *У*. В безударных слогах *А*, *О*, *Э* обычно превращаются в другие гласные. В **первом предударном слоге** (т. е. когда ударение падает на следующий слог: ТРАВА) после твердого согласного вместо *А*, *О* произносится звук *Λ*, средний между *А* и *О*, вместо *Э* – звук *Ы'*, средний между *Ы* и *Э*, после мягкого согласного или *j* – звук *И°* (ВЕЛЮ [В«И°Л«У]). В остальных безударных слогах *А*, *О*, *Э* после твердого согласного заменяются на неясный гласный звук *Ъ*, а после мягкого – на гласный *Ь* (тоже неясный): ЛЯГУШАТАМ [ЛЪГУ-ШАТЪМ].

[Фолсом 1974: 18]

Вопросы для самоподготовки

1. Каким научно-лингвистическим термином называется данная система записи звуков?
2. В каких сферах деятельности и с какими целями применяется эта система?
3. Какими терминами в языкознании обозначаются звуки речи, названные в приведенном комментарии просто «гласными» – и «неясными гласными»?

С.И. КАРЦЕВСКИЙ
Новая орфография
(«Русская школа за рубежом». Кн. 1. Прага, 1923. С. 2–7.)

Публика попроще до сих пор убеждена, что новая орфография есть одно из дьявольских изобретений большевизма, почему и заслуживает всяческого осуждения. Люди более сведущие знают, конечно, что это не так и что новое правописание является правописанием академическим, но их огорчает то обстоятельство, что большевики тоже пользуются новой орфографией: им хотелось бы отмежеваться от большевиков хотя бы путем восстановления **Ъ** и **Ь**. Подобное соображение свидетельствует о том, что его авторы не лишены известного юмора, но рассматривать его здесь мы, конечно, не будем.

Существует еще одна категория противников академической реформы, которые находят, что новое правописание «безобразно». Одним из них **Ь** дорого эстетически, они любят говорить о его «готической» заостренности или же уподоблять его русской часовенке с крестом на коньке; другие привязаны к традиции «векового» русского правописания; есть и такие критики, кто считают научные основы новой орфографии недостаточно продуманными.

Эстетичность правописания – вещь условная и всецело сводится к привычке: нашим детям гротовская орфография будет казаться такой же старомодной, как кринолины и тюнноры наших прабабушек. Традиция была уже столько раз насилвана и Петром Великим, и Ломоносовым, и Гротом, что лучше было бы к этому аргументу не прибегать и согласиться, что, если орфографической традиции надлежало ещё раз пострадать, то нельзя было избрать для этого лучшего момента, как наше время – время всеобщей ломки бытовых устоев. Остается ещё одно возражение: может быть, и не было никаких оснований отказываться от старого правописания? Рассмотрению этого вопроса мы и посвятим наш очерк и постараемся показать, что академическая реформа покоится на продуманных научных основаниях.

Предварительно несколько слов об истории реформы.

В архивах Академии Наук хранился с 1902 г. проект реформы правописания; он был гораздо более радикален, чем теперешняя новая орфография, поэтому он оставался под спудом. <...> В июле 1917 г. проф. Мануйлов (тогда министр народного просвещения во Временном правительстве) ввел новое правописание во всех школах с тою оговоркою, что учащиеся старших классов могли продолжать пользоваться старой орфографией. Следующий министр народного просвещения акад. С.Ф. Ольденбург подтвердил циркуляр своего предшественника. С осени 1917 г. занятия во всех школах начались по «мануйлице», как была окрещена новая орфография. Декреты Луначарского и Совнаркома ... явились одним из звеньев долгой цепи усилий, направленных к реформированию русского правописания. Вне школы, в печати, особенно в повседневной прессе, реформа прививалась весьма туго, вернее, совсем не прививалась: вплоть до закрытия «буржуазных» газет летом 1918 г. вся периодическая печать придерживалась старой орфографии. Большевики по различным причинам, рассмотрение которых не входит в наши задачи, и самыми различными способами, не стесняясь в средствах, провели академическую реформу в жизнь. В настоящее время в России количество изданий, печатающихся по-старинному, прямо ничтожно. Новое правописание стало фактом. Напротив, зарубежная русская печать и зарубежные русские школы придерживаются, за редчайшим исключением, старой орфографии.

То обстоятельство, что в умах обывателей новое правописание отождествлялось с «большевицким», помешало его основательному усвоению, и теперь, когда под давлением самой жизни начинают прибегать к новой орфографии и её прежние противники, они нередко искажают академическую реформу и изобретают свои собственные «новые орфографии». Так, например, пишут: мыш, лож, теч, остеречся, обжечся без ь; пишут чорный, обчолся, шол. Впрочем, сами большевики внесли изменения в опубликованные проф. Мануйловым правила: выбросили ь из середины слова и стали писать об'яснить, в'езд вм. объяснить, въезд. <...>

Каково отношение реформированной орфографии к русской фонологической (звуковой) системе и к русской грамматике?

Буквы **ѣ** и **е** уже много лет, как соответствуют одному и тому же звуку, ср. бывшее в ходу двойное написание *лекарь* и *лѣкарь*, *хмель* и *хмѣль*, *копейка* и *копѣйка*.

О букве **ѳ** двух мнений, конечно, быть не может, тем более, что ею никто почти и не пользовался.

Буква **і** заменена буквой **и** как более часто встречающейся и употребляемой с тою же значимостью и у других славянских народов, которые пользуются кириллицей.

Буква **ѣ** на конце слова указывала на твердость предыдущего согласного, сама же никакого звука не обозначала; устранение её дает значительную экономию в типографском отношении – 4 % набора (иначе говоря, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона до 3-х томов занято твердым знаком). После мягких согласных **ч** и **щ** в сущ. **ѣ** служил внешним обозначением мужск. рода, подобно тому как **ь** в существительных после твердых согласных **ж** и **ш** обозначал женск.: *лучѣ*, *плащѣ*, но *мышь*, *рожь*. <.. > Нет никаких оснований заменять **ѣ** в середине слова апострофом, хотя бы уже по той причине, что нужно сохранить апостроф для иностранных слов, таких как *д'Арк*, *д'Эстурнель*, *о'Коннор* и т.п. <...>.

Прилагательные давно уже не различают родов в живом языке. Поддерживать искусственное различие *красные* и *красныя* только вредно, ибо тем искажается наше представление о родном языке.

Точно так же различие Вин. и Родит. падежа *её* и *ея* – вещь искусственная и вместе с тем пагубная, ибо под влиянием начертания многие русские и на самом деле начинают выговаривать *ея* и тем, с одной стороны, портят русский язык, а с другой – излишне способствуют всё большему обособлению литературного языка от народного. То же самое нужно сказать о форме *онѣ* и *однѣ*, в живом языке давно уже не существующих.

Сложнее вопрос с окончаниями Род. пад. *-ого* и *-его*. В действительности, окончание *-ого* существует только под ударением, напр. *молодого*, *злого* (и то оно произносится *-ова*); в других случаях, согласно закону редукции гласных, неударяемая гласная

редуцируется и допускает различные варианты, на передачу которых могла бы претендовать только разве фонетическая транскрипция. Речь шла, стало быть, о том, чтобы создать, так сказать, «типическое» начертание. Академия наук совершенно правильно признала таковым ударяемое окончание (ср. другие падежи: молодому, старому, горькому); в прилагательных же с так называемым «мягким» окончанием парадигмы склонений были также типизированы (ср. синему, нашему, свежему и т.д.).

Приставки *воз-*, *из-*, *низ-*, *раз-* и прежде писались через *с* перед глухими согласными, но из числа последних почему-то было сделано исключение для *с*. Теперь это исправлено. Кроме того, включены в общее правило и две остальные приставки наз: *без-* и *чрез-*.

Разрешая пишущему самому определять степень слиянности в его сознании таких наречий, как впоследствии, втечение и в случае, если для нашего сознания они допускают разложение на составные элементы, писать их отдельно: в течение и др. Академия наук проявила чрезвычайно много такта и уважения к живому языку, за что ей можно быть только благодарным.

Если бы в нашем распоряжении находилось достаточно времени и места, мы сочли бы необходимым изложить хотя бы вкратце основные черты, которыми характеризуется отношение между русским написанием и русской фонологической системой: движение звонких и глухих согласных, редуцирование неударяемых гласных, обозначение смягчения согласных, обозначение звука [j] и т.д. Тогда читателю стало бы ясным, что новая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского написания; русский алфавит как **система** ничуть не пострадал. Широкой публике, может быть, и неизвестно, что лингвисты считают кириллицу одним из самых совершенных орудий письменности, но Академия, конечно, хорошо это знает.

О «ненаучности» и «безграмотности» новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные. Считать реформированное правописание «безобразным», «неэстетичным» – дело вкуса и привычки. Переход с одного правописания на другое, конечно, требует разрыва с традицией. Сказать ли, что сам акад. А.А. Шахматов так до конца жизни и писал по-старому?!

Но миллионы детей и миллионы простых людей, которым нет возможности тратить годы и годы на усвоение хитроумных написаний, не связанные привычкой, свободные от «политики», смогут с меньшими усилиями приобщиться к русской и мировой культуре. Всё дело в том, чтобы суметь разумно использовать освобождающуюся энергию. Но это уж дело воспитателей и правителей.

[Григорьева 2004: 446–448]

Вопросы для самопроверки

1. Почему автор возражает против попыток приписать орфографическую реформу 1917 г. исключительно большевикам?
2. Почему, с точки зрения автора, момент для введения нового правописания оказался удачным?
3. Какие произносительные особенности живой устной речи приводит автор для обоснования орфографических изменений?
4. Как оценивает автор достоинства кириллицы?
5. Почему автор склонен не принимать в расчет эстетический аспект правописания?
6. В чём автор видит главное положительное следствие орфографической реформы 1917 г.?

Банан и Сидараф

– Какое правление в Турции?

– Э... э... турецкое!

*«Экзамен на чин» –
рассказ А. П. Чехова*

I

Дело происходило в прошлом году. 15 человек на одной из станций Ю. в. ж. д. – закончили 2-месячный курс школы ликвидации безграмотности и явились на экзамен.

– Нуте-с, начнем, – сказал главный экзаменатор и, ткнув пальцем в газету, добавил: – Это что написано?

Вопрошаемый шмыгнул носом, бойко шнырнул глазом по крупным знакомым буквам, подчеркнутыми жирной чертой, полюбовался на рисунок художника Аксельрода и ответил хитро и весело:

– «Гудок»!

– Здóрово, – ответил радостно экзаменатор и, указывая на начало статьи, напечатанной средним шрифтом, и, хитро прищурив глазки, спросил:

– А это?

На лице у экзаменуемого ясно напечатались средним шрифтом два слова: «Это хуже...».

Пот выступил у него на лбу, и он начал:

– Бе-а-ба, не-а-на. Так что банан!

– Э... Нет, это не банан, – опечалился экзаменатор, – а Багдад. Ну, впрочем, за 2 месяца лучше требовать и нельзя. Удовлетворительно! Следующего даешь. Писать умеешь?

– Как вам сказать, – бойко ответил второй, – в ведомости только умею, а без ведомости не могу.

– Как это так «в ведомости»?

– На жалованье, фамилие.

– Угу... Ну, хорошо. Годится. Следующий! М... хм... Что такое МОПР?

Спрашиваемый замялся.

– Говори, не бойся, друг. Ну...

– МОПР?.. Гм... председатель.

Экзаменаторы позеленели.

– Чего председатель?

– Забыл, – ответил вопрошаемый.

Главного экзаменатора хватил паралич, и следующие вопросы задавал второй экзаменатор:

– А Луначарский?

Экзаменующийся поглядел в потолок и ответил:

– Луна... чар...ский? Кхе... Который в Москве...

– Что ж он там делает?

– Бог его знает, – простодушно ответил экзаменующийся.

– Ну, иди, иди, голубчик, – в ужасе забормотал экзаменатор, – ставлю четыре с минусом.

II

Прошел год. И окончившие забыли всё, чему выучились. И про Луначарского, и про банан, и про Багдад, и даже фамилию разучились писать в ведомости. Помнили только одно слово «Гудок», и то потому, что всем прекрасно, даже неграмотным, была знакома виньетка и крупные заголовочные буквы, каждый день приезжающие в местком из Москвы

III

На эту тему разговорились как-то раз рабкор с профуполномоченным. Рабкор ужасался.

– Ведь это же чудовищно, товарищ, – говорил, – да разве можно так учить людей? Ведь это же насмешка! Пёр человек какую-то околесину на экзамене, в ведомости пишет какое-то слово: «Сидараф», корову через ять, и ему выдают удостоверение, что он грамотный!

Профуполномоченный растерялся и опечалился.

– Так-то оно так.. Да ведь что ж делать-то?

– Как что делать? – возмутился рабкор – Переучивать их надо заново!

– Да ведь что за два месяца сделаешь? – спросил профполномоченный.

– Значит, не два, а четыре нужно учить или шесть, или сколько там нужно. Нельзя же, в самом деле, выпускать людей и морочить им головы, уверяя, что он грамотный, когда он на самом деле как был безграмотный, так и остался! Разве я не верно говорю?

– Верно, – слезливо ответил профуполномоченный и скис. Крыть ему было нечем.

[Булгаков 1989, 2 :499-501]

Вопросы для самоподготовки

1. Какой широкомасштабной кампании, инициированной и проведенной советской властью, посвящен этот рассказ?
2. Исходя из содержания вопросов «экзаменаторов», охарактеризуйте главные направления кампании.
3. Какие негативные черты кампании стали объектом критики со стороны автора?

Проект Главнауки (1930 г.)

1. Установить в качестве отделительного знака только один, именно *Ъ*. Писать: *съезд, объявление, субъект, конъюнктура, трехъярусный, пью, шью, ружье* <...>.

2. Не писать *Ъ* после шипящих в следующих грамматических категориях: *доч, вещь, рож, навзнич, настезж, сплош, стрич, реж, режете, еш, еште, моеш, моешься* <...>.

3. После *Ж, Ч, Ш, Щ* и *Ц* ударяемое *О* писать через букву *О*: *пчолка, чорный, щоки, шолк, жорнов, жолтый, лжот, жоны, шол, шопот, облицовка, но пчела, чернетъ, щека, желтетъ, жена, шептатъ* и т. д. <...>.

4. После *Ж, Ш, Ц* писать *Ы* вместо *И*: *жырный, лежыт, шыть, нашы, соцыализм, революцыя, цырк, пишыте*. Однако после *ЖЖ* и *ЗЖ* в случае их мягкого произношения писать *И*, напр.: *приезжий, дрожжи, жуужжит*, но: *разжырел, разжылся* <...>.

5. Удвоенные согласные писать лишь в следующих случаях:

а) при встрече одинаковых букв в корнях и приставках (русских, а из иностранных в приставке *контр*-): *поддержка, тепель, рассказ, контрреволюция*, но: *деревяный, соломенный, взволнованный, русский, Одеса, комиссия, искусство, коммунист, класовый, оппозиция, Ана, тона, Мюлер*.

б) в случае долгого *Ж* и *С* в корне: *жуужжать, ссора*, а также в глаголах на *-ся*: *спасся, сросся* <...>.

6. В П. п. ед. ч. имен существительных, оканчивающихся на *ье*, писать *ье*: *в Поволжье, в ущелье, в ученье* <...>.

7. Во всех существительных ж. р. на *ня* в Р. п. мн. ч. надо писать *Ъ*: *дынь, яблонь, деревень, кухонь, басень, вишень, спалень, сотень, боень* <...>.

8. а) в окончаниях существительных с суффиксами, заключающими в себе *ШК* и *Щ*, писать *А*, если эти существительные муж. или жен. рода, а если они ср. рода, то писать *О* или, соответственно, *Е*: *бабушка, дедушка, хлебушка, ручишка, котишка, дворишка, ручища, котища, дворища, перишко, пальтишко, болотище*;

б) в словах ср. рода вместо суффикса *-иц* писать *-ец*: *платьеце, именьеце*, как *ружьецо* (т. е. независимо от места ударения); вместо суффикса *-ышк* писать *-ушк*: *перушко, солнушко, гнездушко*.

в) в окончаниях слов муж. рода типа «запевала» писать *А*: *запевала, кутила, громила, подавала* и т.п. <...>

9. В Р. п. ед. ч. имен прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, писать окончания *-ово, -ево* вместо *-ого, -его*: *портово, доброво, синево, чево, ево, идущеве* <...>

10. В Им. и Вин. пад. мн. ч. прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, установить окончания *-ьи, -иш*, вместо *-ые, -ие*: *добрыи, синиш, идущиш, портныи, мастеровыи, животныи* <...>

11. Все сложные прилагательные писать в одно слово без черточки: *фабричнозаводской, сельскохозяйственный, бледнорозовый, трехаршинный, московскоказанская ж. д., Нижневолжский* <...>

12. Личные окончания глаголов и окончания причастий наст. вр., если на них нет ударения, писать единообразно: *-ишь, -ит, -им, -ите, -ут (-ют), -ущий, -ющий, -имый*: *делаишь* и т. д. – *делают, дышишь* и т. д. – *дышат, любишь* и т. д. – *любят, боришься* и т. д. – *борются, строишь* и т. д. – *строят, роишь* и т. д. – *роют, возишь* и т. д. – *возют, делаемый, дышущий, борющийся, строящийся, забываемый* <...>

13. Наречия, состоящие из соединения предлогов с другими частями речи, писать в одно слово без черточки: *налево, подряд, порусски, постарому, помоему, впервые, впору*, а также слова: *втечение, вследствие, впродолжение* <...>

14. а) писать *не* с прилагательными и причастиями вместе также в том случае, когда при прилагательном или причастии стоят зависящие от них слова: *эта болезнь ни для кого неопасна; нескошенная крестьянская трава; он ушел никем незамеченный; никому неприятно; никому неприятный; никуда негодный; никуда негодно; ни о чем незнающий; ни в чем дурном незамеченный*.

б) в глаголах: *не хватает, не достает* согласно общему правилу *не* следует писать отдельно <...>

в) *ни* употребляется только как усиливающаяся частичка:

1) при данном (или подразумеваемом) отрицании она усиливает отрицательный смысл, находясь при отдельном слове или при перечисляемых словах: *ни косточкой нигде не мог я поживиться; казак не хочет отдохнуть ни в чистом поле, ни в дубраве, ни при опасной переправе; на улице ни зги (не видно); без проказ ни на час (не останется);*

2) при утвердительном сказуемом она усиливает положительный смысл (в выражениях *кто ни* = всякий; *куда ни* = всюду; *когда ни* = всегда; *как ни* = всячески и т.д.): *сколько ни бился, ничего не добился; куда ни посмотрю, повсюду рожь густая <...>;*

15. а) приставки *анти-, ультра-, контр-, экс-* и т. п. писать вместе с последующими словами: *антиалкогольный, ультрафиолетовый, контрреволюция* и др.

б) *пол-* в значении «половина» (т. е. в сочетании с Р. п. существительного) писать всегда с дефисом: *пол-яблока, пол-лимона, пол-сотни, пол-магазина, пол-Европы*; но *полдень, полночь*.

в) частицы *бы, ли, же, то,нибудь, кое, таки, ка* и др. писать всегда с дефисом: *кто-либо, дай-ка, кое-что, что-нибудь, видал-ли, хотел-бы, он-же молчал, что-бы ты ответил? <...>*

16. Установить единое написание слов, в которых допускалось двойное, например: *итти – идти, калач – колач, мачиха – ма-чеха, ватрушка – вотрушка, январский – январьский* и мн. др. <...>

17. а) с большой буквы писать:

1) начало речи; 2) после точки, а также знаков вопроса и восклицания, заканчивающих фразу, после двоеточия, указывающего на перечисление, если члены этого перечисления состоят из цельных фраз, требующих каждая после себя точки; 3) собственные имена, отчества, фамилии и прозвища (без всяких исключений); 4) первое слово чужой речи после двоеточия; 5) первое слово в сложных собственных названиях: *Союз советских социалистических республик, Совет народных комиссаров, Красная армия, Рязанский отдел народного образования <...>*

б) с малой буквы писать:

1) все прилагательные, образованные от имен собственных: *московские заводы, пушкинские стихи, ванькино письмо, гомерово-*

ва эпоха; 2) все сокращенные слова, не являющиеся собственными именами: *рик, вуз, окроно*; 3) «вы», «ваши», «вас» – во всех случаях; 4) названия должностей и титулов: *комиссар, директор* и др.

в) в сокращенных словах, образованных из первых букв собственных слов, все буквы пишутся большими: *СТО, ГИЗ, ВСНХ*<...>

18. Писать в ср. р. ед. ч. и в наречии «всё» с двумя точками на Ё в отличие от мн.ч. «все»: *всё для детей, все на работу, он всё спит.*

19. Допустить свободный перенос слов, причем буквы *Ь* и *Й* не отделяются от предшествующей буквы: *к-уст, ку-ст, кус-т, воз-раст, возра-ст, вой-на, ма-льчик, маль-чик*<...>

20. Не писать *Ь* в окончании неопределенной формы глаголов на *-ться*: *он хотел учиться* и т.д. <...>

Кроме того, комиссия не приняла некоторые предложения к упрощению: 1) В окончании прилагательных муж. р. писать *-ой, -ей* вместо *-ый, -ий*: *доброй, синей* <...>

2) Приставки *из-, воз-, раз-, без-, чрез-* писать этимологически, то есть всегда с *З*.

3) Приставку *С-* писать фонетически, то есть перед звонкими писать *З*: *зделать, збить, згореть* <...>.

ОБРАЗЕЦ НОВЕЙШЕГО ПРАВОПИСАНИЯ

Осени впечатления в деревне

Солнушко с каждым днем греит слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого пения; в помертвелых лугах не полюбуишься пестрым разнообразием трав и цветов; с полей уже давно убрали рож и яровые хлеба и повсюду, куда ни взглянешь, торчит лиш соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестано льется дождь и превращает улицу в лужи, полные черной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляют легки деревянные ворота с визгом из стороны в сторону. Сквозь густой туман, который сплошь застилает деревню и ее окрестности, едва различишь ветхий избушки.

Въезжаем в деревню. На улице – полнейшее безлюдье. Все бегут, кто куда можыт, лиш бы укрытсья от этово осенево. Продрогышы куры приютилсья под навесом сараев, голову под тепленькии крылушки. Воробьи забились в мягкии гнездушки. Угрюмы дворяжки также свернулись и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

Опубликовано в: Проект Главнауки о новом правописании / Сост. Н. Кременский и В. Мамонов; под ред. Г. Данилова и Г. Костенко. М., 1930. 92 с.

[Григорьева 2004:296-299]

Вопросы для самоподготовки

1. В чем состояло основное направление совокупности предложений, содержащихся в данном «проекте», с лингвистической точки зрения?
2. Не наблюдается ли противоречий между отдельными нововведениями?
3. В какой степени авторы «проекта» учитывали опыт и результаты внедрения орфографической реформы 1917 г.?
4. Почему (предположительно) авторы «проекта», вероятно, считали его «прогрессивным»?

**Предложения по усовершенствованию
русской орфографии (1964 г.)**

**I. НОВЫЕ ПРАВИЛА
(СРАВНИТЕЛЬНО СО СВОДОМ ПРАВИЛ 1956 г.)**

1. ОСТАВИТЬ ОДИН РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК – Ь

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В разделительной функции употребляется только *Ь*: *подъезд, объявление, волеизъявление, адъютант, дизъюнкция, конъюнктура, вью, ружье, ночью, лисье, чья* и т.д. Разделительный знак не пишется в образованиях с элементами *сверх-, меж-, двух-, трех-, четырех-, пан-, транс-, конр-: сверхъестественный, межъарусный, трансевропейский, паневропейский, трехъарусный*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 70. Буква *Ь* пишется только перед *Е, Ю, Я* в следующих случаях:

1. При сочетании приставки, оканчивающейся на согласную, и корня, например: *подъезд, объем, сверхъестественный, волеизъявление, межъарусный*.

2. В сложных словах после числительных *двух-, трех-, четырех-*, например: *трехъарусный*.

3. В иноязычных словах после иноязычных приставок *аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-, контр-, об-, суб-, транс-* и после начальной составной частицы *пан-*, например: *адъютант, дизъюнкция, инъекция, интеръекционный, конъюнктура, контръарус, объект, субъект, трансевропейский, панъевропейский*.

§71. Буква *Ь* пишется внутри слова не после приставок для отделения в произношении согласной от следующих за нею *И, Е, Ю, Я*, например: *карьер, вьон, бурьян, подьячий, семья, ружье, ночью, рожью, воробьиный, курьезный, лисье, лисью, лисьи, чья, чье, чью, пью, шью*.

Действующее правило (писать *Ь* для обозначения *Ь* после приставок, а в остальных случаях *Ь*) сложно, так как во многих

случаях в современном языке трудно вычленить приставку (*отъявленный, объятия, съемка, изъясниться* и т.д.).

Предлагаемое новшество (в разделительной функции употреблять только *Ь*) не приведет к искажению произношения, так как в настоящее время согласные перед йотом (как в тех случаях, где пишется *Ь*, так и в тех случаях, где пишется *Ъ*, например, *вьюга, въехал*) произносятся и твердо и мягко, а в отдельных словах с *Ъ*, типа *адъютант*, мягкое произношение даже преобладает.

Предложение не писать *Ь* после *пан-, сверх-, транс-* и т.д. основано на том, что в указанных элементах конечный согласный произносится с совершенно стабильной твердостью и написание *Ь* после них будет провоцировать мягкое произношение: *пан-ньяпонский, трансъевропейский*. Написание без разделительного знака уже существует в сложносокращенных словах типа *детясли, комячейка*.

2. ПОСЛЕ Ц ПИСАТЬ ВСЕГДА И

НОВЫЕ ПРАВИЛА

После *Ц* не пишется *Ь*, а пишется *И*, например: *цыган, циркуль, огурцы, бледнолицый, сестрицын*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 2. После *Ц* буква *Ь* пишется в окончаниях и суффиксе *-ЫН*. Например: *птицы, овцы, огурцы, белолицый, сестрицын, Лисицын*, а также в словах *цыган, цыпленок, на цыпочках, цыц* (междометие) и в других словах того же корня. В остальных случаях после *Ц* пишется всегда *И*, например: *станция, цибик, цинновка, цимбалы, цинк, медицина*.

По правилам 1956 г. в корне слова после *Ц* всегда пишется *И* (*цикуль, цирк, революция* и др.), кроме слов *цыган, цыпленок, цыц* и *на цыпочках*. Нет никакой необходимости оставлять на письме эти исключения.

ЦЫ в корнях и *ЦИ* во флексиях во всех отношениях тождественны. Единственное возражение против введения *ЦЫ* во флексиях заключается в том, что буквосочетание *Ц+Ь* частотно, привычно, изменение его кажется нежелательным. Однако внутренняя логика построения русской графики требует принятия

написания *ЦИ* и решительного отвержения написания *ЦЫ*. После всех остальных согласных непарных по твердости-мягкости (*Ж, Ш, Ч, Щ*) пишется *И*, а не *Ы* (*жир, ширина, чистый, щит*). Это обусловлено тем, что обозначать твердость или мягкость согласных, которые всегда только тверды или только мягки, нет необходимости. Если после *Ц* всегда писать *Ы* (например *революция, цивилизация*), то есть передавать на письме твердость *Ц*, то нужно так же писать *ножы, грошы, скажы*, т. е. передавать твердость, *Ж, Ш*, а после *Ч, Щ* писать *И* (*чистый, щит*). Но если проводить фонетический принцип, то следует ввести написания *чя, чю, щя, щю* (при *жа, жу, ша, шу*). Этого требует последовательность в построении русской графики: допустив фонетические написания в одном случае, мы обязаны распространить их и на другие, иначе правило о написании *ЦЫ* окажется изолированным от других и будет противоречить другим правилам.

Написание *ЦИ* не повлияет на произношение слов, так же как не вызвали мягкого произношения *Ц* написания *цифра, цирк, цинк, революция* и др.

Предлагаемое написание позволит заменить действующее в настоящее время сложное правило простым: после *Ж, Ш, Ч, Щ* не пишутся буквы *Я, Ю, Ё, Ы*, а пишутся *А, У, О, Е, И* (т. е. основные гласные буквы).

3. ПОСЛЕ Ж, Ч, Ш, Щ, Ц ПИСАТЬ ПОД УДАРЕНИЕМ О, БЕЗ УДАРЕНИЯ –Е

НОВЫЕ ПРАВИЛА

После шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) и *Ц* под ударением пишется *О*, без ударения *Е*: *жолтый, жолудь, шов, цоки, чорный, цоколь, плечом, пращой, медвежонок, ручонка, смешон, течот, окружонный, жжот, свежо, горячо, но: желтеть, желудей, щека, чернеть, плачем, рощей, плачет, выжжженный, ярче.*

Примечание:

1. Слово *ещё* пишется с *Е(Ё)* независимо от того, находится ли оно под ударением или нет.

2. Некоторые заимствованные слова (*жокей, жонглер, шокировать, шоссе, шофер* и др.) пишутся с буквой *О*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 4. А. Если после Ж, Ч, Ш, Щ под ударением произносится О, то буква О пишется:

1. В окончаниях имен существительных и прилагательных, например: *плечо, ножом, шалашом, плечом, Фомичом, плащом, межой, возжой, душой, свечой, пращой, чужой, большой*.

2. В суффиксах:

а) имен существительных:

-ОК, например: *рожек, петушок, крючок, борщок*;

-ОНОК, например: *медвежонок, мышонок, галчонок, бочонок*;

-ОНК-А, например: *книжонка, рубашонка, ручонка, также деньжонки*;

б) имен прилагательных:

-ОВ-, например, *ежовый, грошовый, парчовый, холицовый*;

-ОН- (с беглым -О-), например: *смешон*;

в) наречий, например: *свежо, горячо, общо*.

3. В Род. пад. мн. ч. на -ОК, -ОН имен существительных, например: *кишок, княжон*.

4. В словах (и в производных от них): *обжора, крыжовник, жом, трещотка, трущоба, чокаться, чопорный, Печора, шов, шорох, шоры*; в именах существительных: *изжога, ожог, поджог* (ср. написание с -ЕГ в прошедшем времени глаголов: *изжег, ожег, поджег*); также в некоторых областных и просторечных словах, например: *жолкнуть, зажора* (и *зажор*), *жох, ужо* (в значении «потом», «после»), *вечор* (вчера вечером), *чох* (например, в выражении «не верит ни в сон, ни в чох»), наречие *чохом*.

Примечание. Иноязычные слова пишутся согласно произношению, например: *крюшон, мажор, шомпол – шомпола, Чосер* (фамилия), но: *жест, планшет*.

Б. Во всех прочих случаях после Ж, Ч, Ш, Щ под ударением пишется буква Е, хотя и произносится О, а именно:

1. В глагольных окончаниях -ЕШЬ, -ЕТ, -ЕМ, -ЕТЕ, например: *лжешь, лжет* и т.д., *печешь, печет* и т.д.

2. В глагольном суффиксе -ЕВЫВА-, например, *затушевывать, перекочевывать, затушевывание, перекочевывание*.

3. В суффиксе отглагольных сущ-ных -ЕВК-, например: *перекочевка, размежевка*.

4. В суффиксе существительных -ер-, например: *дирижер, ретушер, стажер, ухажер*.

5. В суффиксе причастий страдательного залога -ЕНН- (-ЕН-) и в словах, образованных от таких причастий, например: *напряженный, напряжен, напряженность, напряженно; отрешенный, отрешенность; размягченный, размягченность; упрощенный, упрощенность; ученый, ученость; толченный; жжженный, жжженка*.

6. В словах, в корне которых под ударением произносится О, чередующееся с Е в других формах или в других словах того же корня, например: *желтый (желтеть), жесткий (жестковатый), жернов (жернова), желудь (желудей), жердочка (жердей); дешевый, дешева (дешеветь), шелк (шелковистый), шерстка (шерстяной), решетка, решетчатый (решето), кошелка (кошелёк), шепот (шептать), челн (челнок), челка (чело), черт (чертей), черный (чернота), чет (нечет), чечетка (чечет), отчет, счет (вычет, вычесть), черточка (черта), печенка (печень), бечевка (бечева); щетка (щетина), щелкать (щелчок), пощечина, щеки (щека); в корнях глагольных форм: сжег, поджег, сжегший, поджегший (сжечь, поджечь), шел (шедший), разжевывать (разжевать)*.

7. В предложном падеже местоимения *что: о чем, на чем*, а также в словах *причем, нипочем*. (Правила § 4, равно как и все другие, не распространяются на фамилии: они пишутся в соответствии с написанием в официальных личных документах). § 5. В русских словах в неударяемых слогах после Ж, Ч, Ш, Щ буква О не пишется, например: *горошек* (ср. *петушок*), *сторожем* (ср. *чижом*), *большого* (ср. *большого*), *рыжего* (ср. *чужого*).

В иноязычных словах допускается буква О и в слогах неударяемых, например: *жокей, шоколад*.

Существующие в настоящее время правила написания О, Е после шипящих имеют целый ряд недостатков:

1) во-первых, они противоречат всем остальным правилам русского письма: ударное написание проверяется безударным

(*желтый – желтеть, желудь – желудей* и др.), тогда как по общему правилу безударные гласные проверяются ударными;

2) во-вторых, создаются затруднения в случаях *сжимать – жом, разжевать – разжеван*; правописание Е-О после шипящих оказывается связанным с различением Е-И в безударной позиции;

3) в-третьих, чтобы написать правильно данное слово, надо вспомнить все однокоренные слова.

В действительности это приводит к тому, что слова с О, Е после шипящих надо просто заучивать наизусть.

Предложение писать после шипящих под ударением О, без ударения Е (*жолтый, жолудь, цокот, плечом, пращой, медвежник, течот, окруженный, горячо, но желтеть, желудей, чернеть, плачем, рощей, горошек, выжженный, ярче*) заменяет 14 правил, которые даны в Своде 1956 г., изживает все исключения и дает полную унификацию.

Академия педагогических наук по договоренности с Институтом русского языка поставила некоторые опыты в городских и сельских школах, позволяющие сделать ряд выводов относительно предлагаемого правила. Эксперименты, проведенные среди учащихся разного возраста, показали, что предлагаемые новые написания не представляют трудности для усвоения. Специально проведенными подсчетами установлено, что написания, которые подлежат изменению, не обладают значительной частотностью в тексте. Наиболее частотное слово *ещё*, встречающееся как под ударением, так и без ударения, оставлено без изменения.

4. ПОСЛЕ Ж, Ч, Ш, Щ НЕ ПИСАТЬ Ъ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

После шипящих (Ж, Ч, Ш, Щ) буква Ъ не пишется, например: *доч, мыш, рож, стреч, вытеч, читаеш, отреж, спрячя, намаж, назнач, лиш, сплош, навзнич* и т.д.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 75. После шипящих (Ж, Ч, Ш, Щ) буква Ъ пишется только в следующих случаях:

1. На конце существительных женского рода в им. и вин. пад. ед. ч., например: *рожь, ночь, мышь*.

2. В окончании 2-го лица настоящего и будущего времени глагола после конечного Ш, например *несешь – несешься, носишь – носишься, примешь – примешься*.

3. На конце глагола в ед. ч. повелительного наклонения, причем буква Ъ сохраняется и перед *-ся*, например: *мажь – мажься; спрячь – спрячься*.

4. Во множ. ч. повелительного наклонения перед *-те, -тесь*, например, *мажьте -мажьтесь; спрячьте – спрячьтесь; ешьте*.

5. На конце глагола в неопределенной форме, причем буква Ъ пишется и перед *-ся*, например: *стричь, стричься*.

6. Во всех наречиях после конечных Ш и Ч, например: *сплошь, скачь, прочь*, а также в наречии *настежь*.

7. На конце частиц: *вишь, бишь, лишь, ишь*.

До реформы 1918 г. каждое слово должно было оканчиваться или гласной буквой или буквами Ъ и Ь. Такое положение распространялось и на шипящие. Отмена Ъ в конце слова упростила написания *ножь, грошь* и пр., написания же с Ь в конце слов остались.

Предложение отменить Ъ после шипящих логически вытекало из отмены Ь в конце слов, оно и было выдвинуто еще в Орфографической комиссии 1904 г. Противники этого предложения считают, что Ъ нужно оставить как сигнал грамматических форм у существительных 3-го склонения (*ночь, дочь, мышь*), в инфинитивах и повелительном наклонении (*беречь, отрежь, намажь*). Но такой сигнал совершенно не нужен. В случаях типа *дверь, кость* или в формах повелительного наклонения *вынь, гладь, жарь* буква Ъ пишется не для того, чтобы сигнализировать о грамматической форме, а для того, чтобы указать на мягкость конечной согласной (т. к. в русском языке есть твердые и мягкие Р, Т, Н, Д). В случаях же *ночь, рожь, мышь*, как и в формах повелительного наклонения *спрячь, отрежь, намажь*, необходимости в букве Ъ нет, так как Ч, Щ, Ж,

Ш не различаются по твердости-мягкости (Ч, Щ – всегда мягки, а Ш и Ж – всегда тверды). Соображение, что отмена Ъ в словах *ночь, рожь, мышь* затруднит изучение русского языка иностранцами, тоже несостоятельно. Иностранцы должны из-

учить парадигму *ноч – ночью, рож – рожью – ржи*, или запомнить сочетания *моя доч*, чтобы верно употреблять эти слова (подобно тому, как русские, изучая французский или немецкий языки, запоминают сочетания артикля с существительным).

5. ОТМЕНИТЬ ЧЕРЕДОВАНИЯ В КОРНЯХ ЗАР-ЗОР, РАСТ-РОСТ, ГАР-ГОР, ПЛАВ-ПЛОВ И Т. Д.

НОВЫЕ ПРАВИЛА

1. В корнях *зор-*, *рас(т)-* -*рос(т)-*, *равн-* -*ровн-*, *гар-* – *гор-*, *плав-*, *рост-*, *плав-*, *гар-*, *лог-*, *мок-* гласная в безударном положении пишется в соответствии с ее написанием под ударением, например: *зоря*, *зорница*, *зоровой (зори)*, *рости*, *ростение*, *возрост (рост)*, *мокать (мок)*, *предлогать*, *предпологать (предлог)*, *плавец*, *плавчиха (плавать)*, *загареть*, *загарелый (загар)*.

2. В корнях -*клон-/клан-*, -*скок-/скак-*, -*кос-/кас-* без ударения пишется О (*поклониться*, *вскочить*, *косаться*).

3. В корнях -*равн-/ровн-* разные гласные пишутся в зависимости от значения: корень *равн-* в словах, которые связываются по значению с *равный* (одинаковый); корень *ровн-* – с *ровный*.

4. В глагольных корнях гласные И и Е чередуются: *сжигать – сжечь*, *постилать – постелю*, *расстилать – расстелю* и т. п.; *раздирать – раздери*, *удирать – удери* и т. п.; *оттирать – оттереть*, *умирать – умереть*, *избирать – избери*; *вычитать – вычести*; *сидеть – сести*; *блистать – блещет*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 13. Следует различать гласные Л и О в корнях -*зар-* -*зор-*, *рас(т)-* -*рос(т)-*, *равн-* -*ровн-*, *гар-* -*гор-*, *плав-* -*плов-*:

1. Корень *зар-* пишется в словах: *заря*, *зарница*, *озарять* (под ударением *заревое*, *лучезарный*) и во всех образованных от них словах (*озарение* и др.); корень *зар-* запишется под ударением в отдельных словах и формах: *зорька*, *зоренька*, *зорюшка*, *зори*, *зорь*, *зорю* (*бить*, *играть зорю*).

2. Корень -*рас(т)-* пишется в глаголах: *расти*, *растить*, *вырастать*, *наращать* и т. п. и во всех образованных от них словах, например: *растение*, *произрастание*, *ращение*, *сращение*, *возраст* и т. п., а также в слове *отрасль*; корень *рос(т)-* пишет-

ся в прошедшем времени и в причастии прошедшего времени от *расти*, например: *рос, росла, росло, росший, вырос, выросший* и т. п., а также в словах *заросль, поросль, водоросль, недоросль, росток* и в образованных от них словах.

3. Корень *равн-* пишется преимущественно в словах, которые связываются по значению с равный («одинаковый»), например: *равномерный, равнозначный, сравнить, равнение, равняться*), *поравняться, все равно*; корень *ровн-* пишется преимущественно в словах, которые связываются по значению с *ровный* («гладкий», «прямой»), например: *ровнять, сровнять* и т. п., *уровень*; в слове *равнина* пишется А.

4. Корень *гар-* пишется под ударением, например: *загар, нагар*, а также в словах *изгарать, выгарки*; корень *гар-* пишется в остальных случаях, например: *загорелый, нагореть*.

5. Корень *плав-* пишется во всех случаях, кроме слов: *пловец, пловчиха, пловуны*. Чередование А и О находим также в глаголах *скакать – выскочить, кланяться – поклониться, касаться – коснуться, предлагать – предложить, излагать – изложить* и т. п., а также *макать – мочить* и в образованных от них словах: *скакун –выскачка, касательство – прикосновение, облагание – обложение* и др. § 14. Чередование И и Е находим в следующих глаголах: *сжигать – сжечь, выжигать – выжечь* и т. п.; *постилать – постелю, расстилать – расстелю* и т.п.; *раздирать – раздери, удирать – удери* и т.п.; *отпирать – отпереть, запирасть – запереть* и т. п.; *стирать – стереть, растирать – растереть* и т. п.; *умирать – умереть, помирать – помереть, замирать – замереть* и т. п.; *избирать – избери; прибирать – прибери* и т. п.; *вычитывать – вычести, прочитать – прочести* и т. п.; *сидеть – сесть*, а также *блистать – блестеть*.

Предлагаемое правило подводит трудный для усвоения раздел Свода под общее правило русского письма: безударный гласный проверять ударным (*росту – рос, плавец – плавать, зоря – зори, загарать – загар...*). Предлагается также сохранить единство в написании корня в тех случаях, когда есть 2 ударных образца для проверки (*поклон –кланяться, скачет – вскочит*) или когда ударный образец отсутствует (*касаться – коснуться*). В этих слу-

чаях Комиссией выбирался из двух письменных вариантов тот, введение которого в качестве единственного вызовет наименьшую ломку традиций.

Чередование Е–И в глагольных корнях Комиссия решила оставить. Исходила она из того, что написания эти привычны, а глагольные корни очень употребительны, частотны. Ломка привычных навыков затруднила бы чтение. Кроме того, действующие написания не противоречат основному принципу нашего письма.

6. ВМЕСТО ДВУХ СУФФИКСОВ -ИНСКИЙ И -ЕНСКИЙ ПИСАТЬ ТОЛЬКО -ИНСКИЙ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В прилагательных, образованных от географических названий, всегда пишется суффикс *-инск-*, например: *пензинский*, *преснинский*, *фрунзинский* и т. п.; *-енск-* пишется только в тех случаях, когда *-ен-* не входит в суффикс прилагательного: *коломенский* (*Коломна*), *ровенский* (*Ровно*), *песоченский* (*Песочня*) и т. п.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 29. Прилагательные, оканчивающиеся на неударяемые *-инский* или *-енский*, группируются по написанию следующим образом:

1. Прилагательные оканчиваются на *-инский*:

а) если от соответствующих существительных употребительно притяжательное прилагательное на *ин-*, например: *сестринский* (*сестра – сестрин*), *Мариинский* (*Мария – Мариин*), *Аннинский* (*Анна – Аннин*), *Саввинский* (*Савва – Саввин*);

б) если они образованы от географических названий (склоняемых и несклоняемых), оканчивающихся на *-и (-ы)*, например: *грязинский* (*Грязи*), *мытищинский* (*Мытищи*), *химкинский* (*Химки*), *сочинский* (*Сочи*), *топкинский* (*Топки*), *талсинский* (*Талсы*);

в) если они образованы от географических названий, оканчивающихся на *-а (-я)*, например: *жиздринский* (*Жиздра*), *ялтинский* (*Ялта*), *охтинский* (*Охта*), *ронгинский* (*Ронга*), *балашихинский* (*Балашиха*), *ельнинский* (*Ельня*).

Примечание. Некоторые прилагательные, образованные от существительных на *-а (-я)*, в соответствии с прочно устано-

вившейся традицией, сохраняют написание с *-енский*, например: *пресненский* (*Пресня*), *пензенский* (*Пенза*).

2. Прилагательные оканчиваются на *-енский*, если они принадлежат к другим *словообразовательным* типам, например, *грозненский* (*Грозный*), *городищенский* (*Городище*), *зареченский* (*Заречье*), *фрунзенский* (*Фрунзе*), *коломенский* (*Коломна*), *песоченский* (*Песочня*), *горшеченский* (*Горшечное*). (В последних трех примерах прилагательные содержат в своем составе беглое *e* и суффикс *-ск-*).

Для двоякой орфографической передачи данного суффикса нет никаких оснований. Под ударением он выступает только в виде *-инск-*: *алмаатинский*, *карагандинский*, *туапсинский* и т. д. Передача его как *-енск-* — дань традиции.

7. ВМЕСТО ДВУХ СУФФИКСОВ *-ЕЦ-* И *-ИЦ-* ПИСАТЬ ТОЛЬКО *-ИЦ-*

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В существительных среднего рода пишется только суффикс *-ец-*: *пальтецо*, *платьеце*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 18. Следует различать суффиксы существительных *-ец-* и *-иц-*... В существительных среднего рода пишется *-ец-*, если ударение стоит после суффикса, и *-иц-*, если ударение предшествует суффиксу, например: *пальтецо*, но: *платьице*.

Двоякая орфографическая передача данного суффикса ничем не оправдана.

8. ОТМЕНИТЬ ДВОЙНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В иноязычных словах удвоенные согласные не пишутся, например: *иригация*, *коррозия*, *асимиляция*, *дисимиляция*, *теннис*.

Удвоенные согласные пишутся только в словах: *ванна*, *гамма*, *сумма*. (Список слов еще не окончательный).

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 68. Написание двойных согласных в иноязычных словах определяется в словарном порядке, например: *иригация*, *корро-*

зия, кассация, эксцесс, эссенция, но: афиша, литера, официальный, офорт, рапорт.

В результате проведенной работы (статистически обработано записанное произношение слов с удвоенными согласными в заимствованных словах) выяснилось, что большинство слов типа *дифференциация, аннексия* произносятся с кратким, не удвоенным согласным. Учитывалось и то, что во всех славянских орфографических системах (*украинской, белорусской, польской, чешской, сербской, болгарской*) удвоение согласных в заимствованных словах не воспроизводится – это относится и к терминологической лексике.

Принято предложение писать удвоенные согласные только тогда, когда это написание отражает живой, современный состав слова. Список слов, у которых остается написание двойных согласных, небольшой: *ванна, гамма, сумма* и др. (В Своде правил он будет уточнен).

9. УПРОСТИТЬ НАПИСАНИЕ Н- НН В ПРИЧАСТИЯХ. НОВЫЕ ПРАВИЛА

В приставочных причастиях пишется *НН* (*израненный, написанный, перегруженный*), в бесприставочных – *Н* (*раненый в руку, написанные маслом картины, груженная кирпичем машина*).

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 62. Двойное *Н* пишется в страдательных причастиях прошедшего времени, например: *читанные на торжественном заседании доклады; боец, раненный вражеской пулей; колхоз, организованный в 1930 году; усиленный двумя ротами отряд; депутаты, избранные в Верховный Совет.*

§ 63. Двойное *Н* пишется во всех прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени (или по их типу), если эти прилагательные имеют приставки либо оканчиваются на *-ованный, -еванный* (кроме *жеванный* и *кованный*), например: *больному назначено усиленное питание, вышел том избранных сочинений Пушкина, возвышенный стиль, вписанный треугольник, выдержанное вино, доверенный человек, умеренный климат, изысканные манеры, отвлеченный вопрос, рас-*

сеянный ученик, поношенное платье, подержанные книги, заплаканное лицо, заржавленный ключ, рискованный шаг, балованный ребенок, корчеванный участок.

По существующим правилам написание *НН* и *Н* в причастиях ставится в зависимость от наличия или отсутствия 1) пояснительных слов, 2) приставки. Первое правило трудно (ср.: груженная машина – груженная кирпичом машина). Различение же приставочных и бесприставочных образований особых затруднений не вызывает.

10. СОЧЕТАНИЕ ПОЛ- (ПОЛОВИНА) С ПОСЛЕДУЮЩИМ РОД. ПАДЕЖОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ИЛИ ПОРЯДКОВОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ПИСАТЬ ВСЕГДА ЧЕРЕЗ ДЕФИС

НОВЫЕ ПРАВИЛА

ПОЛ- (половина) с последующим родительным падежом существительного или порядкового числительного (обозначающего время, час) пишется всегда через дефис, например: *полметра, пол-лимона, пол-очка, пол-Москвы, пол-восьмого, пол-одиннадцатого.*

ПРАВИЛА 1956 г.

§. 79. Пишутся через дефис:

ПОЛ- (половина) с последующим родительным падежом существительного, если существительное начинается с гласной буквы или согласной *Л*, например: *пол-оборота, пол-яблока, пол-лимона*, но: *полметра, полчаса, полкомнаты*; через дефис пишутся также сочетания *пол-* с последующим именем собственным, например: *пол-Москвы, пол-Европы*. Слова, начинающиеся с *полу-*, всегда пишутся слитно, например: *в полуверсте от города, полустанок, полукруг.*

Существующее правило писать *ПОЛ-* через дефис, если существительное начинается с гласной или *Л*, а также если *ПОЛ-* предшествует имени собственному, в остальных случаях слитно – сложно. Новое правило унифицирует все случаи написания *пол-*.

11. СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, НАЧИНАЮЩИЕСЯ С ЭЛЕМЕНТОВ *ВИЦЕ-*, *УНТЕР-*, *ОБЕР-*, *ЭКС-*, *ЛЕЙБ-*, *ШТАБ-*, ПИСАТЬ СЛИТНО

НОВЫЕ ПРАВИЛА

Пишутся слитно слова с приставками (включая *вне-*, *после-*, *сверх-*, *а-*, *анти-*, *архи-*, *инфра-*, *контр-*, *ультра-*, *экс-* и др.), а также с начальными составными частями *пан-*, *квази-*, *псевдо-*, *вице-*, *лейб-*, *обер-*, *унтер-*, *штаб-* и др., например: *панамериканизм*, *эксчемпион*, *экспрезидент*, *унтерофицер*, *лейбгвардия*, *вицепрезидент*, *штабквартира*, *оберкондуктор*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§76. Пишутся слитно: 1... 2. Слова с приставками (включая *вне-*, *после-*, *сверх-*, *а-*, *анти-*, *архи-*, *инфра-*, *контр-*, *ультра-* и др.), а также с начальными составными частями *пан-*, *квази-*, *псевдо-* и др., например: *довоенный*, *внеплановый*, *подотдел*, *аморальный*, *сверхприбыль*, *архинелепый*, *инфракрасный*, *контрудар*, *ультрафиолетовый*, *междуведомственный*, *панамериканизм*, *квазиученый*, *псевдоклассический*.

§. 79. Пишутся через дефис:

13. Слова, первой составной частью которых являются иноязычные элементы *обер-*, *унтер-*, *лейб-*, *штаб-*, *вице-* *экс-*, например: *обер-мастер*, *унтер-офицер*, *лейб-медик*, *штаб-квартира*, *вице-президент*, *экс-чемпион*.

Преимущество слитного написания существительных с перечисленными элементами в сравнении с существующим их дефисным написанием заключается в том, что устраняются исключения в правилах орфографии: языковые единицы, не употребляющиеся самостоятельно в языке, всегда пишутся слитно. Элементы *обер-*, *вице-*, *лейб-* и др. (так же, как и *квази-*, *пан-* и др.) самостоятельно в языке не употребляются или употребляются окказионально и поэтому их следует писать слитно (ср. слитное написание этих элементов в других славянских языках), унифицируется также слитное написание существительных с первым элементом *штаб-* и *унтер-*. Под общее правило писать слитно приставки подводится и написание существительных с приставкой *экс-*.

12. ПИСАТЬ ВСЕ ЧАСТИЦЫ РАЗДЕЛЬНО

НОВЫЕ ПРАВИЛА

Пишутся раздельно все частицы, за исключением случаев, когда они входят в состав целых слов (*чтобы, также*), например: *бы (б), ли (ль), же (ж), вот, кто-нибудь, где-либо, скажи ка, кто-то, да-с.*

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 86. Пишутся через дефис:

3. Слова с частицами *кое-, кой-, -ка, -либо, -нибудь, -то, -тка, -с, -де*, например: *кое-что, кое-кто, кое-какой, кой-куда, кто-нибудь, кто-либо, кто-то, давай-ка, как-нибудь, как-либо, как-то, ну-тка, да-с.*

Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную (Пушкин). Примечание 1. Местоимения *кое-кто* и *кое-что* при сочетании с предлогами пишутся раздельно (в три слова), например: *кое у кого, кое в чем*. Местоимение *кое-какой* при сочетании с предлогом пишется в три слова: *кое с какими* или в два: *с кое-какими*. Примечание 2. Частица *таки* пишется через дефис в составе слов *все-таки, так-таки* и некоторых других, а также в тех случаях, когда она следует за глаголом, например: *Узнал-таки меня?* Во всех остальных случаях частица пишется отдельно, например: *Я таки думаю кое-что* (М. Горький). *И все ж таки я тебя не понимаю.*

§ 87. Пишутся раздельно:

1. Частицы *бы (б), ли (ль), же (ж-)*, за исключением случаев, когда они входят в состав цельных слов, как указано в § 85, п. 4.

Согласно существующим правилам орфографии все частицы пишутся раздельно. В виде исключения через дефис пишутся частицы *кое- (кой-), -то, -либо, -нибудь, -таки, -ка, -тка, -де, -с*, принадлежащие к различным разрядам частиц (формобразующие, словообразовательные и относящиеся к отдельному слову или содержанию всего предложения). Отказ от дефисного написания унифицирует раздельное написание всех частиц.

13. ДОПУСТИТЬ ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ НАПИСАНИЯ ФЛЕКСИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В передаче Предл. пад. существительных мужского рода на *ИИ*, среднего рода на *ИЕ* и Дат.-Предл. пад. существительного женского рода на *ИЯ* допустить вариативность, например: *о Василии* – *о насилие, на линии, к линии* – *на линиие, к линиие, о здании* – *о здание*, в остальных случаях пишется только *Е*, например: *о клее, в платье, к Марье, о Марье, о счастье*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 40. В существительных мужского и среднего рода в Предл. пад. и в существительных женского рода на *-А(-Я)* в Дат. и Предл. пад. ед. ч. пишется в неударяемом положении *И* только в том случае, если ему предшествует тоже *И*, например: *о гении, о Киш, в «Виш»*, *по реке Биш, в отделении, по возвращении, при содействии, к Мариш, о Мариш*; в остальных случаях в неударяемом положении пишется *Е*, например: *о клее, в платье, в ущелье, в устье, в Закавказье, на взморье, на перепутье, к Марье, о Марье, о счастье*.

Этого предложения не было в предварительном проекте Института русского языка. Предполагалось, что оно касается слишком частотных флексий и поэтому вызвало бы слишком большую ломку привычных написаний. Однако после обсуждения Комиссия сочла возможным включить в число своих предложений это новое правило, чтобы узнать, насколько приемлемым оно окажется для широких слоев пишущих.

Написание окончания *Е* в дательном и предложном падежах существительных I склонения и в предложном падеже существительных II склонения уничтожает исторически понятные, но из современного русского языка необъяснимые исключения.

14. ИЗЪЯТЬ ИСКЛЮЧЕНИЯ

1) ПИСАТЬ: *ЖУРИ, БРОШУРА, ПАРАШУТ*

НОВЫЕ ПРАВИЛА

По общему правилу написания гласных после шипящих в словах *брошюра, жури, парашут* после *Ш* и *Ж* пишется *У*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 1... Буквы *Ю* и *Я* допускаются после этих согласных (*Ж, Ч, Ш, ЪЖ*) только в иноязычных словах (преимущественно французских), например: *жюри, парашют* (в том числе – именах собственных, например: *Сен Жюст*), а также в сложносокращенных словах и буквенных аббревиатурах, в которых по общему правилу допускаются любые сочетания букв (см. § 110).

Это предложение ликвидирует исключения в передаче гласных после шипящих. Так как заимствованных слов, в которых после *Ж* и *Ш* пишется *Ю*, очень мало (*брошюра, брошюровать, брошюровщик; жюри; парашют, парашютировать, парашютист* и нек. др.), то изменение их написания не приведет к ломке орфографических навыков.

2) УСТРАНИТЬ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПЕРЕДАЧЕ УМЕНЬШИТЕЛЬНОГО СУФФИКСА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБЫЧНО ПЕРЕДАВАЕМОГО КАК -ЕНЬК-; ПИСАТЬ: ЗАЕНЬКА, ПАЕНЬКА, БАЕНЬКИ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В ласкательных именах существительных на *-инька* может быть перед *-Н-* только *О* или *Е*, например: *березонька, липонька, заенька, паенька, баеньки*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 21. В ласкательных именах существительных на *-нька* может быть перед *-Н-* только *О* или *Е*, например: *березонька, липонька, бабонька, Веронька, Лизонька, лисонька* (но не «*Лизанька*», «*лисанька*»), *полосонька* (но не «*полосынька*»); *Петенька, Оленька, Марфенька, Сереженька, Зоенька* (но не «*Петинька*», «*Зоинька*»), *душенька, ноченька*; также *волосоньки* (но не «*волосыньки*»). Однако в словах *заинька, паинька, баиньки* пишется *-инька (-иньки)*, а в существительных, образованных от слов на *-ыня*, пишется *-ынька*, например: *милостынька* (от *милостыня*).

Предлагаемое правило полностью унифицирует написание суф. *-еньк-*, снимает ничем не оправданные с точки зрения современного языка исключения.

3) ПИСАТЬ: ДОСТОЕН, ЗАЕЦ, ЗАЕЧИЙ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

а) Прилагательные, оканчивающиеся на *-йный*, пишутся в краткой форме мужского рода с *Е* перед *-Н-*, например: *спокойный – спокоен, буйный – буен, достойный – достоен*.

б) В существительных мужского рода пишется *-ей-* (с беглым *Е*), например: *европеец – европейца, заяц – зайца*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 28. Прилагательные, оканчивающиеся на *-йный*, пишутся в краткой форме мужского рода с *Е* перед *И*, например: *спокойный – спокоен, знойный – зноен, буйный – буен, прямолинейный – прямолинеен*. Но от *достойный – достоин (достоинство)*, однако причастие *удостоенный, удостоен (от удостоить, по § 26)*. § 18... В существительных мужского рода пишется *-ей-* (с беглым *Е*), например: *комсомолец – комсомольца, европеец – европейца*.

Примечание. От написаний существительных мужского рода с суффиксом *-ец-* следует отличать написания слов *заяц* и *месяц*.

Сохранять исключения *достоин, заяц* нет никакого смысла, так как беглая гласная после регулярно передается буквой *Е*: *зноен, спокоен, армеец, кореец*. (Ср. *зноен – знойный; достоен – достойный; кореец – корейца, заяц – зайца*).

4) ПИСАТЬ: ДЕРЕВЯННЫЙ, ОЛОВЯННЫЙ, СТЕКЛЯННЫЙ НОВЫЕ ПРАВИЛА

Прилагательные, образованные при помощи суффикса *-ян- (-ан-)*, пишутся всегда с одним *Н*: *овсяный, полотняный, кровяной, дровяной, кожанный, деревянный, оловяный, стеклянный*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 61. ...Прилагательные с суффиксом *-ян- (-ан-)*, образованные от существительных, пишутся с одним *Н*, например: *волосной, дровяной, глиняный, кожанный*. Прилагательные *деревянный, оловянный, стеклянный* пишутся с двойным *Н*.

Унификация написания этих прилагательных обоснована, поскольку она ликвидирует исключения (*деревянный, оловянный, стеклянный*), часто вызывающие затруднения у пишущих – в результате влияния других образований этой же суффиксальной группы прилагательных.

Опубликовано в: Известия. 1964. № 228, 229 (а также см.:
Учительская газета. 1964. № 114. – А.В.)

[Григорьева 2004: 299–311]

Вопросы для самоподготовки

1. Определите сходные черты в конкретных пунктах между «проектом» 1930 г. и данными «предложениями».
2. Какие аргументы высказывали создатели «предложений» в пользу своих новаций?
3. Почему творцы «предложений» считали (гипотетически), что пользоваться сформулированными ими правилами будет легче, нежели Правилами 1956 г.?
4. Были ли у изобретателей «предложений» основания рассчитывать на скорую и широкую общественную поддержку их замысла? Попытайтесь доказать верность своих суждений.
5. Почему в некоторых случаях инноваторы от орфографии считали всё-таки возможным оставить некоторые из Правил 1956 г. без изменений? Обоснуйте варианты возможных объяснений.
6. Насколько оправданны неоднократные ссылки новаторов на орфографические системы *других* славянских языков?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Специальные издания

Биржакова Е.Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. – Л., 1981. – С. 96–129.

Бондалетов В.Д. Сколько стоит пол-рубля?.. (К дискуссии по орфографии) // Язык образования и образование языка. В. Новгород, 2003. – С. 15–16.

Булгаков С.Н. Философия имени. – Париж, 1953. – 230 с.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – Л., 1941. – 248 с.

Васильев А.Д. Вербализация аксиологических ориентиров в текстах А. Платонова // Политическая лингвистика. №1 (51). – Екатеринбург, 2015. – С. 23–32.

Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. – СПб., 2013. – 660 с.

Васильев А.Д. Игры сакральным/профанным в тексте В.В. Набокова // Политическая лингвистика. №5 (59). – Екатеринбург, 2016. – С. 17–27.

Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. – М., 2013. – 342 с.

Васильев А.Д. Историко-культурный аспект динамики слова. – Красноярск, 1994. – 196 с.

Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. – М., 2017. – 264 с.

Васильев А.Д. Нормы и парадоксы (мета)языкового сознания // Язык, литература, история, культура. Научно-информационный бюллетень СПбГУ №79 (ноябрь 2009). – СПб., 2009. – С. 11–12.

Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. – М., 2003. – 224 с.

Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. – М., 2014. – 240 с.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М., 1988. – 496 с.

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 3–18.

Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. №3(4). – Томск, 2008. – С. 5–17.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. – М., 2004. – 456 с.

Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб., 1873 / цит. по: Земская Е.А. Из истории русской литературной лексики XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – Т. IV. – М., 1957. – С. 5–64.

Двенадцатое заседание Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, 16 декабря 2003 // Мир русского слова. – 2004. №1. – С. 5–6.

Евнин Ф.И. Примечания // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10-и тт. Т. 7. – М., 1957. – С. 705–757.

Ерохин В.Н. Вариативность грамматических форм в поэтических текстах А.С. Пушкина // Международная научная конференция «Язык и культура». – М., 2003. – С. 258–260.

Жуковская Л.П. От редактора // Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. – М., 1988. – С. 3–6.

Иванов В.В. Алфавит // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 29–30.

Иванов В.В., Михайловская Н.Г., Панькин В.М. Язык великого братства (Русский язык как средство межнационального общения народов СССР). – М., 1986. – 160 с.

Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. – М., 2012. – 112 с.

Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1988. – 240 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002. – 832 с.

Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Соч. В 9-и тт. Т. IX. – М., 1990. – С. 28–55.

Кодухов В.И. Введение в языкознание. Изд. 2-е. – М., 2012. – 288 с.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» – СПб., 1999. – 368 с.

Королёва И.А. Возрожденное имя. – Смоленск, 2011. – 72 с.

Коростовцев М.А. Древнеегипетская литература // Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. – М., 1978. – С 5–18.

Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск, 2008. – 320 с.

Кузанский Николай. Компендий // Кузанский Николай. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. – М., 1980. – С. 320–380.

Лисицына Т.А. Язык реформ и реформа языка: приоритеты интеллектуального развития // Язык образования и образование языка. – В. Новгород, 2002. – С. 21–27.

Лопатин В.В. О новом своде правил русского правописания // Русский язык в школе. – 2001, №2. – С. 55–60.

Лурье Я.С., Рогинский А.Б. Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч. В 5-и тт. Т. 1. – М., 1989. – С. 563–590.

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб., 1999. – 990 с.

Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991. – 270с.

Подольская Н.В. Заглавные и строчные буквы в культовых словах // Русская речь. 1994. №1. – С. 49–57.

Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания – М., 1973. – 32 с.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. – М., 2003. – 496 с.

Рёш О. Проблема стереотипов в межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. – М., 1998. – Вып. 6. – С. 490–501.

Романенко А.П. Образ ритора в советской словесной культуре. – М., 2003. – 432с.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1988. – 784 с.

Самотик Л.Г. Внелитературная лексика в создании образа инонациональной речевой среды. – Красноярск, 2013. – 564 с.

Семенюк Н.Н. Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 337–338.

Серман И.З. Примечания // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10-и т. Т. 4. – М., 1956. – С 581–609.

Сквозников В. Козьма Прутков // Прутков Козьма. Сочинения. – М., 1976. – С. 5–34.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М., 1993. – 238 с.

Текучёв А.В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме в средней школе. – М., 1982. – 111 с.

Топоров В.Н. Письмена // Мифы народов мира. – Т. 2. – М., 1988. – С. 314–316.

Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового единства славян. – М., 2004. – 224 с.

Утевская П. Слов драгоценные клады. – М., 1985. – 191 с.

Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981. – С. 5–69.

Фролов Н.К. Краткий очерк истории письменных культур народов мира. – Тюмень, 2011. – 224 с.

Щерба Л.В. Безграмотность и её причины // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 56–62.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М., 1953. – 368 с.

Ямпольский И. А.К. Толстой // Толстой А.К. Соч. В 2-х т. Т. 1. – М., 1981. – С. 5–34.

Справочные и лексикографические пособия

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.

Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Альфа-Принт, 2008. – 1239 с.

Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. – М., 1984. – 328 с.

Словарь русского языка. В 4-х тт. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.

Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 1983. – 1600 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Т. 1–4. – М., 1964–1973.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. – М., 1993.

Научно-популярные, литературно-художественные и публицистические тексты

Адамов А.Г. Личный досмотр. – М., 1992. – 236 с.

Булгаков М.А. Белая гвардия // Собр. соч. В 5-и т. Т. 1. – М., 1989. – С. 178–428.

Булгаков М.А. Банан и Сидараф // Собр. соч. В 5-и тт. Т. 2. – М., 1989. – С. 499–501.

Булгаков М.А. Воспаление мозгов // Собр. соч. В 5-и т. Т. 2. – М., 1989. – С. 635–640.

Булгаков М.А. Жизнь господина де Мольера // Собр. соч. в 5-и т. Т. 4. – М., 1990. – С. 227–400.

Бунин И.А. Дневники 1917–1918 гг. // Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М., 1990. – С. 27–64.

Бунин И.А. О новой орфографии // Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М., 1990. – С. 380 [Бунин 1990 б].

Бунин И.А. Окаянные дни // Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М., 1990. – С. 65–170 [Бунин 1990 а].

Бунин И.А. Слово // Собр. соч. в 6-и т. Т. 1. – М., 1987. С. 287.

Бухарин Н., Преображенский Е. Алфавит коммунизма. – М., 1919. – 322 с.

Вяземский П.А. О Ламартине и современной французской поэзии // Вяземский П.А. Соч. В 2-х т. Т. 2. – М., 1982. – С. 142–146.

Гоголь Н.В. Мертвые души. – М., 1956. – 422 с.

Достоевский Ф.М. Бесы // Собр. соч. в 10-и т. Т. 7. – М., 1957. – С. 3–703.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. В 10-и т. Т. 9. – М., 1958. – 636 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч. в 10-и т. Т. 5. – М., 1957. – С. 5–574.

Достоевский Ф.М. Скверный анекдот // Собр. соч. в 10-и тт. Т. 4. – М., 1956. – С. 5–60.

Замятин Е.И. Десятиминутная драма // Избранные произведения. – М., 1989. – С. 461–463.

Зощенко М.М. Диктофон // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 203–205.

Зощенко М.М. Европа // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 152–154.

Зощенко М.М. Качество продукции // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 365–367.

Зощенко М.М. О пользе грамотности // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 504–505.

Зощенко М.М. Ошибочка // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 276–277.

Зощенко М.М. Стихийное бедствие // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 480–481.

Зощенко М.М. Туман // Собр. соч. В 3-х т. Т. 1. – Л., 1986. – С. 291–292.

Кагаев В.П. Белеет парус одинокий. – М., 1980. – 208 с.

Ключевский В.О. Письмо П.П. Гвоздеву от 3 сентября 1861 г. // Ключевский В.О. Сочинения. В 9-и т. Т. 9. Материалы разных лет. – М., 1990. – С. 129–138.

Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Сборник произведений. – М., 1976. – С. 412–426.

Маршак С.Я. Веселая азбука // Сказки, песни, загадки. Стихотворения. В начале жизни. – М., 1981. – С. 78–80.

Маршак С.Я. Гвоздь и подкова // Сказки, песни, загадки. Стихотворения. В начале жизни. – М., 1981. – С. 449.

Маяковский В.В. Мое открытие Америки // Избранное. – М., 1979. – С. 623–660.

Маяковский В.В. Советская азбука // Полн. собр. соч. В 13-и т. Т. 2. – М., 1956. – С. 92–95.

Набоков В.В. Дар // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 3. – М., 1990. – С. 3–330.

Набоков В.В. Посещение музея // Собр. соч. В 4-х т. Т. 4. – М., 1990. – С. 351–360.

Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. – С. 22–208.

Пелевин В.О. Амфир В. – М., 2006. – 416 с.

Платонов А.П. Котлован // Ювенильное море. – М., 1988. – С. 79–187.

Поляков Ю.М. Замыслил я побег... // Треугольная жизнь. – М., 2007. – С. 11–365.

Прилепин З. Действительно не понимаю // Terra Tartaraga: Это касается лично меня. – М., 2009. – С. 29–37.

Прилепин З. К нам едет Пересвет // Я пришел из России. – СПб., 2008. – С. 196–199.

Пушкин А.С. Возражение на статью «Атенея» // Полн. собр. соч. в 10-и т. Т. VII. – Л., 1978. – С. 54–57.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. в 10-и т. Т. V. – Л., 1978. – С. 6–189.

Пушкин А.С. Заметки и афоризмы разных годов // Полн. собр. соч. в 10-и т. Т. 7. – Л., 1978. – С. 352–357.

Пушкин А.С. Капитанская дочка // Полн. собр. соч. В 10-и т. Т. VI. – Л., 1978. – С. 258–360.

Пушкин А.С. Опровержение на критики // Полн. собр. соч. В 10-и т. Т. VII. – Л., 1978. – С. 116–137.

Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Полн. собр. соч. В 10-и т. Т. VII. – Л., 1978. – С. 38–45.

Пушкин А.С. Российская Академия // Полн. собр. соч. В 10-и т. Т. VII. – Л., 1978. – С. 250–254.

Скотт В. Айвенго. – М., 1980. – 404 с.

Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи // Зарубежная повесть. – М., 1975. С. 661–852.

Тенн У. Нулевой потенциал // Сборник научно-фантастических рассказов. – М., 1992. – С. 324–337.

Тургенев И.С. Бурмистр // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12-и т. Т 1. – М., 1953. – С. 200–214.

Тургенев И.С. Два помещика // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12-и т. Т 1. – М., 1953. – С. 242–251.

Тургенев И.С. Контора // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12-и т. Т. 1. – М., 1953. – С. 215–232.

Уиндем Дж. Отклонение от нормы // Уиндем Дж. День триффидов. Отклонение от нормы. – Екатеринбург, 1993. – С. 207–367.

Фолсом Ф. Книга о языке. – М., 1972. – 158 с.

Черешнев А. Только с двумя «Н» // Правда, 2 апреля 1989. – С. 4.

Чехов А.П. В Париж! // Собр. соч. В 12-и т. Т 4. – М., 1955. – С. 151–156.

Чехов А.П. Вишневый сад // Собр. соч. В 12-и т. Т. 9 – М., 1956. – С. 407–461.

Чехов А.П. Ворона // Собр. соч. В 12-и т. Т 3. – М., 1955. – С. 277–281.

Чехов А.П. За яблочки // Собр. соч. В 12-и т. Т 1. – М., 1954. – С. 95–101.

Чехов А.П. Знакомый мужчина // Собр. соч. В 12-и т. Т 4. – М., 1955. – С. 221–224.

Чехов А.П. Перед свадьбой // Собр. соч. В 12-и т. Т. 1 – М., 1954. – С. 102–106.

Чехов А.П. Умный дворник // Собр. соч. В 12-и т. Т. 2. – М., 1954. – С. 63–65.

Шишков В.Я. Угрюм-река. Т. 1. – М., 1972. – 478 с.

Учебное издание

Александр Дмитриевич Васильев

ПИСЬМЕННОСТЬ,
АЛФАВИТЫ, ОРФОГРАФИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Учебное пособие

Редактор *Н.А. Агафонова*

Корректор *А.П. Малахова*

Верстка *Н.С. Хасанишина*

Обложка *Ф.Е. Подсохин*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 05.04.18. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 10,25. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ № 04-РИО-001

Отпечатано в типографии «Литера-принт»,
т. 295-03-40

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК